

Д. е. т. и. м. и. р. а.

Дети мира

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература“
МОСКВА
1965

Сборник рассказов
писателей
разных стран

Рассказы печатаются
по болгарскому изданию 1962 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Емил Коралов, Емилиан Станев (Болгария), Марина Пинтор
(Италия), Василий Компаниец (СССР), Петр Димитров-Рудар
(Болгария), Федор Тарасов (ВФДМ), Мадлен Бэлле (Франция),
Зденек Слабы (Чехословакия).

Австралия

Самый маленький континент земного шара часто упоминается в географических викторинах: «В какой стране все реки пересыхают летом?», «Где бывают ливни такой силы, что более половины всех годовых осадков выпадает за несколько часов?», «Где водятся сумчатые волки, медведи и мыши и такие редкие животные, как динго и кенгуру?»

Много удивительного в природе Австралии. Необычно и ее население. Коренных жителей здесь всего около 50 тысяч, а приезжих, вернее, потомков приезжих свыше 10 миллионов.

Из многих стран Европы ехали люди буквально «на край света» в поисках свободной, не занятой помещиками земли, справедливых порядков. Но на новом континенте все оказывалось таким же, как на родине: та же власть капиталистов и владельцев огромных имений, тот же тяжкий труд за гроши.

Жизнь в австралийских городах и на фермах в общем очень похожа на жизнь в европейской провинции. Исключение составляют аборигены — коренные жители. Им приходится еще хуже, чем самому бедному «белому» австралийцу. Живут они в резервациях — специально отведенных местах в горах и болотах, за свой тяжелый труд получают только продукты, которых едва хватает на полуголодное существование.

Ребята, живущие в Австралии, даже не замечают, что они растут на удивительном континенте. Их развлечения и мечты, игры, споры, ссоры те же, что и у европейских сверстников. Впрочем, вы и сами в этом убедитесь, познакомявшись с австралийскими мальчишками Скерри и Тимом, героями рассказа «Охота на лягушек».

ДЖОН
ХЕЗЕРИНГТОН

*х о т а
н а л я г у ш е к*

Был душный летний вечер. Мы спускались по холмистой пыльной дороге туда, где россыпью огней сверкала главная улица поселка.

— Помни: Скерри — наш атаман, — сказал я своему новому товарищу, Тиму Коннору.

— Ладно, — ответил он.

— Скерри сильный парень, — объяснил я ему, — он кого хочешь поколотит в нашей школе, и если он не примет тебя к нам в компанию, значит, всё.

— Ладно, — повторил Тим, — понятно.

Я немного волновался, потому что взял с собой товарища, не предупредив Скерри. Отец Тима Коннора и мой отец вместе работали на лесопильном заводе. Семья Конноров поселилась рядом с нами в домике на холме. Тим Коннор был обыкновенный мальчишка, с ежиком соломенных волос на голове и веснушчатым лицом, — словом, ничего примечательного. Но мы учились с ним в одном классе, и мой отец просил Тима, пока тот не попривыкнет на новом месте. И мне ничего не оставалось, как всюду таскать его за собой.

Мы вошли в поселок, свернули на главную улицу и двинулись в сторону фруктовой лавки Тальяно, из окон которой на дорогу падал яркий свет. Это было единственное место в поселке, где допоздна царило оживление. Летними вечерами сюда приходили девушки и молодые парни. Они подолгу сидели за маленькими зелеными столиками, потягивая фруктовые напитки и нежно поглядывая друг на друга.

Наша компания встречалась обычно около лавки Тальяно. Мы играли и

дурачились, пока не появлялся Скерри с какой-нибудь затеей. И мы покорно отправлялись за ним обрывать яблоки в саду, отвязывать корову старого Джо Хоггарта, обстреливать камнями чью-нибудь железную крышу или приставать к влюбленной парочке.

Скерри был сильный и дерзкий. И никто не оспаривал его права командовать нами. Мы подозревали, что даже школьные учителя побаиваются его.

Отец и братья Скерри, лесорубы, были суровые люди, и ни один человек не решился бы стать им поперек дороги. Скерри — весь в них.

Когда мы с Тимом подошли к лавке Тальяно, там уже собралось трое наших ребят. Они видели Тима в школе, но были почти незнакомы и поэтому поздоровались с ним со скрытой подозрительностью, обычной в таких случаях для мальчишек.

— Что мы сегодня делаем? — спросил я Тима Хэмбери.

— Не знаю, — ответил он. — Уж Скерри что-нибудь да придумает.

Тип Хэмбери ударил ногой по водосточной трубе и спросил, кивнув в сторону Тима:

— Скерри знает, что он придет?

— Нет.

Хэмбери пробурчал что-то невнятное.

Мы уселись в кружок и начали весело болтать. Тим Коннор сидел рядом со мной, и похоже было, что его совсем не интересуют наши разговоры. Я уже жалел, что взял Тима с собой. В течение десяти минут к нам присоединилось еще четверо ребят. Все мы ждали Скерри. Наконец он пришел. Скерри был одних лет с нами, но повыше ростом. Худощавый, крепко сбитый, с широкими, сильными плечами и большими, словно булыжники, кулаками. Упрямое худое лицо Скерри напоминало лицо взрослого человека, хотя ему было всего тринадцать лет. В руке у Скерри раскачивался незажженный фонарь. Мы все сидевшие как попало до прихода Скерри поднялись:

— Привет, Скерри!

Скерри быстро оглядел всех нас своими большими темными глазами. Взгляд его остановился на Тиме, и он спросил:

— Кто такой?

И, пока я объяснял, как попал в нашу компанию Тим, Скерри не мигая смотрел на меня. От волнения я еле ворочал языком, и слова застревали у меня в горле. Скерри сжал губы, и я подумал: «Сейчас он прогонит Тима».

Немного помедлив, Скерри спросил:

— Свой парень?

— Свой, — заверил я.

— Пусть остается, — кивнул Скерри.

Я улыбнулся Тиму, но он не обратил на это никакого внимания. Тим смотрел на Скерри, словно не понимая, какая ему оказана честь. Меня это разозлило.

Вскоре Скерри сказал:

— Сегодня пойдем к реке. За лягушками.

Мы двинулись вдоль по улице. Впереди с незажженным фонарем шагал

Скерри. Остальные ребята шли за ним по пятам, подталкивая друг друга и перекидываясь шутками. Все были радостно возбуждены, предаваясь интересным приключениям.

Оставив за собой поселок, мы вышли к мосту, переброшенному через реку. Нас окружала душная, темная ночь.

Скерри поставил фонарь на перила моста, достал из кармана спички, подкрутил фитиль и зажег фонарь. Слабый огонек осветил наши лица и замирал на дрожащей волне.

Лето выдалось сухое, и река сильно обмелела. Она тихонько бежала по гладкой гальке, еле прикрывая ее, и мелодичное журчание воды напоминало тонкий, отдаленный звук скрипки.

— Тихо! — приказал Скерри. — Слышите?

Мы примолкли. В тишине разносилось кваканье бесчисленных лягушек, печальное и зловещее.

— Пожалуй, будет хорошая охота, — сказал Скерри. — Возьми фонарь, Дик. А вы все идите за нами.

Повинуясь приказу, Дик Райдер взял фонарь и начал пробираться к реке. Скерри, вооруженный толстой сухой палкой, следовал за Диком, а мы спускались за ними. Тим Коннор и я шли позади всех.

— Что мы будем делать? — шепотом спросил меня Тим.

— Это уж он знает, — кивнул я в сторону Скерри.

Мы двинулись вдоль реки, стараясь держаться песчаной кромки, где вода доходила нам до щиколоток. Впереди всех шел Дик. Он высоко держал фонарь, и свет от него скользил по воде и крутому берегу. Не прошли мы и ста метров, как Скерри приказал Диду остановиться.

Скерри нагнулся и палкой вырыл ямку между камнями. Ямка быстро наполнилась водой.

— Свети сюда, Дик, — приказал Скерри.

Дик опустил фонарь к самой воде. И тут Скерри взвизгнул от восторга. Концом палки он подцепил и выкинул из ямки лягушку. Лягушка неуклюже шлепнулась на сухой песок. Это была большая лягушка с темно-зеленой спинкой и белым брюшком. Она словно окаменела, и только бока ее то вздувались, то опадали.

— Вот она! — закричал Скерри. — Бей ее!

Скерри, а за ним и все ребята набрали полные пригоршни камней.

— Посвети, Дик! — крикнул Скерри и первым бросил камень.

Не долетев до лягушки, камень упал, подняв целый фонтан песка. Лягушка хотела сдвинуться с места, но не смогла и только задышала тяжелее. Скерри быстро метнул два камня подряд. Один камень раздробил лягушке ногу, другой угодил ей прямо в голову. Лягушка задержалась на песке.

— Бью без промаха! — воскликнул Скерри. — За мной, ребята! Сейчас мы еще найдем лягушек!

Свет от фонаря падал на лицо Скерри, и глаза его, всегда холодные, на этот раз горели от возбуждения. Я с презрением смотрел на Скерри — сейчас я его ненавижу. Но я

хорошо знал, что у меня никогда не хватит смелости высказать это вслух, потому что остальные ребята подняли бы меня на смех и, обзавав слюнятем, ушли бы вслед за своим вожаком Скерри.

Неожиданно кто-то сказал:

— Это и есть охота на лягушек?

Поначалу я не разобрал, кто произнес эти слова. Это был чей-то чужой голос. И вдруг я понял — этот вопрос задал Тим Коннор, за которого я поручился и должен был отвечать перед Скерри.

Когда Скерри ледяным тоном спросил: «Кто это сказал?» — у меня даже под ложечкой засосало.

Тим Коннор вышел вперед. Он был гораздо ниже Скерри. Даже сквозь весушки стало видно, как Тим покраснел, но не казался испуганным.

— Я, — сказал Тим.

Скерри сжал кулаки и бросился на Тима, но тот ловко отразил первые удары. Завязалась драка. Тим был гибкий и проворный, но Скерри дрался, как зверь. Каждый мускул его крепкого, худощавого тела стремился к одной цели — уничтожить Тима. Через минуту из носа у Тима лилась кровь, а под

глазом появилась кровавая ссадина. Еще несколько сильных ударов — и Тим свалился в воду.

Скерри оглядел всех нас, высморкался двумя пальцами и сказал:

— Ну, пошли, что ли? Иди вперед, Дик.

У Скерри был хвастливый вид победителя, сумевшего побороть того, кто отважился оспаривать его нерушимое право вождя. Взгляд Скерри, казалось, говорил: «Ну, кто еще из вас хочет бунтовать?»

Я всегда боялся Скерри. Но вдруг неожиданно для самого себя я услышал свой собственный голос:

— Разве это игра?

Скерри направился ко мне, весь его вид не предвещал ничего хорошего. Но вдруг несколько ребят шагнули в мою сторону и окружили меня. Скерри опешил. Он стоял, переводя взгляд с одного на другого. И от его грозного вида не осталось и следа. Лицо Скерри выражало лишь растерянность, смущение.

Да, он сумел бы избить каждого из нас поодиночке, но всех вместе одолеть он не мог. И Скерри это знал.

Тим Коннор поднялся и, вытирая рукавом окровавленное лицо, ушел в темноту. Скерри и не пытался остановить его. Он повернулся к Дику и сказал, как бы бросая вызов всем нам:

— Идем, Дик, пусть эти слюнтяи делают что хотят.

Но Дик Райдер поставил фонарь на песок около убитой лягушки.

— Я иду домой, — сказал он и пошел вниз по реке.

Тим Коннор и я последовали за Диком. Остальные двинулись следом за нами. Ребята шлепали по мелкой воде, и под ногами у них постукивали речные камешки. Уже на мосту я оглянулся. Скерри по-прежнему стоял один и смотрел нам вслед. В этот миг Скерри был похож на побежденного генерала, которого солдаты покинули на поле боя.

— Все еще идет кровь? — спросил я Тима.

— Да, немножко, — ответил Тим.

Как бы сговорившись, мы прибавили шагу, а потом пустились наперегонки в сторону поселка.

Я немного опередил Тима и первым прибежал под освещенные окна лавки Тальяно, где высились пирамиды апельсинов, яблок и бананов. Тут, выпавшись от бега, мы остановились и оба засмеялись. И Тим со следами крови на лице казался мне сейчас гораздо сильнее Скерри.

Алжир

Есть арабская поговорка: «Алжир — туловище птицы. Тунис и Марокко — крылья». Очертания этих трех стран на севере Африки действительно похожи на птицу, а судьбы их народов связаны так же тесно, как туловище и два крыла.

Более ста лет находились все три страны под французским владычеством. После второй мировой войны Марокко и Тунис стали независимыми, а туловище птицы все еще оставалось в клетке. Французские банкиры и промышленники не хотели расставаться с самым лакомым куском Северной Африки.

На средиземноморском побережье страны удивительно мягкий, благодатный климат. Солнце здесь одинаково ласково и к людям и к растениям. Изумрудом сверкают оливковые рощи, далеко за горизонт тянутся густые виноградники. А сколько здесь пшеницы, плодов, хлопка, табака!

Огромны богатства Атласских гор, отделяющих прибрежные районы от гигантской пустыни Сахары: нефть, железо, фосфориты, кобальт, свинец, марганец. Поэтому и не хотели французы уходить из этой страны, уверяя, что, мол, алжирцы сами не смогут управлять своим государством, что без Франции они пропадут. Колонизаторы хотели, чтобы алжирцы считали своим отечеством чужое для них государство — Францию.

Ныне, после героической семилетней борьбы, народ Алжира заставил колонизаторов убраться воясяи. И теперь уже каждый алжирский мальчишка знает, что такое отечество.

МУХАММЕД
ДИБ

течество

Только школьники успели сесть за парты, как учитель громко, словно иерихонская труба, провозгласил:

— Урок по обществоведению.

Вот сейчас Омар и съест свой хлеб, который лежит у него в кармане.

Учитель сделал несколько шагов между партами. Глухое шарканье подошв по полу, удары ног по партам, выкрики, смех, шепот — все прекратилось. Как по волшебству, в классе воцарилась тишина. Но, хоть ребята и сидели смирно, комната была полна какой-то легкой, воздушной, танцующей, светлой радости.

Довольный, господин Хасан подошел к кафедре, раскрыл толстую тетрадь и воскликнул:

— Отечество!

Слово было встречено полным равнодушием. Школьники его не поняли. Оно так и повисло в воздухе.

— Кто из вас знает, что такое отечество?

Легкое оживление нарушило тишину в классе. Учитель ударил палочкой по карте, чтобы восстановить порядок. Ученики беспокойно заерзали, их глаза забегали по столам, по стенам, окнам, потолку. И наконец все взгляды остановились на лице учителя. Очевидно, отечества в классе не было. Ученики смотрели на учителя и друг на друга. Некоторые не принимали участия в поисках и терпеливо, с деланным равнодушием ждали.

Брахим Бали поднял руку. Посмотрите-ка на него! Неужели он знает? Наверно. Ведь он второгодник.

— Наше отечество, — пробормотал Брахим, — наша мать — Франция.

Он говорил в нос, как каждый ученик, читающий вслух. Услышав то, что он сказал, все принялись повторять эту же фразу.

С закрытым ртом Омар жевал маленький кусок хлеба. Во Франции столица — Париж. Омар знал это. Французы, которых он видел на улицах, приехали из этой страны. Для того чтобы попасть туда или приехать оттуда, надо пересечь море на пароходе... Море... Средиземное море. Омар никогда не видел ни моря, ни парохода. Но он знает: море — это большое пространство, заполненное соленой водой, а пароход — что-то вроде плавающей доски в нем. А Франция — это разноцветная картинка. Как может эта далекая страна быть его матерью? Его мама — Айни. У него нет двух мам. Айни — это не Франция. Между ними нет ничего общего... Омар только что столкнулся с ложью. Отечество или не отечество, а Франция не была его матерью. Но он заучивал ложь, чтобы избежать удара оливковой палочки.

Он вспомнил сочинение: опишите вечер у камина... Чтобы помочь им, господин Хасан читал рассказы о детях, которые прилежно сидят над книгами. Лампа освещает стол. Отец, расположившись в глубоком кресле, просматривает газету, а мама вышивает... Итак, Омар вынужден лгать! Учитель продолжал: в камине горит огонь, тикают стенные часы, а на улице идет дождь, дует ветер, темно. Ах, как хорошо чувствует себя человек у огня!

Учитель читал им рассказы и о загородном доме, где дети проводят свои каникулы: плещ оббивает фасад, неподалеку от лужайки журчит ручей. Воздух чист. Какое счастье дышать им полной грудью! Читал учитель и о труде крестьянина: радостный он идет с песней за плугом, а над ним льется трель жаворонка. Читал учитель и о кухне: кастрюли так хорошо начищены и так блестят, что человек может смотреть в них, как в зеркало. Читал он и о праздничном рождественском дереве, которое ставят в доме, — с золотыми и серебряными нитями, с разноцветными мячами, с игрушками, которые дети находят в своих ботинках...

Школьники знают очень хорошо: тот, кто умеет лучше всех лгать, кто умеет лучше всех эту ложь повторять, — тот и есть лучший ученик в классе.

Омар с наслаждением продолжал жевать хлеб. Учитель, остановившись рядом с ним, снова пытался водворить тишину в классе. Сомнения мучили душу Омара. Господин Хасан начал урок.

— Отечество, — говорил учитель, — это земля наших отцов, страна, в которой испокон веков жило много поколений нашего народа.

Учитель долго рассказывал о том, что такое отечество. Школьники присмирели, записывали каждое его слово...

Омар подумал: а входит ли он сам в это же отечество?.. А мама, а Ауйша, а Марием, а жители Дар-Сбитара? Входят ли все они в отечество? И Хамид Сарадж?

— Когда приходят чужеземцы, которые хотят стать господами, мы говорим: «Отечество в опасности!» Эти чужеземцы — враги, и весь народ должен защищать отечество, над которым нависла угроза. Тогда встает вопрос о войне. Люди должны защищать свое отечество даже ценой жизни, — сказал учитель.

Какой же была страна, в которой жил Омар? Он хотел, чтобы учитель рассказал ему об этом. Где были эти плохие люди, которые объявили себя господами? Кто был врагом его страны, его отечества? Омар не решился спросить: для этого надо было открыть рот, а во рту у него лежал хлеб.

— Тот, кто очень любит свое отечество и трудится на его благо, называется патриотом.

Голос учителя звучал торжественно.

Господин Хасан ходил взад-вперед между партами.

Был ли он патриотом? Был ли патриотом и Хамид Сарадж? Как могут они оба быть патриотами? Учитель был одним из так называемых первых людей на селе, а Хамид Сарадж — человек, которого часто разыскивала полиция. Кто же из них двоих патриот?

С удивлением Омар услышал, что учитель говорит по-арабски. Он, который запрещал им говорить на родном языке! Как это возможно? В первый раз учитель говорил с ними на арабском языке.

Глуховатым голосом учитель твердо произнес:

— Не верьте, если вам скажут, что Франция — ваше отечество! Это ложь! Наконец-то Омар узнал, что это была ложь.

Господин Хасан остановился. Несколько минут он молчал и, как всем показалось, был взволнован. Он как будто хотел сказать еще что-то, но не произнес ни слова...

Аргентина

На аргентинских монетах изображены голова быка и пшеничный колос. Каждый раз, когда житель Аргентины поглядит на монету, он должен вспомнить, что это символы его благополучия.

Символы есть, а благополучия не видно, хотя Аргентина очень богатая страна. Бескрайние просторы пампасов — чудесные природные пастбища для несметных стад и табунов. На каждого аргентинца приходится по две с половиной коровы и по три овцы, немало здесь и лошадей, и свиней, и коз. Аргентина похожа на всемирный склад продуктов, откуда пароходы развозят по всем континентам мясо и зерно.

А вот в самой Аргентине люди живут не очень сыто. Про нее говорят, что это «сельскохозяйственная страна без крестьян». Вся земля страны поделена между крупными помещиками, а обрабатывают поля и пасут скот целые армии батраков — наемных рабочих. И пастухи-гаучо, и пеоны — пахари и жнецы — одинаково бедны. Им очень трудно купить мешок пшеницы или хороший кусок мяса: слишком мало у них красивых монеток с головой быка и колосом. Но аргентинские ребята растут смелыми, боевыми, честными людьми, хорошими товарищами, всегда готовыми вступить за несправедливо обиженного, так, как делает это младший брат Мартина из рассказа Альваро Юнке.

АЛЬВАРО
ЮНКЕ

*а р т и н
н и ч е г о н е у к р а л !*

Мартин и все другие дети из их квартала прекрасно знали его. Это был большой черный кот с глазами как две монетки, тихого и ласкового нрава. Ребята, проходя мимо, всегда наклонялись и гладили его по мягкой шерстке, а он выгибал спину и терся об их ноги с дружелюбным мурлыканьем. Так что, когда в то утро, о котором пойдет речь, внезапно раздалось отчаянное мяуканье, все детское население квартала переполошилось. Бедный Фалучо (так звали черного кота), он умрет с голоду! Какой ужас! Да, так и будет! Наверняка!

На третий день после того, как хозяин уехал, по ошибке заперев Фалучо в пустой комнате, мяуканье стало почти непрерывным и каким-то особенно жалобным. Это слабое, протяжное, надрывное мяуканье словно острый нож резало ребячьи сердца, несмотря на то что на совести некоторых мальчишек квартала лежало по нескольку кошачьих и собачьих жизней, загубленных во время многочисленных браконьерских вылазок. Но ведь Фалучо был такой тихий, такой добрый, такой приятный кот!..

Происходило нечто ужасное. Дело в том, что хозяин Фалучо, портной, был полусумасшедший, вечно пьяный старик. По временам он уезжал куда-то и обычно запирал свою комнату, а кота оставлял соседке. Но на этот раз он забыл про кота, и бедняга Фалучо, оказавшись запертым в пустой комнате, подыхал от голода и мяукал, взывая о помощи. Ребята, дрожа от сострадания, собирались возле двери портного и разговаривали с Фалучо через замочную скважину. Кот отвечал им неизменным мяуканьем, которое, казалось, слышалось все более и более издалека: он слабел.

Так прошло пять дней. Ребята ломали голову, обдумывая различные планы спасения затворника: взломать дверь, проделать внизу дырку, чтобы можно было просовывать ему мясо?..

Как-то вечером, подойдя к двери, ребята заметили, что мяуканье совсем стихает. Они поняли: близок конец. Но когда же вернется портной? Старый пьяница! Почему знать, может, он и совсем не вернется? Свалился где-нибудь на дороге и помер...

Ребята не отходили от двери. Время от времени они окликали пленника:

— Фалучо! Фалучито!..

В ответ слышалось все то же печальное мяуканье. Ребятам казалось, что, пока они будут таким образом звать кота, а кот отвечать им, он не умрет.

— Это неважно, если он в этот раз померет, — сказал один мальчик, самый маленький. — У кошки семь жизней — так пословица говорит. В этот раз он померет, а потом опять воскреснет, а потом опять померет... Пока он будет помирать семь раз, дедушка портной вернется.

— Лучше уж пусть он ни разу не помирает, — ответил другой мальчик, настроенный менее радужно. — Надо его спасти! Но как?

— Давайте взломаем дверь, а?

— Давайте!

Восемь мальчишек навалились плечом на проклятую дверь.

— Разом! Посильней!

Восемь плеч разом ударились о дерево. Бесполезно — дверь не поддавалась... Вдруг Мартин с лицом, осветившимся внезапным вдохновением, воскликнул:

— Подождите, ребята, я спасу его!

И опрометью побежал домой. Вернулся он с огромной связкой ключей:

— Ну-ка посмотрим, не подходит ли какой-нибудь из них?

Он вставил ключ в замочную скважину... Нет! Другой... Тоже нет! Еще один... Ничего не получается!

Затаив дыхание, вытянув шею, товарищи ждали. Лица их были бледны от волнения, глаза блестели, а сердца, объединенные в одном благородном порыве, с каждой минутой бились всё сильнее. Весь дрожа от возбуждения, сознавая всю ответственность высокой задачи, которую он сам взял на себя, Мартин пробовал один ключ за другим. Может быть, этот?.. Нет, не подходит! Или вот этот, побольше?.. Опять осечка! Он снова и снова вставлял в замочную скважину какой-нибудь ключ и пытался повернуть его — ничего не выходило.

А мальчик, самый младший из всей компании, тот, который верил, что у кошки семь жизней, присел на корточки и, пригнувшись к самому полу, через дверь успокаивал пленника:

— Скоро откроем, Фалучо. Подожди еще немножечко, мы тебя спасем. Не умирай, Фалучито! Еще немножечко не умирай, пожалуйста.

И вдруг ключ повернулся в замке! Мартин толкнул дверь — и она открылась. Ах, какое тут всех охватило ликование, какой радостный крик огласил воздух! Мартин вошел в комнату и вернулся, неся на руках кота, или, вернее, тень, оставшуюся от кота, которая едва слышно мяукала, словно стонала. Мартин торжествующе поднял кота в воздух: он видел однажды, как пожарный вот так же поднял в воздух девочку, спасенную им из огня. Он был

встречен восторженными криками товарищей и восклицаниями сострадательных соседей, окруживших плотным кольцом отважных спасителей и вполне разделявших с ними их благородное ликование.

— Ура! Да здравствует Фалучо! Фалучито наш дорогой! — кричали мальчишки.

— Бедняжечка, до чего исхудал! — восклицали женщины.

— Да здравствует Мартин! — крикнула восторженно какая-то девушка.

А одна женщина поцеловала Мартина в лоб, утирая слезы.

— Давай его сюда! — потребовала соседка портного. — Я дам ему молока.

Мартин, раздвигая рукой толпу, гордым шагом героя двинулся по направлению к говорившей, неся на плече тихонько мяукавшего, словно жаловавшегося, кота и сияя радостью от сознания выполненного долга.

Дверь комнаты портного осталась открытой настежь.

Словно им никогда в жизни не приходилось видеть кота, лакающего молоко, двадцать детей, пятнадцать женщин и десять мужчин столпились вокруг Фалучо. Все вытягивали шею, чтобы взглянуть на него, а Фалучо тем временем опустошал блюдце за блюдцем и просил еще. Люди говорили:

— Бедняжка, как он проголодался! Если б еще день просидел, не выжил бы!

Затевались споры:

— Ну да, не выжил бы! Кошка может сорок дней без пищи просидеть.

— Без пищи — да, но без воды — ни в коем случае!

— Да кошкам пить вовсе не обязательно.

— Не говорите глупостей, приятель! Какой же зверь может жить и не пить?

— А рыбы?

— Ой, потеха, вы только послушайте, что он такое мелет!

Это спорили мужчины.

И вдруг перед ними вырос полицейский.

— Что здесь происходит?

Ему объяснили. Полицейский, высокий и тощий индеец, сделал испуганное лицо.

— Это взлом! Взлом — серьезное преступление! — воскликнул он и, достав блокнот и карандаш, стал допрашивать: — Кто открыл дверь?

Кто-то указал на худенького, очень бледного и дрожащего мальчика: так выглядел в эту минуту Мартин, с которого вмиг слетела вся героическая осанка.

— Ваше имя? — спросил полицейский, подходя к нему.

— Зачем?

— Зачем? Вы знаете, что вы сделали? Вы посягнули на частную собственность! Это тягчайшее преступление! Если б вы были совершеннолетний, вам пришлось бы порядочно годков в тюрьме просидеть — лет десять, не меньше.

Десять лет! Эти два слова ударили мальчика, словно два камня. Они оглушили его. Десять лет! «Но ведь десять лет — это взрослому, — подумал он. — А несовершеннолетнему? Уж, наверно, не меньше пяти... Пять лет тюрьмы! Пять лет!»

Он забыл обо всем на свете, кроме одного: надо бежать! Он бросился наутек, но полицейский стал догонять его, крича:

— Это хуже! Если с побегом, то это еще хуже!..

Дело приняло серьезный оборот. К отцу Мартина явился для переговоров полицейский чиновник. Отцу пришлось идти вместе с сыном в участок. Составили акт. Необходимо было дожидаться возвращения старика: не заметит ли он какой-нибудь пропажи у себя в комнате. Потому что, хотя мальчик клялся, что ничего там не трогал, но... кто знает!..

Прошло два дня. У двери дома, где жил портной и комнату которого сню-ва заперли, стоял полицейский.

Мартин, подавленный, испуганный, не решался носа на улицу показывать. Другие ребята, прижавшись друг к другу и таинственно шепчась, наблюдали за полицейским с противоположной стороны улицы. Они боялись, что будут взяты под подозрение как сообщники. «Десять лет!» — сказал полицейский.

На третий день приехал старик. Полицейский сообщил ему о случившемся с просьбой уведомить полицию, если он обнаружит какую-нибудь пропажу.

Старик обнаружил пропажу коробки сигарет.

Когда Мартин узнал, что его обвиняют в воровстве, он возмутился.

— Вранье! — закричал он. — Я ничего не брал! Я только вынес кота. Это все видели. Я вошел, взял кота и сразу вышел. Старик врет!

Да, старик, вероятно, врал... Но ему, мальчишке, разве кто-нибудь поверит? Мартин прочел недоверие в глазах отца, почувствовал его в словах матери, в улыбке дедушки...

Только бабушка ему поверила:

— Портной неправду говорит. Этот мальчик ничего не украл. Этот ребенок ни на что плохое не способен...

Полицейский, присутствовавший при разговоре, прервал ее:

— Если он способен взломать дверь, то он мог также взять сигареты.

Мартин протестовал:

— Нет, нет, ничего я не брал!..

Бабушка, уверенная в невинности своего любимого внука, настаивала:

— Он взломал дверь, потому что хотел спасти кота. У этого ребенка доброе, благородное сердце!

— Очень возможно, что это так, сеньора, но портной обвиняет его...

Необходимо было как-нибудь уладить дело. Старик требовал за пачку сигарет два песо, и отец Мартина дал ему их, не обращая внимания на яростные протесты сына:

— Не давай ему ничего, папа! Он все врет, папа! Я ничего не украл!

Но почему же ему не верят? Почему старику верят, а ему нет? Потому что ему девять лет, а старику шестьдесят? Мартин совершенно не мог понять, почему это возраст дает такие преимущества.

Мартин пришел в отчаяние. Ему казалось просто непостижимым, что ему не верят. Разве правда — такая простая, такая чистая, такая ясная! — не написана на его лице, красном от нескрываемого возмущения, не звучит в его голосе, хриплом от справедливого гнева?

Он не понимал, как это взрослые могут быть так непонятливы, так слепы и глухи. Когда полицейский и портной ушли, он закричал:

— Но, папа, почему же ты мне не веришь? Ты веришь, что я украл пачку сигарет, папа?..

Он ждал ответа. Отец как-то неопределенно пожал плечами:

— Да кто тебя знает!..

Мартина охватил неудержимый гнев. Он разразился громким плачем, в отчаянии топая ногами и задыхаясь от сознания собственного бессилия. Он чувствовал, что эта несправедливость задушит его, как дикий зверь, вцепившийся когтями ему в горло.

Мать, не понимая причины такого припадка ярости, вмешалась в разговор и сердито закричала:

— Хватит, иди в постель! В постель, если не хочешь, чтоб я тебя поколотила!.. Иди ложись, я говорю!

Они еще угрожают ему! За то, что он, ни в чем не повинный, защищался от клеветы, за то, что он отстаивал свою детскую честь, такую же священную, как и честь взрослого человека, — за это его еще и наказывают?! Но ведь

это же ужасно! Из-за такой несправедливости впору повеситься! Мартин подумал, что если бы сейчас молния небесная поразила его мать, это было бы справедливой карой за такую несправедливость.

Но никакого чуда, которое мгновенно доказало бы его правоту, не произошло, и Мартину пришлось идти в постель, чтобы лежать там без дела целый день в наказание за преступление, которого он не совершал. Он лежал, мучаясь сознанием невозможности опровергнуть позорное обвинение.

В этот день он отказался от обеда.

Бабушка зашла к нему в комнату и взяла его за руку.

Мартин ей сказал:

— Ты ведь не веришь, что я украл, правда, бабушка?

— Нет, деточка, я не верю. Я знаю, что ты не способен воровать.

— Хорошо, бабушка, я доволен... — Больше Мартин ничего не мог сказать.

Горько плача, он прижался к бабушке, а она гладила его по голове и тоже укладкой вытирала слезы.

И тогда братишка, крошечный бутуз, который терся между действующими лицами описываемой нами трагедии, замечая многое и не будучи сам замечен, понимая многое, хотя его не считали еще способным что-либо понимать, — братишка, который внимательно следил за последней сценой между бабушкой и внуком, вдруг решительно вышел из комнаты и направился в столовую, где родители обедали в полном молчании, чувствуя, быть может, на своих плечах тяжесть несправедливости, которую только что совершили от непонимания, из гордости или от презрения к правам детства. И братишка, росту от горшка два вершка, еще не совсем крепко стоящий на подгибающихся ножках, братишка, язык которого еще с трудом ворочался, неуклюже произнося немногие, самые простые слова, вдруг, пораженный горем старшего брата, превратился в маленького мыслящего человека и, став напротив матери, сжав свои крошечные кулачки, вытянувшись во весь рост, закричал, великолепный в своем справедливом гневе, потому что верил в то, что говорил, верил со всей силой своего сознания, внезапно пробудившегося к жизни в большом мире:

— Мартин ничего не украл! Ничего не украл! Ничего не украл!..

ბირმა

В политехническом институте города Рангуна, столицы Бирмы, юноши со всех концов страны изучают высшую математику, теорию машин, ядерную физику. А пять лет назад один из них впервые в жизни увидел поезд, второй помнит, как вся деревня ходила смотреть на привезенную из города швейную машину, а третий — каким чудом казалась ему керосиновая лампа.

Между тем в древности Бирма была цветущим государством. Древнегреческий философ и географ Птолемей называл эту «страну вечного лета», где собирают по два урожая риса в год, «золотым полуостровом». До сих пор сохранились замечательные постройки с золотыми куполами, которым около тысячи лет. Но английские завоеватели, сделав Бирму своей колонией, штыками, словно стеной, отгородили ее от остального мира. Несколько табачных, рисоочистительных да прядильных фабрик — вот и все, что появилось в стране за столетие английского господства. И самыми учеными людьми в народе считались монахи, знавшие лишь азбуку да молитвы.

В 1948 году страна стала независимой. Она делает пока что первые шаги к развитию национальной промышленности, культуры, просвещения. Но у народов Бирмы есть верные друзья — социалистические страны. В самых настоящих джунглях, где водятся обезьяны, леопарды, дикие слоны, носороги и шестиметровые крокодилы — гавиалы, построена первая в стране машинно-тракторная станция, строятся заводы, фабрики, больницы, порты. Построен институт в Рангуне, на берегу «бирманской Волги» — Иравади. И это лишь начало пути к новой жизни!

ЗОДЖИ
(У ТЕЙН ХАН)

унг Бо
и Лейлоун

I

— Эй, куда, куда лезешь, глупая корова! Вот я тебе задам! — слышится звонкий детский голосок из-под навеса, пристроенного к задней стене дома.

На самом деле под навесом нет никакой коровы, нет даже ничего похожего на нее. Если заглянуть в этот момент под навес, то можно увидеть лишь Аунг Бо, обладателя звонкого голоса. Он размахивает бамбуковой палкой и большой зеленой веткой кокосовой пальмы. Ветка кокосовой пальмы и была коровой Аунг Бо.

Аунг Бо — шестилетний мальчуган. Черные волосы, собранные в маленький узелок на макушке, и толстые румяные щеки делают его очень симпатичным. Это он, увлекшись игрой, грозился побить непослушную корову.

В этот вечер Аунг Бо один играл под навесом со своей коровой-веткой. Он бегал вокруг ветки, поправлял и приглаживал листья, а затем останавливался и, подражая взрослым, начинал безжалостно ругать свою «корову» и грозить ей палкой.

— Эй, — угрожающе покрикивал он, — вот я тебя сейчас! Ну что за бес-толковая скотина!

Так он бегал и шумел, иногда ударяя по ветке палкой, увлекаясь все больше и больше, но его корова-ветка оставалась безмолвной, лишь осыпалась и ломалась под ударами палки. Аунг Бо так увлекся своей игрой, что только усталость несколько охладила его пыл, но и после этого он не мог равнодушно смотреть на ветку.

Вдруг какая-то черная собака выскочила из-под дома, подбежала к навесу и настороженно уставилась на Аунг Бо. Аунг Бо в свою очередь посмотрел на собаку и подумал: «Откуда она взялась?» Собака не виляла хвостом и часто дышала. Аунг Бо ясно видел эту большую страшную пасть. Не раз-

думывая больше ни секунды, он быстро вскарабкался на порог кухни и оттуда посмотрел на собаку, на ее оскаленную пасть.

Собака судорожно раскрывала пасть, а там виднелись белые зубы и красный-красный язык!

В то время как Аунг Бо и черная собака разглядывали друг друга, из-под дома выскочила другая, белая собака и подбежала к первой. Обе они стали прыгать, кататься по земле и кусать друг друга. Глаза Аунг Бо наполнились ужасом.

— Эй, Чабо, — пронзительно закричал он, — ведь эта страшная собака покусает тебя!

Услышав голос Аунг Бо, обе собаки прекратили возню и вместе неторопливо удалились из-под навеса.

Аунг Бо на минуту застыл от удивления, потом сорвался с места и вприпрыжку вбежал в дом. Там он занялся тем, что стал мешать взрослым, которые готовили фонарики для праздника титинчут¹. Остаток этого вечера королева могла спокойно отдыхать под навесом.

II

Аунг Бо — внук своего дедушки. Когда дедушка спит, спит и он. Утром они просыпаются и встают вместе. Аунг Бо очень любит своего дедушку, но иногда он его побаивается.

Почему он его любит? А потому, что перед сном дедушка рассказывает интересные сказки про зверей, про золотого зайца и золотого тигра, про глупого крокодила и хитрых обезьян, про свирепых драконов и добрых духов. И еще он любит дедушку за добрые улыбающиеся глаза, которые всегда так ласково смотрят на него.

Почему же он иногда побаивается его? Потому, что дедушка время от времени любит повторять: «Да есть ли какой-нибудь смысл в этой жизни? Каждый должен страдать, стареть и умирать. Жизнь человека — одни сплошные невзгоды и волнения. Надоели мне сыновья, дочери и внуки». И, хотя Аунг Бо не понимал значения таких слов, как «стареть» и «умирать», он верил, что это хорошие слова, так как они сказаны дедушкой. Но Аунг Бо понимал слова «надоели мне сыновья, дочери и внуки» и именно поэтому иногда побаивался дедушки. Это была не только боязнь, но и жалость к дедушке.

Однако и боязнь и жалость почти исчезли у Аунг Бо после одного случая. Однажды, увидев, как Чабо с жалобным визгом примчался домой, ошпаренный горячей водой, тот самый дедушка, который часто бормотал себе под нос: «Надоели мне сыновья, дочери и внуки», покраснел и проговорил, задыхаясь от негодования:

— Таких людей в тюрьму надо сажать! Разве можно так жестоко обращаться с беззащитной тварью!

¹ Титинчут — бирманский национальный праздник огня; празднуется ежегодно в октябре.

Затем он торопливо засеменил в дом, налил из горшка немного масла в маленькую чашку и вернулся к Чабо. Он присел около собаки и, что-то бормоча, стал куриным перышком осторожно смазывать маслом место ожога. Так Аунг Бо узнал, какой у него дедушка. С этих пор он почти перестал побаиваться его.

III

В это утро дедушка и внук поднялись еще затемно. Старик принялся разогревать воду на кухне. Аунг Бо долго не мог решиться, но в конце концов попросил:

— Дедушка, можно я буду мыть миски?

— Гхм, гхм... Да мой, пожалуй. Только смотри не разбей. Вчера твой дедушка купил на базаре для внучка маленькую мисочку... с цветочками...

— Правда?

— Гхм, гхм!.. Конечно, правда...

— Настоящую миску? С цветочками?

— На-ко вот, посмотри. Да и хватит тебе болтать. Налей-ка лучше сюда горячей воды.

Звонкий детский голосок умолкает. Старик подкладывает в огонь щепки. Аунг Бо молча моет миски. Но уже через несколько минут:

— Дедушка...

— Ну, что тебе?

— Вчера вечером сюда прибежала большущая черная собака, пасть у нее открыта...

— Собака? Откуда она взялась?

— Откуда она, я не знаю. Она хотела меня укусить, а пасть у нее то открыта, то закрыта и зубы страшные. Но Чабо она не стала кусать.

— Кхе!.. Ну?

— В следующий раз я ее как следует побью. У нее страшная пасть, и она хочет кусаться. И потом, она съела рис, оставленный для Чабо.

— Ну ладно, ладно. Вымоешь миски — носи их в комнату, да смотри осторожно, не разбей.

Солнце уже встало из-за горизонта и окрасило все золотым блеском. Дед и внук перенесли в комнату чайник и расположились около него прямо на полу. Они с удовольствием стали завтракать вареными бобами и пить чай. Аунг Бо поел немного бобов, а чай почти и не пил. Ему было некогда, не терпелось продолжить свой рассказ.

— А знаешь, эта собака большая-большая, она может схватить Чабо зубами за голову. Ты, наверно...

— Хе... хе... хе... Да не вертись ты, Аунг Бо, не вертись!

Аунг Бо бросил бамбуковую палку, которую он держал в руке, и на миг успокоился.

— И чего ты волнуешься?.. Ведь собаки грелись на солнышке и играли. Ты лучше поешь, поешь. Смотри, как много бобов остается.

— Если я увижу эту собаку, я ее обязательно побую. У нее такая страшная пасть, она так и норовит укусить!

— Да не укусит, внучек, не укусит, а ты не подходи к ней близко.

— Ну да, не укусит! Ты не видел, как пасть то закроется, то откроется, то закроется, то откроется.

— А ты подумай: ведь ей будет больно. Не надо ее бить.

— Ну да... а еще у ней на лбу два желтых пятнышка.

— Ай-ай-ай! Да ведь собака с двумя желтыми пятнышками на лбу — это же Лейлоун! Ешь, внучек, ешь! Не надо ее бить, не надо.

IV

Хотя Аунг Бо помнил эти слова бабушки, все же он не упускал случая испугать или ударить собаку со страшной пастью. А когда он видел, что Чабо убегает из дому к этой собаке, он сердился, бил его ногами и старался загнать обратно. Но Чабо так жалобно скулил, ложился на землю и начинал лизать ушибленное место, что Аунг Бо скоро почувствовал что-то неладное. Все эти четыре дня Чабо тоже не возвращался домой; лежавший в его миске рис оставался нетронутым. Аунг Бо везде искал Чабо, но его нигде не было.

На пятый день обе собаки вместе появились во дворе дома. Когда Чабо и та, другая

собака, Лейлоун, подбежали к кухне, они лицом к лицу столкнулись с Аунг Бо, выходившим из дому. Лейлоун, увидев Аунг Бо, сразу убежала, а Чабо остался на месте, потом подбежал к Аунг Бо, лизнул его в нос своим горячим языком и радостно запрыгал вокруг него. Аунг Бо обнял его за шею и стал гладить по спине, ласково приговаривая:

— Ну куда ты бегал, Чабо? Ты должен есть все, что лежит в миске. Не водись с этой собакой, она тебя искушает. Смотри, какой ты стал худой! Ну иди, иди сюда.

С этими словами он потащил его к кухне и стал кормить рисом с остатками рыбы.

Но Чабо не проявлял особого желания есть рис. Аунг Бо подтащил его к кормушке и насильно заставил есть. Чабо стал есть, выискивая кусочки рыбы, и потом снова отошел от кормушки.

— Ах ты! Ему говорят — ешь, а он не хочет! Ну и не надо, ну и не надо! — ворчал Аунг Бо, слегка ударяя Чабо ногой.

Чабо убежал и скрылся за домом.

Аунг Бо побежал в ту сторону, где скрылся Чабо, и заглянул под кухню. Большое полено мешало ему рассмотреть, что там есть; Аунг Бо присмотрелся и узнал то самое полено, которое он четыре дня назад кинул в другую собаку. Полено было длинное, толстое и тяжелое. Аунг Бо вспомнил, как пронзительно скулила и визжала собака, когда полено ударило ее. Он еще раз посмотрел на полено, оттолкнул его ногой и медленно вернулся в дом.

На следующий день утром Аунг Бо снова встретил собаку со страшной пастью. Собака, увидев его, бросилась наутек, но Аунг Бо только нерешительно посмотрел ей вслед. И с тех пор каждый раз, когда эта собака стремительно убегала при виде Аунг Бо, у него как-то нехорошо становилось на душе. Вид этой собаки причинял ему боль.

Между тем месяц ситинва¹ был на исходе, и приближался танзаунг², а с ним и пора веселых праздников. Собаки были забыты, так же как и многое другое.

V

Как-то раз, уже в середине месяца пъято³, дедушка и внук, как всегда, рано поднялись с постели и грели воду на кухне.

— Дедушка, можно я буду мыть миски?

— Хе... хе... Да мой, пожалуйста. Только смотри не разбей! Вчера дедушка купил для внучка новую мисочку, на ней нарисованы птицы.

— Правда?

— Хе... хе... Конечно, правда.

— Деда, а она очень красивая?

¹ Ситинва соответствует второй половине октября.

² Танзаунг соответствует ноябрю.

³ Пъято — январь.

Становилось светлее, день постепенно разгорался. Вдруг в тишине раннего утра дедушка и внук услышали писк щенка, доносился он из-под кухни. Аунг Бо мигом соскочил вниз, а дедушка не спеша последовал за ним. Аунг Бо заглянул под кухню и увидел там около дров маленького попискивающего щенка, который, пошатываясь на своих слабеньких ножках, выходил к свету. Аунг Бо взял его в руки и прижал к груди. Щенок был пречудесный, мягкий и толстый. С нежной шелковистой шерсткой. Он был черный. С большим белым пятном, как у Чабо, с тонкой желтой полоской на спине.

Щенок, сидя на руках у Аунг Бо, тоненько скулил и повизгивал. Вдруг, откуда ни возьмись, около кухни появилась собака со страшной пастью, и, хотя она видела Аунг Бо, она не убегала, а, часто дыша, то открывая, то закрывая пасть, смотрела на него.

— Эге... да это ее детеныш!.. — сказал дедушка.

И Аунг Бо впервые улыбнулся этой собаке. Он опустил щенка на землю и бережно стал гладить его рукой. Щенок тихонько скулил, а собака настороженно поглядывала на Аунг Бо, и пасть ее то открывалась, то закрывалась.

— Аунг Бо, отдай детеныша, — сказал дедушка.

Мальчик послушно отпустил щенка. Собака осторожно подошла к щенку и стала лизать его, поглядывая время от времени на Аунг Бо.

— Дед... а почему у нее пасть все время двигается? Она, наверно, хочет укусить кого-нибудь...

— Да нет... это она просто так дышит.

Аунг Бо внимательно посмотрел на пасть собаки и ее красный язык.

— Дедушка, так она никого не хочет укусить?

— Да нет, что ты...

Дедушка поперхнулся дымом от своей трубки, и что-то забулькало у него в горле. Аунг Бо продолжал с интересом разглядывать щенка.

С этого дня по утрам во дворе раздается звонкий голосок Аунг Бо:

— Эй, эй, Лейлоун! Эй, эй, эй, Чабо!

Болгария

Если ты встретишь на улице болгарина — студента, инженера, приехавшего по делам, или туриста, — то без труда поймешь болгарскую речь. Родственны наши народы, их культура и язык. Недаром же буквы, которые пишешь ты сам, и те, что пишет болгарский школьник, — «потомки» старинной азбуки, разработанной болгарскими просветителями Кириллом и Мефодием.

Пять веков был оторван болгарский народ от других братских славянских народов. Полтысячелетия прожили болгары под властью Османской империи. Но народ сохранил свою культуру, язык, обычаи.

Около ста лет назад болгарские воины с помощью русских изгнали турок-поработителей. Но в царской монархической Болгарии оставались та же бедность и темнота, тот же помещичий гнет.

В 1923 году вооруженное восстание, возглавлявшееся болгарскими коммунистами, возвестило всему миру, что болгары не только мечтают жить, как их братья — русские, но и не остановятся ради этого ни перед какими жертвами. А в 1944 году, когда Советская Армия подошла к границам Болгарии, всенародное восстание смело старую власть и старые порядки. Болгария стала страной рабочих и крестьян. Не прошло и двадцати лет после освобождения, а Болгарию не узнать. В стране быстрыми темпами развивается промышленность, механизмуется сельское хозяйство. Розы и виноград, фрукты и зерно — все чудесные дары благодатной земли принадлежат народу. Болгарские ребята с трудом представляют себе, что четверть века назад школы были далеко не в каждом селе, что о пионерских дворцах и детских театрах даже не слышали и обыкновенная книга для детей считалась редкостью.

АНГЕЛ
КАРАЛИЙЧЕВ

елый конь

У старого моста, что соединяет село с равниной, расположился дедушка Иван Чужестранец со своим электрическим насосом. Резиновый шланг спустился вниз, как хобот слона, и направлял шоколадную струю воды к оросительному каналу. А канал пересекал равнину, где пестрели астры и желтый тысячелистник, извивался змеей и сворачивал вправо, к кооперативным полям. Женщины в белых платках, склонившись над грядками, осторожно рыхлили маленькими лопатами мягкую землю, выпалывали сорняки и окучивали побеги овощей. Мужчины в закатанных ниже колен штанах мотыгами делали насыпи, отводили воду в сторону и поливали сразу по три грядки. Дедушка Иван говорил ребятам, собиравшимся вокруг и не сводившим глаз с насоса:

— Вы спрашиваете, почему я не даю мотору передохнуть? Мотор — не конь, устали не ведают. А вы знаете, сколько у меня детишек, и все пить хотят!

— Не знаем. Скажи сколько.

— Не меньше миллиона. Все корешки в огороде мои дети, я их мою водой. Как станет солнце припекать, они, как цыплята, от жажды пищать начинают. Только я один слышу их голоса. Корни — мое владение, а овощи — тут я ничего не могу сказать: общие, кооперативные. Пройдите-ка вдоль канала и, если вода где-нибудь подмыла насыпь, дайте знать по беспроволочному телеграфу.

Ребята с удовольствием обегали поляну, приминая тысячелистник и мягкую траву. Заметив какие-нибудь неполадки, поднимали крик:

— Дедушка Иван, беги скорей, вода в сторону уходит!

Дед Иван брал мотыгу, двумя взмахами поправлял насыпь, приговаривая:

— А теперь беги, водичка, к моим корешкам. И не вздумай в сторону сворачивать, а то достанется тебе от дедушки Ивана!

А рядом с каналом, где трава была густая и сочная, паслись кооперативные кони. Каждый вечер целый караван подвод, нагруженных перцем, помидорами, кочанами капусты, огурцами и баклажанами, тянулся к станции. Свежие овощи укладывали в ящики и отправляли далеко-далеко. Впереди всегда шла телега дедушки Ивана, запряженная белым конем, который в беге не знал себе равных. Птицу на лету поймаешь на этом коне, стрелу обгонишь. Привел его отец Милко с добруджанской равнины в тот год, когда пришли переселенцы из Меджидие. Тесно было буйному коню на поляне, и он, как рыба в сетях, метался между Белым берегом и колочей изгородью. Милко Добруджанец смотрел на коня, и очень ему хотелось хоть разок оседлать его, но дедушка Иван не давал и заикнуться об этом.

— Лошадям надо хорошенько отдохнуть, снопы возить будут.

Однажды в жаркий день после жатвы дед Иван позвал ребят, загоравших на песке, и сказал:

— Говорят, в поле трава по пояс, шелковая, мягкая, что шерсть у котенка. Хотите попасть там коней? Седлайте-ка их да скачите в поле. Но возвращайтесь до захода солнца.

Ребята онемели от радости. Такое счастье им и во сне не снилось. Мигом натянули штаны и бросились к коням.

— Белый, чур, мой! — закричал Милко и, опередив товарищей, вскочил на спину коня, не ожидавшего всадника.

— Поезжайте вверх через Голушницу. А то берегом до вечера не доберетесь.

Семеро всадников с мокрыми выгоревшими волосами и горящими глазами помчались вверх по косоугору. Остался только самый маленький. Ему не досталось коня.

Дедушка Иван погладил его по голове.

— А ты будешь мне помогать. Будем вдвоем воду качать, весь огород польем. Всю воду из реки выкачаем, рыба на песке останется. Ох, сильно парит — к дождю!

Часа два пасли ребята коней, так и не слезая с них, но потом им захотелось пить, они соскочили на землю и отправились искать родник, журчавший под тенистым вязом. Ребята напились ледяной воды, смастерили из пшеничной соломы маленькую мельницу и, стоя на коленях у ручейка, поглощенные игрой, не заметили, как потемнело небо и загремел гром. Тем временем кони спустились к реке и исчезли среди прибрежных ив.

— Кони пропали! — Добруджанец вскочил и стал озираться по сторонам. Их чудесных коней нигде не было.

— Где кони?

— Вечером с нас голову снимут, если мы без них вернемся! — заныл Петко, по прозвищу Заяц.

— Не бойся, найдем, — успокоил его Милко и стал карабкаться по стволу высокого вяза, росшего у ручейка.

С верхней ветки Добруджанец заметил торчащие лошадиные уши — они мелькали в ивняке.

— Вот они! — крикнул он. — Я вижу их. Ой, страшный дождь льет в горах! Птицы с криком улетают! — Он быстро спустился по корявому стволу.

Ребята бросились к реке.

— Что теперь делать? — спросил Заяц.

— Ничего. Переждем грозу, потом вернемся.

Гроза налетела с ужасающим ревом. Пригнула к земле высокие деревья. Била их верхушки и ломала ветви. Хлынул дождь и затопил землю. Потоки воды устремились к реке. Ребята сбились в кучу на берегу, дрожа от холода и страха, ледяные струи текли по их спинам. Когда дождь немного стих, кто-то из ребят сказал:

— Сейчас наши матери сидят под старым мостом, там сухо, разговаривают себе потихоньку, а мы тут дрожим, как мокрые курицы!

Темная туча двигалась к кукурузному полю Браговицы. Дождь проходил. Заяц вытянул шею и засмеялся:

— Слышите, что-то шумит, как будто поезд подходит. Слышите?

— Какой тебе поезд, Заяц! Река шумит.

— Смотрите, смотрите, вода стеной поднялась! — закричал кто-то из мальчиков и закусил губу.

Действительно, с грохотом и грозным шумом к реке с гор катился водяной поток. Вода заливала все перед собой, поглощала стоявшие на берегу копны сена, заливала низкие луга, небольшие деревья и угрожающе двигалась вперед.

Ребята, остолбенев, смотрели на поток.

— Мама! — закричал вдруг Милко Добруджанец.

Он в ужасе огляделся, стремглав бросился к белому коню, вскочил ему на спину, вцепился в гриву, понесся вниз к равнине, как птица, и в ту же секунду скрылся из глаз.

— Я ее обгоню! Пока она петляет по лугам, я поеду напрямик и обгоню ее. Скорее, милый! — кричал маленький всадник, а сердце его, готовое разорваться, бешено колотилось.

Могучий конь, почуяв беду, неся как на крыльях. Комья грязи отскакивали от копыт.

Конь перелетал через небольшие холмы, легко оставляя позади овраги. Внизу, в поле, тихий и спокойный, еще моросил дождь. Огородники укрылись от дождя под старым деревянным мостом, и никому не приходило в голову, что смерть уже подкралась к ним и метит их, как ягнят, которых поведут на убой.

Неожиданно с грозным топотом по мосту над их головами пронесся белый конь. Затрещали ветхие перекладины, зашатались подпорки. Конь остановился по ту сторону реки. Он был весь в пене, дрожал и тяжело дышал. Чужестранец выглянул из-под моста — посмотреть, что случилось.

— Бегите! — что есть силы закричал Милко. — Река... страшная... идет!

Огородники сломя голову бросились из черной преисподней, посмотрели вверх и увидели стену воды, которая уже поглотила подсолнухи на поляне.

Онемев, они наблюдали, как через мгновение темная стена воды докатилась до реки, заполнила ее русло, мост затрещал, как будто говоря: «Нет, не хочу, я тут поставлен, чтобы связать село с полями!» — но вода сорвала его и понесла вниз.

Бледный и дрожащий от ужаса, дедушка Иван Чужестранец кинулся к Милко и воскликнул сдавленным от волнения голосом.

— Милко, детка, спаситель ты наш, дай я тебя расцелую!

И обнял мальчика.

СТ. Ц. ДАСКАЛОВ

олокольчик Рогуши

Из села донеслась песня школьного колокольчика. Милю выбежал из кошары¹ и не отрываясь стал смотреть на приютившееся в низине село. Сквозь утренний осенний туман он видел старое училище посреди села, стайку ребят, которые заполняли двор, бегали наперегонки, играли, кричали. Он как будто слышал их голоса и песни, видел, как учитель расхаживает среди них, улыбающийся и доброжелательный, как пастух среди послушного стада.

Чем больше смотрел Милю, тем сильнее сжималось его сердце, и слезы застлали глаза.

Колокольчик, собиравший каждое утро ребят в школу, был его колокольчиком, колокольчиком его козы Рогуши. Когда Тане — сторож — сказал, что оторвался язычок у школьного звонка, Милю сбегал в кошару, снял медный колокольчик у Рогуши с шеи и отнес его в училище. Колокольчик всем понравился. Звук у него был чистый, приятный. Услышишь его — и ноги сами бегут в школу. И первым туда всегда приходил Милю. Брал колокольчик из рук у бабушки Тане и, став на верхнюю ступеньку, звонил изо всех сил. Всех лентяев поднимал с постели, и стоял на крыльце до тех пор, пока ребята не столпятся у дверей и, отталкивая друг друга, не начнут протискиваться вперед. А колокольчик не унимался, пока все не выстроится в ряд. Тогда Милю пропускал ребят по одному, проверяя, все ли вытерли ноги о деревянную решетку, все ли вымыли руки, не забыл ли кто тетрадку по арифметике или карандаш.

И все время, пока Милю учился, колокольчик пел, как птица. Когда Милю окончил училище, ему было жаль расставаться с колокольчиком. Но он махнул рукой и сказал: «Ладно, пусть уж висит тут», и ушел к деду в кошару. Но

¹ Кошара — загон для овец.

как будто сердце его осталось в этом колокольчике. Каждое утро, едва зазвенит колокольчик, Милю выбежит, станет у кошары и, только когда опустеет школьный двор, сдвинется с места. Достанет свои старые книги из торбы и, вместо того чтобы идти в училище, погонит стадо на пастбище. Слезы крупные, как почки кизила, щиплют глаза.

Пройдут годы, Милю вырастет, но будет все такой же неученый, темный. Сверстники его станут учителями, докторами, а он останется оборванным пастухом. И то, что знает, забудет, скитаясь по лесам и горам. Эх, был бы жив отец, взял бы его за руку и сказал: «Идем-ка, сынок, определю я тебя учиться в городе. Мы в темноте свой век прожили, так пусть хоть у тебя глаза раскроются».

Милю полетел бы, как на крыльях. Говорят, надо сдавать экзамен. Никакого экзамена он не боится. Только бы пустили его хоть раз в тот большой многоэтажный дом с бесчисленными окнами. Уж он бы себя показал! Учителя бы только дивились: «Откуда ты, паренек? Где учился?»

Но отец сложил голову где-то на Балканах, а дед и слышать не хочет об учении...

Залаяли собаки и заглушили песню школьного звонка. Рядом с Милю, словно из-под земли, вырос его строгий дедушка.

— Ты еще тут? — закричал дед Вылко и бросил топор, которым колот дрова. — Ты погляди, как поздно!

Милю вскочил, точно проснувшись, и спрятал книги в заплочный мешок.

Посмотрел — солнце поднялось над гребнем горы, а он еще не выгнал овец. Дед прав. Понуриив голову, Милю погнал стадо, но колокольчик Рогуши словно еще стучал где-то в висках. Сегодня этот звон разрывал ему сердце. Мальчик не выдержал, остановился, посмотрел, как дед бросает зерно курам, и, чуть помедлив, вдруг бросился к нему, как голодный цыпленок.

— Дедушка! — взволнованно воскликнул он.

— Ну?

— Я буду делать все, что ты скажешь, но на будущий год... — Он задохнулся от волнения.

— Что, что?

— На будущий год мне бы учиться пойти... Вон Ванчо и Митко куда меньше моего знали, а записались... Учиться я хочу, дедушка!

Сказал он это, и лицо его посветлело. Горе, что камнем лежало на сердце, исчезло. На лице заиграла улыбка. Но дед Вылко нахмурил мохнатые брови и как ножом отрезал:

— А ну, гони овец на пастбище, а то я как вытану тебя хворостиной, забудешь про всякое учение!

Милю словно громом ударило. Глаза его наполнились слезами. Он положил на плечо большую толстую палку и погнал овец подальше от кошары, словно хотел уйти с ними на край света.

Так продолжалось целый год. Поговорит Милю с дедом, тот отругает его, и Милю снова уходит далеко в горы. Присядет он у какого-нибудь куста,

раскроет старую книжку и читает... Мысленно переносится он в город, в большой дом, видит себя учеником — в фуражке, с поясом. Вот он стоит у доски, а доска больше и чернее той, что была у них в училище, и без красных полосок; учителя умнее и учение их сельских учителей, задают ему разные вопросы. Он немного подумает и на каждый отвечает... Целый год он мыслями был вместе со своими товарищами в городе. А весной, когда ему становилось особенно тяжело, он подзывал Рогушу, которая тоже как будто жалела о своем колокольчике, и играл с ней.

Колокольчик звенел у него в ушах. Он пел, и перед глазами Милю возникали картины одна другой прекраснее. Мальчик видел себя взрослым, учителем, вот он ведет ребят в клуб, в правление, ласковый и спокойный, и каждый, кто попадаетеся навстречу, здоровается с ним: «Добрый день, учитель! Добрый день!» Дедушка, улыбаясь, смотрит на него и поглаживает бороду...

Только по воскресеньям Милю спускался в село, брал в читальне книги, журналы и читал их целую неделю. Так прошел год.

Но выдержать второй год у него едва ли хватит сил. Ему все чаще хотелось тайком удрать в город, как отец его когда-то ушел в горы к партизанам...

Но когда осенью школьный колокольчик, все тот же колокольчик Рогуши, созывал ребят, к Милю неожиданно пришли парни из села.

— Собирайся! Возьми, что тебе понадобится, и пойдем!

— Куда?.. — Оцепенев, он смотрел на них.

— Учиться пойдешь. Разве тебе дед не сказал?

— Нет...

— Вот упрямый старик! Ведь мы ему говорили позавчера! Государство тебе дает стипендию.

— Кому, мне?

— Тебе, кому ж еще... Отец твой пал за свободу... И ты первым учеником был, что ж тебе пропадать тут, на пастбище. Ну, иди, бери сумку и спускайся, надо подготовиться.. Экзамен сдавать надо. Не сдашь — пеняй на себя...

У Милю от радости подкосились ноги. Слезы хлынули из глаз. Дед посмотрел на него, потом потоптался на месте и сказал мягко и как будто опечаленно:

— Что ж, иди, иди... Видать, уж так мне на роду написано — помереть тут одному, да хоть ты свет увидишь! — Старик махнул рукой, наклонил голову, чтобы скрыть слезы, и пошел за стадом, держа в руках пастушью палку.

В тишине из села доносился звон медного колокольчика Рогуши.

Венгрия

Если взять две энциклопедии — изданную до войны и новую — и отыскать в них слово «Венгрия», то поначалу текст обеих статей будет одинаковым. Вы узнаете, что в IX веке венгерские племена переселились с востока на берега Дуная, прочтете о трудной их борьбе с соседями в течение нескольких веков. Энциклопедии расскажут о том, что с XVI века Венгрия стала частью Австрийской империи и обрела национальную независимость только после первой мировой войны. Там рассказывается о героической борьбе будапештских рабочих, провозгласивших в марте 1919 года Венгерскую Советскую Республику, и о том, как капиталистические державы ввели в страну войска и потопили власть трудящихся в крови.

А затем настало едва ли не самое страшное в истории страны время. В стране хозяйничали фашисты...

Но вот статьи начинают так отличаться одна от другой, будто речь идет о разных государствах. В старой энциклопедии Венгрию называют страной степей и садов, огромных помещичьих имений, слабой, отсталой промышленности, редких и мелких предприятий полукустарного типа. А в новой рассказывается о венгерском алюминии и нефти, о коксохимических заводах, станках, тракторах, автомобилях, о гордости Будапешта — заводе «Красный Чепель», где работают двадцать шесть тысяч человек. И причина всего этого ясна: превращение Венгрии в свободную, независимую республику, строящую социализм.

Советские солдаты, которые освобождали Венгрию в 1944—1945 году от фашистов — немецких и отечественных, венгерских, — в большинстве своем еще не старые люди. А страна успела буквально переродиться: выросла могучая индустрия, каждому стало доступно образование. Стали известны всему миру работы нового поколения венгерских ученых. Страна смело смотрит в будущее. И каждый молодой гражданин ее знает: все мечты его сбудутся.

МИКЛОШ
ВИДОР

*ентр
нападения
и капитан*

Гроза разразилась, когда Вилли Олах зачитал состав команды.

После уроков никто не торопился домой. Вилли Олах, капитан команды, решительно прошел между партами и поднялся на кафедру. Он размахивал листком из тетради в клеточку с составом команды, как будто не знал, что Пипу Хашлингер будет играть в защите, а Янчи Очоваи — в нападении на правом крае. Вилли Олах стоял у доски, небрежно облокотившись о кафедру, ни за что на свете не желая пригласить свои лохматые русые волосы, хотя они падали ему на глаза.

Он немного помедлил и наконец торжественно произнес:

— Сообщаю состав команды сегодняшнего матча против пятого «А».

Он назвал одиннадцать фамилий. Разумеется, Банди Ради среди них не было. Теперь я знал, что мне делать.

Держа портфель под мышкой и стоя у двери, я сказал:

— Я не буду играть!

Не успел я взяться за ручку двери, как человек пять окружило меня. Все хорошо помнили о тех великолепных голах, которые я на прошлой неделе забил пятиклассникам.

— Как это не будешь?

— Ты что, Шкуло?

— И именно сейчас, в последнюю минуту?

Я пожал плечами. Можно было что-нибудь придумать — что мне надо к зубному врачу, что у меня болит живот, — но зачем? Банди Ради бегают лучше всех в классе, он проворный, как ящерица, он и должен быть правым краем. Это в интересах всего класса. И дело здесь не в том, что он мой лучший друг.

Вилли Олах насмешливо улыбался. Он-то отлично знал, в чем дело. Он был готов даже примириться с поражением, лишь бы свести со мной счеты. Но сейчас я даже не сердился на него, просто меня раздражали эти бесконечные уговоры:

— Не валяй дурака, Шкуло, мы остаемся без центра.

— Ты должен играть!

И Банди тоже стоял у меня над душой. Да еще с такой кислой физиономией, словно был недоволен, что я за него заступаюсь.

— Олах будет форвардом...— И я снова взялся за ручку двери.— В крайнем случае прихватит еще парочку своих приятелей... Остальное — дело пятого «А».

Теперь все сорок два мальчишки забегали взад-вперед между дверью и доской. От этого матча зависело, выиграем ли мы первенство школы. Все возмущались, кричали, одни ругали меня, другие уговаривали Вилли Олах повлиять на меня. Но я больше не хотел терпеть его высокомерие. С трудом я выбрался из окружения.

— До свиданья!

Банди едва догнал меня на углу.

— Ну, хватит! Ради чего ты их дразнишь?..— и взял меня под руку.

— Уж не воображаешь ли ты, что ради тебя? — Я раздраженно вздернул голову. — Я не притронуся к мячу, пока в команде капитаном Олах.

Он уговаривал меня до самого дома.

Было два часа, а матч начнется в четыре.

Без всякого аппетита я поковырял блинчики с повидлом, которые бабушка приготовила специально для меня. Все во мне бунтовало.

Учить уроки не было смысла, все равно в голове вертелось только одно: как я буду торжествовать завтра, когда все узнают о плачевном результате матча.

Делегация явилась в три часа. Золи Толнаи, левый защитник, и запасной вратарь Миши Слиач. Оба были необыкновенно внимательны и вежливы.

— Вас послал Олах?

— Нет... но...

— Мы сами...

Я с самым серьезным видом покачал головой:

— Видите, сколько у меня дел! Завтра, наверно, вызовут по географии.

— Что ты болтаешь глупости, Шкуло! Нашел кому рассказывать...

— Тут не о чем говорить.

Тогда Миши Слиач сказал:

— Ты все-таки не воображай, что ты такая уж звезда!

Этого еще не хватало! Я прервал переговоры и напомнил им, что матч скоро начнется. Мне так хотелось спросить их, как Олах расставил игроков без меня, но теперь это уже было невозможно.

Они ушли. Я снова возрился на Гибралтарский пролив, но побережье Испании занимало меня все меньше и меньше. Интересно, о чем сейчас говорят ребята? Наверняка они уже собираются в конце двора и натягивают сетки в

воротах. Что происходит в раздевалке? Неужели Вилли Олах, как всегда, строго требует соблюдать тишину? И Банди, Банди Ради, неужели и он там? Уж он-то мог бы прийти и посидеть со мной.

Может быть, он пошел, чтобы сразу после матча прибежать ко мне и сообщить результат...

Ничего не произошло. Большие стенные часы зловеще, басовито ударили один раз. Половина четвертого. В сущности, я бы еще мог успеть — я живу в пяти минутах ходьбы от школы. Но я тут же устыдился этой позорной мысли.

На бабушку, наверно, произвело впечатление мое необыкновенное рвение; во всяком случае, она не смела меня расспрашивать. Она сидела у окна и шила отцу рубашку, слышался только стук машинки. А в прошлый раз точно так же она чинила мою желтую футболку после того победного матча. Ее порвал полузащитник пятиклассников, когда схватил меня у их ворот. Но я уже забил гол, сетка ворот еще качалась от удара. Неделию назад.

Кто сейчас центр? Вышел ли Вилли Олах в нападение? Тогда в защите образуется брешь... По правде говоря, он хороший центр защиты. Если бы он так не задавался! И не улыбался так надменно из-под лохматой русской пряди, закрывающей ему лоб!

Вот приди он сам за мной... тогда другое дело... Конечно, он поставил Очоаи правым краем вместо Банди, потому что тот дает ему списывать задачки. Пользуется тем, что его выбрали капитаном. Но я за него не голосовал. Сейчас я даже хорошо не помню, чье имя я написал на листочке. Какое-то имя, которое все равно получило только один мой голос.

Так я думал и все ждал звонка. Но никто не позвонил. Без пятнадцати четыре... Кончено. Ребята уже вышли на разминку...

Вот сейчас лысый учитель физкультуры Ретек возьмет свисток, и Вилли Олах выйдет на середину выбирать ворота... Казалось, я даже слышу глухой удар по мячу, когда бьет Пипу Хашлингер... Напротив — пятый «А» в красных футболках и черных трусах. Перешептываются: «Что такое, разве не Шкуло их центр нападения?» — «Может, он болен?» — «Глупости, я сам видел его утром!..»

Надо опять взяться за Гибралтар, завтра меня спросят...

Не знаю, как прошла вторая половина дня. Банди Ради не позвонил. Никто другой тоже. Я очень устал. Голова у меня горела. Может быть, у меня температура? Тогда завтра не нужно будет идти в школу. Увидят, что я и вправду болен...

Какой может быть результат? Наверно, мы проиграли. В таком случае, первенство летит к черту!

После ужина папа позвал меня прогуляться. Хорошо бы пройти мимо школы. Может быть, спросить дядю Чендеша, сторожа? Хотя он ничего не смыслил в футболе, только стоит и смотрит, как мы играем.

— Что-нибудь случилось? — спрашивает отец.

— Нет, ничего...

— В школе что-нибудь неладно?

— Меня сегодня даже не спрашивали...

Он подозрительно смотрит на меня.

— Тогда в чем дело?

Я не хотел рассказывать и все-таки рассказал ему все.

Он выслушал меня до конца, но сам не произнес ни слова.

Дома мама стала спрашивать меня по географии. Я не знал ничего. Напрасно я призывал бабушку в свидетели, что зубрил полдня. Отец был у себя в комнате. Я слышал, как он звонит по телефону. Немного погодя он позвал меня:

— Иди сюда.

От него я узнал, что матч окончился вничью. Он говорил с Банди Ради.

Тот просидел до конца матча, но не хотел прийти ко мне. И он на меня сердился.

— Ну, что скажешь? Твое мнение? — сухо спросил отец.

Я пожал плечами.

— А все-таки?

— Мое мнение, что в будущем году я, пожалуй, перейду в другую школу. Пусть прославится Олах.

— Знаешь что? — нахмурился отец. — Я бы тебе посоветовал переключиться на какой-нибудь индивидуальный вид спорта.

— Почему?

— Потому, что и я не взял бы тебя в команду, будь ты хоть сам ди Стефано.

Прошло много времени, пока я переваривал горькую пилюлю. Три дня я молчал, никуда не выходил, никем не интересовался, и мной никто не интересовался.

В тот день, когда на торжественном вручении наград должны были раздать одиннадцать значков за первенство — столько нас участвовало во всех соревнованиях, — Вилли Олах подошел к моей парте.

— Сегодня в четыре обязательно приходи, слышишь, Шкуло! — как ни в чем не было сказал он.

У меня даже шея покраснела. Но все-таки мы пожали друг другу руки. После этого никто ни словом не заикнулся о случившемся. Я думаю, что, несмотря ни на что, он оставит меня в команде. Ведь он капитан команды, раз большинство проголосовало за него.

В Демократическая
Республика
ьетнам

Один любопытный путешественник увидел на новом заводе в Республике Мали токарный станок с надписью «Сделано во Вьетнаме». Путешественник удивился: он знал, что Вьетнам всегда ввозил из Европы даже иголки и гвозди. Откуда же станки в стране гор и непроходимых тропических лесов?

Позже этому путешественнику довелось побывать в Демократической Республике Вьетнам. Там он узнал, что за первые три года мирной жизни республика построила вдвое больше промышленных предприятий, чем за все сто лет господства французских колонизаторов. Путешественник увидел крестьян, ставших хозяевами своей земли и для себя, а не для французских плантаторов выращивающих рис, хлопок, каучуконосы, кофе, чай, сахарный тростник. Побывал он на принадлежащих народу угольных шахтах, цинковых, марганцевых рудниках, в новом университете Ханоя, открытом народной властью.

«Какие богатства! — думал путешественник. — Как это французы согласились расстаться с ними!»

Что ж, гостю рассказали и об этом. Французские колонизаторы отнюдь не были уступчивыми людьми. Около восьми лет шла «грязная война» (так называли ее трудящиеся самой Франции). Зато начиная с 1954 года, когда война закончилась, строительство новой жизни идет невиданными темпами. Правда, не во всем Вьетнаме. Южная часть его, к югу от 17-й параллели, — искусственное, созданное империалистами государство Южный Вьетнам, где до сих пор силен гнет помещиков и купцов, где фактическими хозяевами стали американские генералы. Но и здесь вьетнамцы не собираются мириться с угнетением и бесправием, все ярче разгорается пламя всенародной партизанской борьбы. Юг будет так же свободен, как север Вьетнама.

ТО ХОАЙ

зорник Лиу становится мастером

День, когда свозят металлолом, — большой праздник. Веселыми стайками идут ребята к месту сбора, доставляя на повозках, тачках, а то и просто в мешках железный лом. Впереди каждого пионерского отряда важно шествуют барабанщики, задорно отбивая на тростниковых барабанах громкую дробь. Девушки и женщины выносят на дорогу кружки с водой, чтобы напоить людей, которые в поте лица толкают повозки, нагруженные металлоломом. А солнце взбирается по небу все выше, палит все сильнее. Но и барабаны бьют задорнее, флажки развеваются над пионерскими отрядами, повозки скрипят, люди весело перекликаются.

Никогда я не видел у Лиу красного галстука и был уверен, что его еще не приняли в пионерский отряд, и в этом не было бы ничего удивительного, потому что с таким характером, как у Лиу, в пионеры не принимают.

Но в этот день наш Лиу шел с ребятами своего района, бил в барабан и радовался вместе со всеми. Их отряд оказался одним из лучших. И какой у них был барабан! Он гремел так дробно и раскатисто, так весело и заливисто, что люди, забывая об усталости, бодро шли вперед и даже приплясывали в такт барабанному бою. А среди маленьких барабанщиков Лиу был не из последних.

Площадь, куда свозили лом, была черна от народа. Здесь же стояли десятки грузовиков. Наступил полдень, народ все прибывал. Запоздавшие спешили сдать все, что они собрали.

Пионерский отряд с улицы Лиу уже сдал лом и теперь отдыхал в тени под деревом. Лиу стоял и смотрел, как люди подносили и подвозили металл. Вот еще одна группа: повозки, запряженные волами, с грохотом и лягом вы-

валили свой груз. А вот упругой походкой подошли нагруженные мешками парни; они легко сбросили куски железа в общую кучу. Одни приходили, другие уходили, люди и повозки сменяли друг друга, как в калейдоскопе.

Вдруг послышалось веселое:

— Эй, расступись! Дайте проехать!

Лиу посмотрел в ту сторону, откуда раздавался крик, и увидел мальчишку. Он был невелик ростом, но одет очень опрятно — в военную рубашку и штаны защитного цвета, не новые, правда, но старательно починенные, с двумя огромными заплатами на коленях. На голове у паренька — плетеная бамбуковая каска, покрытая чехлом из парашютной ткани с сеткой, к которой для маскировки привязывают листья и траву, совсем как у бойца Народной армии. Но самым удивительным были его ботинки! С первого взгляда они казались черной грязью, приставшей к босым ногам, и все-таки это были самые настоящие ботинки с круглыми носками и каблучками. Паренек шел, и его ботинки громко стучали по земле. Вот это да! Лицо у мальчика было подвижное и веселое. Со смехом пробиваясь через толпу, он, совсем как взрослый, тянул за собой повозку. А какой замечательной была его повозка! Квадратная, словно собачья будка на колесах! Деревянные, с резиновыми ободками из старых велосипедных покрышек колеса катились довольно мягко, зато с осями что-то не ладилось. Они отчаянно скрипели и визжали. Повозка доверху была полна обломками ржавого железа, которое дребезжало и гремело, подпрыгивая на каждом шагу.

Другой мальчуган, поменьше, шел за тележкой и деловито подталкивал ее. Люди расступались, давая дорогу этой замечательной маленькой повозке. Они хлопали в ладоши, и со всех сторон на двух малышей сыпались похвалы. Лиу с раскрытым ртом смотрел им вслед. Он был и удивлен и восхищен. Но вот повозка скрылась в толпе.

Немного погодя, вывалив содержимое своей повозки в общую кучу, мальчуганы выбрались из толпы. Теперь они тащили за собой пустую повозку. Оба так понравились Лиу, что он сразу решил познакомиться с ними. Редко кто-нибудь нравился Лиу так сильно. Характер у него был очень неуживчивый.

Мальчики остановились в тени дерева, под которым стоял и Лиу, и приглянулись обмахиваться своими великолепными касками.

— Это вы собрали столько лома? — спросил Лиу.

— Ну а как же, конечно, мы!

— Хорошо искали!

— На свалке найдешь все, что угодно.

— А где она, эта свалка?

— Недалеко отсюда.

Ответ прозвучал неопределенно, но главное — Лиу уже познакомился с мальчиками и поэтому счел возможным спросить о том, что интересовало его больше всего:

— Это ваша повозка?

— А то чья же? — ответил старший.

— И ты не врешь?

— Вот еще! Я никогда не вру, а тот, кто другим не верит, сам врун. А ну, проваливай отсюда!

Случись это при других обстоятельствах, задира Лиу непременно затеял бы драку, но сейчас его очень уж интересовала повозка. Поэтому, постояв немного молча, он сбавил тон:

— А вы молодцы, раз смастерили такую повозку!

— Еще бы! Не думай, что мы маменькины сынки. Знаешь, когда я вырасту, то буду шофером, поэтому мне уже сейчас надо знать, как делаются повозки.

— И как же вы ее сделали, а?

— Хочешь знать как? А вот приходи на пустырь, где наша база, там что угодно найдешь. Там все равно как базар под открытым небом.

— На пустыре? Вот это здорово!..

Мальчик показал на свою каску, костюм и ботинки и сказал:

— Все это мы там и нашли, починили получше, и видишь, как здорово получилось!

Лиу с завистью посмотрел на повозку, затем взялся за ручку и покатал ее взад и вперед. Он уже воображал себе, что садится на эту повозку, как раньше мечтал сесть на спину дикой утке, и отправляется путешествовать по всему свету. Вот было бы здорово! Даже ноги не устанут! Лиу сам не заметил, как проникся к обоим мальчикам большим уважением. Он и обиду недавнюю забыл. В самом деле, как ему было не удивиться: такие маленькие, а уже сумели смастерить замечательную повозку! Главное, что колеса у нее совсем круглые, с резиновыми шинами, и как легко она катится! Просто не поверишь, что они сами сколотили ее, такая она прочная и красивая. Она не развалится, даже если корова или буйвол ударят по ней копытом.

А разве не достойны восхищения чистые, ладно сидящие рубашки и штаны обоих братьев, их каски и ботинки! И столько чудесных вещей они нашли на свалке! Что же это за свалка?

Дни проходили за днями, а Лиу никак не мог забыть замечательную повозку на четырех колесах и братьев Дан. Все это так заинтересовало его, что он забросил свои обычные упражнения в кухне по системе Так Зянга, перестал бросать дротики, тренироваться и закалять себя, «чтобы, получив семь ран, не умереть». Теперь Лиу целыми вечерами лежал на кровати под москитной сеткой. На белой сетке ему рисовались самые заманчивые приключения. Вот он и братья Дан отправились путешествовать в повозке по всему свету. С ней они зарабатывают столько денег, что хватает на еду всем троим. Иногда воду возят, иногда свиней и, случается, подбрасывают в школу учеников младших классов, которые далеко живут и очень устают ходить пешком, а то помогают крестьянам донести на базар сахарный тростник.

Много раз Лиу спрашивал у сестренки:

— Послушай, ты знаешь, где находится свалка?

— Там, куда свозят мусор. Где же еще?

— А вот и нет...

И Лиу начинал рассказывать ей про свалку, да так интересно, словно все это он сам уже видел и пережил. Маленькая Тху в восторге хлопала в ладоши и кричала:

— Ой, как здорово! Ой, как здорово!

Лиу решил пойти на свалку во что бы то ни стало. И вот в один прекрасный день он наконец отправился туда.

Ребята подружились. Как-то мать Лиу сидела и шила, как вдруг в дом вбежала запыхавшаяся Тху. Взмахнув мокрыми руками, она закричала:

— Мама! Выйди на улицу, посмотри! — и тут же вылетела обратно.

Удивленная мать поспешила следом за ней. Перед дверью стояла двухколесная повозка, а в ней — два ведра воды. Лиу и Тху ездили до самой водопроводной колонки и привезли воду на своей повозке!

Видя, как ребята возятся с ящиком, мать не придавала их затее никакого значения. А они — подумать только — оказались такими молодцами!

Весть о чудесной тележке быстро распространилась, и все соседи сбежались посмотреть на нее. В самой повозке не было ничего особенного. Тем, кто жил далеко от колонки, часто доставляли воду в таких же самодельных повозках. Замечательно было то, что Лиу и Тху сделали тележку сами. Кругом только и говорили об этом.

— Смотрите-ка, наш Лиу — настоящий мастер!

Ребята с раскрасневшимися лицами покатали свою повозку, и она скрылась за калиткой.

Мать стояла в толпе соседей, радостно смеялась и говорила:

— И кто бы мог подумать, что они у меня такие ловкие. Смотрите-ка!

Таути

У этой маленькой страны история богаче, чем у многих обширных государств.

В 1492 году здесь высадился Колумб. В конце XVIII века на Гаити вспыхнуло восстание против французских плантаторов, владевших островом. Повстанцам под руководством народного героя Туссен-Лувертюра, первого генерала-негра, удалось изгнать с острова французские войска. Англичане и испанцы пытались прибрать к рукам богатую колонию. Но армия Туссен-Лувертюра справилась и с ними. Сам грозный Наполеон решил вернуть остров его белым хозяевам. Наполеоновским гвардейцам удалось одержать несколько побед и захватить в плен Туссен-Лувертюра. Но соратник героя, Дессалин, снова собрал силы повстанцев, и французы были изгнаны. Через год после смерти Туссен-Лувертюра в плену на Гаити была провозглашена республика, первая во всей Латинской Америке.

Но на смену штыкам пришли доллары. Их власть оказалась долговечной. Сейчас вольнолюбивый и смелый народ Гаити попал в кабалу к другим плантаторам — американским. Уплывают за море суда с кофе и сахарным тростником, какао, эфирными маслами, бананами — всеми дарами щедрой гаитянской земли. А девять человек из десяти жителей острова не имеют работы. Девять из десяти неграмотны.

Есть у гаитянского народа чудесный обычай. Если нужно корчевать пни, расчищать участки для посевов, строить дом, то в селении гулко звучит барабанная дробь. Это сигнал к наумбите — совместной работе, выручке соседа... Каждый знает: будет у него нужда — друзья придут на помощь.

Народ, имеющий такие традиции, не может вечно оставаться в кабале.

ЛЕНГСТОН ХЬЮЗ
И АРНА БОНТАН

*там
в ночи*

В этот вечер Попо не мог заснуть. Маленькая Пенси, Фифина, мама Анна и тетя Мария — все давно уже спали. Но Попо все еще бодрствовал и смотрел сквозь дверные щели на холм, залитый лунным светом. Ветер приносил звуки, ритмичные удары тамтама. Попо слушал и не мог наслушаться.

Тропинка сбегает с холма вниз, к большой дороге, туда, где сейчас бьют барабаны, а молодежь танцует свой любимый танец конго. Попо никогда не видел, как танцуют, но его двоюродный брат Андре ушел на танцы. Да, Андре действительно там, ведь они с мамой Анной встретили его перед заходом солнца, когда вместе с приятелями он по тропинке спускался к шоссе. Попо хотелось поскорее стать большим и ходить на танцы. Он лежал на своей циновке, слушая волшебные звуки, и вдруг решил, что может и сейчас пойти туда — ведь он не заблудится. Он спустится по тропинке, потом пройдет по шоссе до того места, где веселится молодежь и бьют барабаны. В тишине ночи ему казалось, что мелодия звучит где-то совсем рядом и музыка словно щекочет пятки — ноги сами начинают двигаться в ритме тамтама. Сквозь широкие дверные щели Попо видел, что все вокруг озарено лунным светом, что музыканты и танцоры совсем близко — там внизу, у склона холма.

Попо вскочил и мигом оказался за дверью. На тропинке, которая проходила мимо хижины его тетки, он увидел двух юношей. Они оживленно болтали, смеялись. Сомнений не было — они шли на танцы. И Андре тоже там. Как интересно будет постоять, послушать и посмотреть на танцующих! И, может, ему позволят хоть разок ударить по огромному барабану. Разумеется, он об этом хорошенько попросит. Приняв решение, Попо побежал вниз вслед за веселыми юношами.

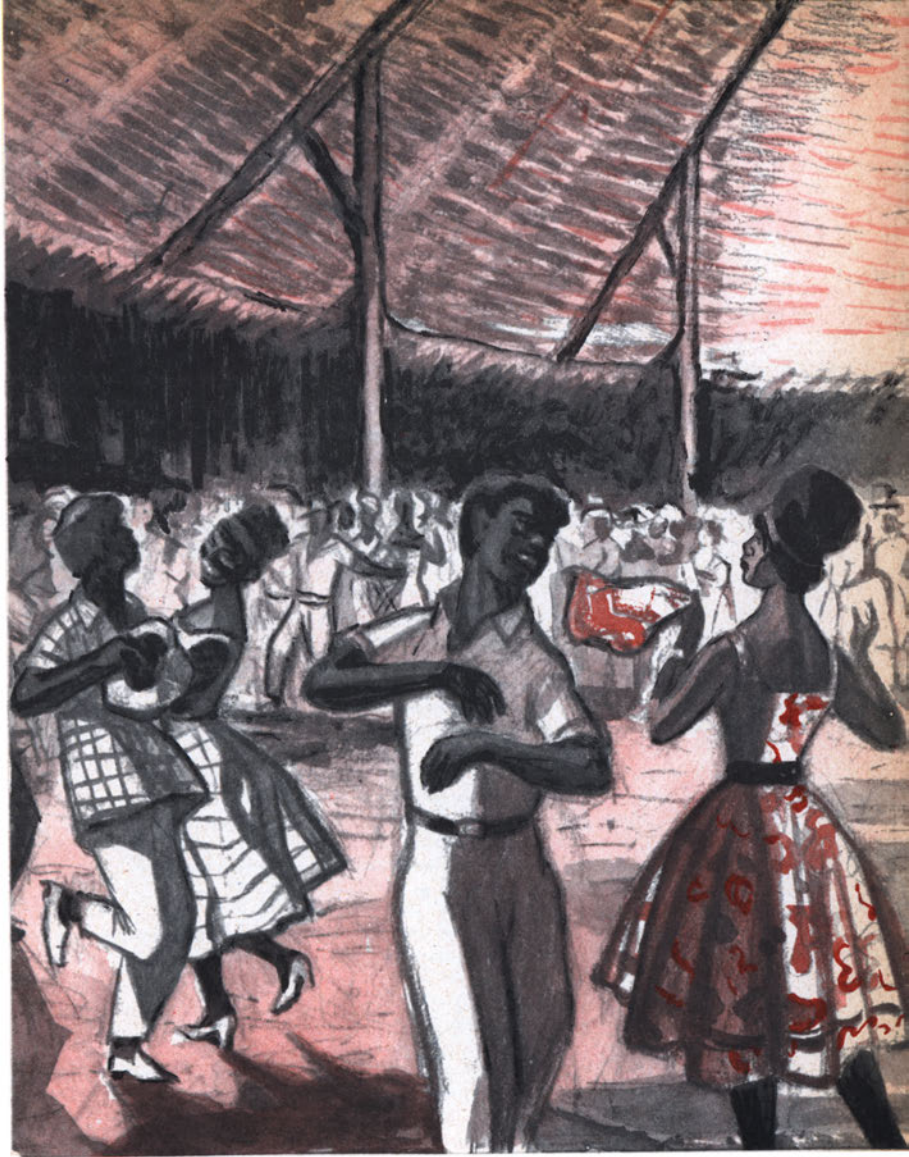

Под лунным светом листья банана походили на длинные зеленые паруса; легкий ветерок покачивал их. То тут, то там попадались одинокие пальмы, и их зеленые кроны выделялись на фоне звездного неба. Мальчик вошел в быстрый ручей, который, как казалось Попо, куда-то очень спешил. Посредине чистого ручья Попо опустился на колени и напился воды. Как хорошо освежала вода — она холодила лицо и колени! Он так любил воду, что, будь у него сейчас время, он бы обязательно выкупался. Но надо спешить!

Все громче слышались удары барабанов, шире стала тропинка, и месяц все ярче светил над головой мальчика. Следом за ним шли юноши и девушки, и вот все сразу выбежали на шоссе, вдоль которого стояло много ярко освещенных домиков. Со всех сторон подходили люди. Все спешили на танцы. Никто не обратил внимания на маленького черного мальчика, самостоятельно идущего ночью. Попо ничего не боялся — дети в Гаити привыкли ходить в темноте одни. Он знал, что ночь так же приветлива, как и день. Да ведь близко и танцоры и барабаны.

Неподалеку от дороги мерцали светильники. И, подойдя поближе, Попо увидел расставленные столы, а за ними женщин, продающих сласти, белые булочки, вареную рыбу и жареный тропический картофель. А над костром в маленьком

котелке варился кофе. Эх, будь у него хоть одно пенни, он мог бы купить себе белую булочку!

Попо свернул к огаде, за которой под большим круглым соломенным тентом танцевало много людей. На особом месте стояли музыканты с различными по величине барабанами. Они ударяли руками по барабанам, пальцы их быстро двигались, рождали эту волшебную музыку.

Попо знал, что барабаны сделаны из выдолбленных чурбанов, обтянутых сухой коровьей или козьей кожей.

Попо был ростом с самый большой барабан. Высокий, красивый юноша поставил этот барабан между ног и одновременно бил по нему пальцами одной руки и палочкой, которую держал в другой. Двое других ударяли пальцами по барабанам меньшего размера. А еще один юноша бил палочкой по деревянному обручу большого барабана. И все были довольны тем, что доставляют радость своей музыкой людям, танцующим под соломенной крышей.

Танцевали мужчины и женщины, партнер против партнерши; ноги их скользили по земле, головы были высоко подняты, руки они держали перед собой, лица их улыбались. А над соломенной крышей, над вершинами пальм и банановых деревьев светило небо с ясными звездами и луной.

Попо совсем близко подошел к музыкантам. Его взволновало веселье, шум и большое количество людей. Здесь было красивее и веселее, чем на субботнем рынке в Кейп-Гаити. Все двигались под удары барабанов, смеялись, танцевали. В толпе Попо увидел Андре. Он танцевал один, кружился на месте, быстро-быстро прыгал то на одной, то на другой ноге. Было очень красиво! Попо тут же попробовал сам и только попал в такт, как барабаны умолкли и танец кончился. Тогда Попо пробрался сквозь толпу и крикнул:

— Андре, Андре, подожди!

Брат, увидев его, очень удивился.

— Ведь ты давно уже должен был спать, — сказал Андре.

— Я уже почти заснул, — объяснил Попо, — но услышал тамтам.

— Думаю, что тебе надо вернуться домой, пока не проснулась тетя Анна и не заметила, что тебя нет. Представляешь, как она испугается!

— Я пойду вместе с тобой, — сказал Попо.

— Тогда идем!

И прежде чем Попо успел спросить, можно ли хоть один раз ударить по большому барабану, двоюродный брат взял его за руку, купил ему на одном из лотков целый кулек конфет и повел по тропинке домой.

— Маленькие мальчики уже должны спать, — сказал Андре.

— И ты тоже! — сердито буркнул Попо.

Андре засмеялся.

И пока они поднимались по холму мимо банановых деревьев и журчащего ручья, их провожал радостный перестук тамтамов, зовущих снова к танцу.

Г
ерманская
Демократическая
Республика

Два мальчика живут в соседних городках. Они говорят на одном языке, учат в школе одни и те же стихи великих поэтов своей родины, играют в одинаковые игры. Но между городками проходит граница двух немецких государств. Поэтому в жизни сверстников очень много различий.

Мальчик с востока, из Германской Демократической Республики, выберет любой жизненный путь. О нем позаботится первое в истории Германии государство рабочих и крестьян.

Многое есть у мальчика на востоке, о чем на западе только мечтают: пионерские лагеря, дворцы и дома пионеров, кружки и спортивные площадки для ребят, детские театры и кино.

Мальчику с запада скоро придется бросить учение и пойти работать. Среднее образование, не говоря уж о высшем, доступно в Федеративной Республике Германии лишь немногим.

Почему так по-разному живут в двух Германиях?

В Германской Демократической Республике власть принадлежит трудящимся. Поэтому естественно, что государство заинтересовано в первую очередь в том, чтобы ребята росли здоровыми и веселыми, образованными и миролюбивыми людьми.

В ФРГ, где у власти банкиры и фабриканты, в свое время выкормившие Гитлера, главная забота государства — подготовка новой войны, вооружение армии.

Крепкая дружба связывает мальчишек и девчонок из ГДР с ребятами из Советского Союза, Чехословакии, Болгарии, Польши и других братских стран. И праздники у школьников и малышей в Москве, Варшаве, Праге, демократическом Берлине одни и те же. И, конечно, особенно любят ребята в ГДР Первое мая. А как они его празднуют, вы узнаете из рассказа Фреда Родриана.

ФРЕД
РОДРИАН

*Феликс
и голубь Гук*

Каждое утро в семь часов голубь Гук стучал клювом в окошко маленькому Феликсу.

Феликс говорил:

— Доброе утро! — и давал голубю зерна.

А голубь Гук садился ему на плечо и с удовольствием клевал зерна.

Вот почему Гук и Феликс были хорошими друзьями.

Однажды майским утром, когда солнце сияло, а небо было ярко-синим, Гук постучал клювом в окошко.

Но Феликс не отозвался.

Может быть, он еще спит? Гук заглянул в комнату: кровать Феликса была пуста.

Феликса не было в комнате. Его не было дома. Он встал рано и ушел с родителями. Гук опечалился.

Но день был такой чудесный.

Лица у всех были такие радостные.

И яркое солнце светило так весело.

Стоило ли печалиться в такой день?

И Гук полетел к белым облакам, чтобы посмотреть на землю сверху. А вдруг найдет Феликса.

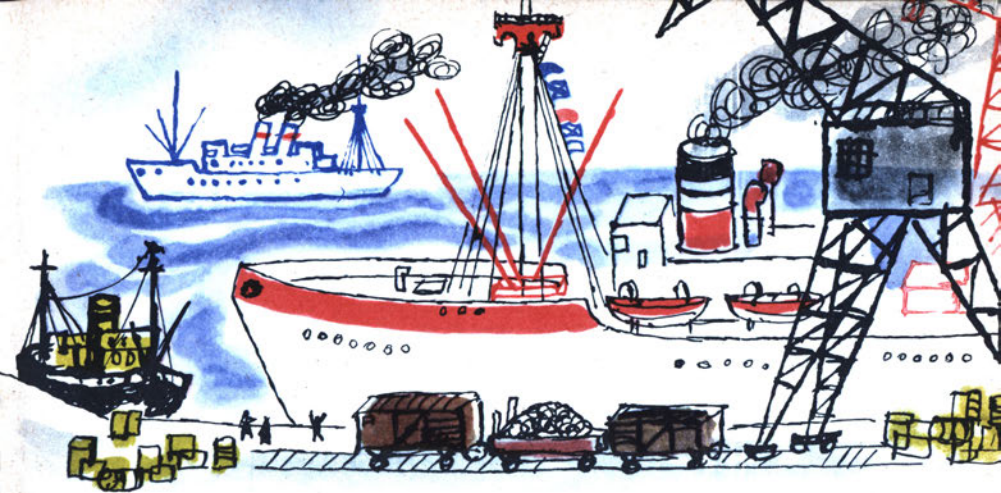
Сначала Гук полетел в порт.

Там стояли на якоре пароходы со всего света: из Советского Союза, из Китая, из Англии, из Болгарии, из Финляндии. Был даже один маленький пароход из Канады. Она далеко, очень далеко отсюда.

Над всеми пароходами развевались разноцветные флаги. А с пароходов спускались на берег моряки.

К блузам у них были приколоты красные гвоздики. И моряки плечом

к плечу шагали по длинной приморской улице вверх, в город. Джим из Панамы играл на аккордеоне, и все пели.

Но Феликса здесь не было.

Тогда Гук полетел в поле.

Ярко-зеленые и просторные, тянулись поля — рожь, пшеница, редис, репа, картофель.

А по ровному шоссе среди полей двигались тракторы с прицепами.

В одном прицепе сидели крестьяне — и старики и молодежь — с веселыми лицами.

Из другого доносились визг и хрюканье. Там были маленькие поросята хвостики крючком.

А в третьем пятнистая корова мычала: «Му-у-у!»

Она оглядывалась по сторонам, словно хотела сказать: «Смотрите, какая я красивая, какая большая и тучная!»

Да, великолепное это было шествие.

Но Феликса здесь не было.

Гук поднялся высоко в небо. И повсюду на шоссе он видел крестьян, которые ехали в город.

Не видно было только Феликса.

Тогда голубь Гук поднялся еще выше и стремительно полетел к городу.

На улицах было полным-полно народу. Было много детей. Целыми группами, распевая песни, спешили они к центральной площади на самокатах, на велосипедах, на деревянных лошадках с колесиками. У многих в руках были цветные шары.

Но почему дети так спешили к центральной площади? Об этом было написано на плакатах, которые они несли в руках: «Да здравствует 1 Мая!»

Родители весело переглядывались и смеялись. Это были рабочие и работницы с судоверфи.

А рядом двигался грузовик, который вез красивый корабль.

Такие красивые корабли делали рабочие на судоверфи.

Но только гораздо, гораздо больших размеров.

Высоко над толпой кружил самолет. Он писал белой кистью на синем небе: «Да здравствует 1 Мая!»

Со всех сторон спешили на площадь дети и взрослые, чтобы приветствовать Первое мая.

Все это увидел голубь Гук.

Не увидел он только маленького Феликса.

Да и трудно найти среди столько людей маленького мальчика с русыми непослушными волосами.

Тут было столько детей с русыми непослушными волосами!

Гук полетел дальше.

И вдруг голубь Гук увидел необыкновенно красивого белого голубя.

Он блестел и сверкал в солнечных лучах и был такой большой — он, наверно, мог закрыть своими крыльями всю площадь, весь мир. Это был голубь мира, сделанный из белых цветов.

Слева и справа от этого замечательного голубя шли веселые молодые солдаты.

Голубь Гук сделал круг и сел на спину большого голубя, сделанного из белых цветов.

Неожиданно какой-то маленький мальчик закричал:

— Голубь Гук!

Крылья голубя Гука затрепетали от радости. Потому что этот маленький мальчик был Феликс.

Он шел вместе с другими ребятами из детского сада.

И лизал мороженое с вафлями. Глаза его так и сияли.

Гук взмахнул несколько раз крыльями и спустился к Феликсу.

А Феликс тотчас вынул из кармана штанишек зерна и дал поклевать Гуку.

Г Федеративная
Республика
Германии

Есть в Федеративной Республике Германии шоссе, по которым можно мчаться на автомобиле часами, не увидев ни одной поляны, ни одного леска. Кажется, что едешь по огромному, бесконечному городу. А на самом деле вы проехали уже десять городов. Они разрослись, и окраины их слились. ФРГ — страна машин, стали, большой химии, электрооборудования и аппаратуры, верфей и автомобильных заводов.

Много труда и умения вкладывают западные немцы в обработку земли и животноводство.

Все есть в этой стране, и, наверно, там очень хорошо жить? Оказывается, не так уж счастливы 56 миллионов ее обитателей.

В стране не хватает школ и учителей, врачей и больниц. Немало людей до сих пор живет в бывших бомбоубежищах и бараках. У правительства ФРГ, чья политика направлена к реваншизму и к войне, нет денег на строительство жилых домов, на пенсии инвалидам войны и престарелым, на стипендии студентам, на летние лагеря для школьников. Зато огромные суммы тратятся на армию и полицию, на государственные субсидии различным организациям недобитых гитлеровских вояк, требующих новой войны.

В стране, где родились Маркс и Энгельс, запрещена коммунистическая партия, она борется в подполье.

Но все сильнее слышатся в ФРГ голоса, призывающие к разуму и миру.

ЭРИХ
КЕСТНЕР

*мальчик
путешествует*

Восьмой перрон опустел.

Начальник станции, как всегда, отправился осматривать вагоны и вдруг в изумлении остановился у паровоза. Тут кто-то был. Какой-то мальчик медленно шел вдоль паровоза, потом повернулся и так же медленно пошел обратно. Увидев начальника станции, он остановился и сказал:

— Я его измеряю.

— Разве ты уже умеешь считать?

— Ну конечно! Давно... Если кто-нибудь захочет его нарисовать, нужно сто метров бумаги.

— Но паровоз можно нарисовать и поменьше.

Мальчик неодобрительно покачал головой и спросил:

— Ты тут живешь? Нет? А у нас в Брайтенбахе начальник живет при станции. У него двенадцать кроликов. У тебя их тоже двенадцать?

— У меня их совсем нет,— сказал начальник станции.— Но куда ты идешь?

— К маме. Никто об этом не знает. Папа думает, что я в школе... Дай мне, пожалуйста, твою фуражку!.. Я очень люблю шапки, которые мне велики.

Мальчик посмотрел взрослому прямо в лицо. Но так как оно не выражало ни малейшей склонности к подобному обмену шапками, то благоразумно замолчал, сунул железнодорожнику свою ладошку и потащил его мимо контроля, потом вниз по лестнице, к большому portalу вокзала. Но тут начальник вспомнил о своих служебных обязанностях, остановился и спросил:

— Почему мама тебя не встретила?

— Она больна и живет у одного доктора.

— Что с ней?

— Опухоль. И доктор ее вырезал. Интересно, он мне ее покажет? Как ты думаешь?

Начальник станции пожал плечами. Как видно, он ничего не понимал в таких вещах. Мальчик вытащил из кармана записку, протянул ее железнодорожнику и сказал:

— Можешь прочитать. Гюртлеры — это мы.

Уважаемый господин Гюртлер! Ваша жена нуждалась в срочной операции. Сейчас — принимая во внимание ее положение — она чувствует себя хорошо и, если не будет никаких осложнений, через две недели сможет вернуться в Брайтенбах. Я прошу выслать по почте плату за операцию и лечение, что составляет 250 марок. Надеюсь, эта сумма вполне соответствует Вашим возможностям.

С уважением
Преданный Вам д-р Браузеветтер,
Пазевалкер-аллее, 18а.

Начальник станции сложил письмо и хотел его отдать. Но мальчика уже не было рядом. Держа в руке пеструю пачку денег, он разговаривал с цветочницей:

— Это деньги за опухоль, — говорил он изумленной женщине. — У моей мамы опухоль, и я хочу отнести ей букет. Какие георгины! И у нас в саду росли георгины, когда у нас был сад. Дайте мне, пожалуйста, букет георгинов.

Женщина завернула букет, дала мальчику сдачу и чихнула.

— Будьте здоровы! — воскликнул мальчик. — Будьте здоровы, уважаемая госпожа!

Он посмотрел на небо, стал лицом к солнцу, сморщился и тоже чихнул.

— А я чихаю, только когда смотрю на солнце, — дружелюбно объяснил он. — Но зато уж обязательно!

Начальник станции подошел к нему и сказал:

— А теперь садись в трамвай!

Мальчик кивнул и спросил:

— А у тебя есть маленькие дети?

— Конечно! Такой же малыш, как ты.

— Такой же? А как его зовут?

— Арно.

— Арно? И Арно Грюнвальда так же зовут. А меня зовут Фриц... Вот и трамвай.

— Это не твой.

— Он не идет к маме?

— Нет, идет, но остановка на другой стороне.

Взяв Фрица за руку, начальник станции пересек улицу. И когда пришел тот трамвай, который был им нужен, железнодорожник поднял мальчика, поставил его на площадку и сказал кондуктору:

— Это Фриц из Брайтенбаха. Он едет в клинику доктора Браузеветтера на Пазевалкер-аллее. Там лежит его мать.

— Мама, — поправил его мальчик.

— Хорошо, я присмотрю за ним, — сказал кондуктор и взял Фрица за руку.

— Смотри не потеряй деньги! — напомнил мальчику начальник станции. — Передай маме от меня привет и пожелай ей скорейшего выздоровления!

Фриц поклонился, учтиво снял шапку и, пока трамвай с шумом трогался, крикнул:

— Большое спасибо! И передай от меня привет твоему Арно!

* *
*

Путешествие на трамвае продолжалось довольно долго. Сначала мальчик высморкался. Он сделал это так основательно, что все пассажиры с интересом следили за этой процедурой. Потом принялся считать деньги. Клад на левое колено банкноту за банкнотой, а кончив, спросил своего соседа, молодого человека, внимательно наблюдавшего за ним:

— Сколько вышло?

— Двести сорок пять марок.

— Ты не ошибся?

— Нет.

— Это доктору. Целая куча денег, а? Вчера вечером папа побывал у всех знакомых и взял их в долг. Один Бернер не дал. Бернер жадина.

Фриц встал, сунул деньги глубоко в карман штанишек и, не вынимая руки из кармана, объяснил:

— Надо смотреть в оба. Иногда в кармане бывает дырка, зазеваешься, и денег нет. Вот так!

Он тяжело вздохнул. Полная дама протянула ему плитку шоколада. Но он только покачал головой и сказал:

— Нет, спасибо. На костюме останутся пятна. Мама рассердится, если увидит. Вообще у меня достаточно приличный вид?

Он несколько раз повернулся. Все закивали и засмеялись.

С площадки послышался голос кондуктора:

— Фриц, сядь на место и веди себя прилично!

Мальчик опять сел на свою скамейку, дал молодому человеку подержать букет, а сам стал смотреть в окно и через некоторое время произнес:

— Брайтенбах гораздо меньше. В тысячу раз меньше.

— Ах, как он хорошо рассказывает! — воскликнула полная дама с шоколадом. — Продолжай, Фриц, прошу тебя!

Мальчик, по-видимому, не расслышал ее. Он взял букет у молодого человека и наклонился к цветам, хотя отлично знал, что георгины не пахнут.

— Пазевалкер-аллее! — крикнул кондуктор и дал сигнал. — Фриц, тебе выходить.

Мальчик стремительно соскочил с места, поклонился и сказал:

— Скорейшего выздоровления!

Все засмеялись, а полная дама с шоколадом от восторга даже хлопнула

себя по колену. Кондуктор помог мальчику выйти из трамвая и показал ему клинику доктора Браузеветтера. Трамвай тронулся.

— «Скорейшего выздоровления!» — пожелала, качая головой, дама с нервным тиком. — Устами младенцев глаголет истина!

— Его мать лежит напротив, в клинике, — пояснил кондуктор.

* * *

Мальчик позвонил, аккуратно вытер ноги о решетку и достал из кармана деньги. Когда дверь открылась, он протянул деньги и сказал:

— Вот я принес деньги за госпожу Гюртлер. Вообще-то

их надо было послать из Брайтенбаха по почте, но...

— Входи же! — сказала сестра и взяла его за руку.

Ступая по мягким дорожкам, они вошли в светлую, тихую комнату.

— Тут немного меньше, — объяснил мальчик. — Я заплатил из них за билет на поезд и за цветы. Вот вам записка.

Он положил на стол деньги и письмо.

Сестра пересчитала деньги, написала что-то на письме и вернула его.

— Все в порядке, маленький Гюртлер. Береги письмо.

Мальчик сунул письмо в карман и спросил:

— А ты кто?

— Я сестра.

— Чья? Доктора?

— Нет. Больных.

— Значит, и моей мамы?

— Да.

— Тогда ты мне тетя.

— Конечно.

— А я-то об этом ничего не знаю, — сказал мальчик, подошел к ней и внимательно оглядел ее.

Потом снял бумагу с букета и принялся считать:

— ...семь ...восемь ...Я купил восемь георгинов.

Сестра поправила ему воротничок и спросила:

— Ты хочешь повидать маму?

Мальчик кивнул.

Они пошли по коридору и открыли дверь, на которой была нарисована пятерка.

Держа букет за спиной, мальчик остановился. Он увидел две кровати, на кроватях лежали женщины. Женщины спали, а лица у них были осунувшиеся и бледные. Мальчик медленно переводил взгляд с одной женщины на другую. Потом обернулся к сестре и показал на кровать у окна. Та кивнула.

Фриц привстал на цыпочки, тихонько подошел к окну, сел на краешек стула и стал всматриваться в лицо спящей женщины. Глаза ее ввалились, кожа приобрела темно-коричневый оттенок. От запавших висков к бледному лбу тянулось множество сиреневых жилок. Рот был полуоткрыт, женщина дышала часто и с трудом. Глаза были закрыты, но казалось, можно было поймать ее испуганный взгляд.

Мальчик беспомощно улыбнулся спящей женщине, осторожно положил георгины на одеяло и шевельнул рукой, как будто лаская кого-то. Потом быстро прошел мимо сестры и выбежал из комнаты. Сестра пошла за ним.

— Сначала я совсем ее не узнал, — прошептал он в коридоре. — У нее останется такое лицо?

— Нет, что ты! Через две недели она будет такая же, как раньше. А если ты будешь слушаться, то и совсем выздоровеет.

— Я всегда ее слушался... Ты скажи ей, что я был тут и совсем не плакал. И что я принес ей цветы. И что папа передает ей привет. До свиданья!

— Я все ей скажу. Только ты побудь тут еще немного, мой мальчик. Сначала я принесу тебе кофе и пирожное, а потом дам денег на дорогу. Не идти же тебе пешком до Брайтенбаха!

— Она совсем выздоровеет, правда?

— Конечно.

— Эх, если б я мог остаться до тех пор, пока она выздоровеет! Ты бы ей ничего не говорила. Я заглядывал бы в комнату, только когда она спит. Но нельзя. Я знаю.

Сестра снова отвела мальчика в приемную, дала ему несколько иллюстрированных журналов и ушла на кухню.

Вернувшись, она увидела, что дверь закрыта. Из комнаты слышался плач мальчика. Он плакал тихо и жалобно. Сестра в нерешительности остановилась у двери, и на ее глаза навернулись слезы.

Греция

Начиная изучать любую науку, на первых страницах учебников школьники находят имена греческих ученых. В течение многих веков едва ли не во всех областях человеческой деятельности греки были учителями других народов. И в наши дни во всех концах света читают Гомера и Эсхила. Поезда, самолеты, теплоходы отовсюду везут в Грецию туристов, мечтающих своими глазами увидеть замечательные сокровища древней греческой архитектуры и скульптуры.

А навстречу им едут молодые греки на заработки в ФРГ, Францию, Италию, да куда угодно — хуже, чем дома, не будет! Нынешняя Греция одна из самых отсталых и бедных стран Европы. Почти не строятся электростанции и шахты, заводы и рудники, без которых немислима нормальная жизнь современного государства. Налоги, выколоченные из населения, почти целиком идут на содержание полиции и армии. Греческому народу война не нужна, и он отлично знает, что никто не собирается напасть на него. Но реакционные правители Греции пустили на свою землю американских солдат, позволили выстроить на ней ракетно-ядерные базы. Греческие воды бороздят американские крейсера и авианосцы. Ежегодно увеличиваются расходы на вооружение. Поэтому так безрадостна жизнь в солнечной Греции, ставшей «адам для детей». Недаром роман, отрывки из которого мы публикуем, носит такое название.

ЛИЛИКА
НАКУ

это жизнь?

Это был совсем маленький мальчик, хотя ему уже исполнилось двенадцать лет. Худое личико с большими глазами, обведенными темными кругами, было, пожалуй, даже красиво, но сейчас мальчик напоминал обезьянку, до такой степени изменил его голод. Только глаза остались человеческими, беспомощными и страдальческими. Словно мальчик сам недоумевал, как попал в этот ад, в который превратились Афины во время оккупации. Его удивляло все, что происходило вокруг в этом непонятном мире...

Он задумчиво смотрел по сторонам на других детей, своих соседей по палате, которые умирали каждый день, и молчал. Только смотрел на всех с непонятной для своего возраста серьезностью. Он никогда не плакал, никогда ни о чем не просил. Никто не слышал его голоса, даже родная мать не узнала бы, о чем думает ее ребенок.

Когда мать привела его в больницу, в Ризарио, она сказала, что мальчика зовут Минас. Это была еще молодая женщина, измученная голодом, с трещинами на руках от недоедания.

— Рано мне еще умирать, — сказала она нам, медицинским сестрам, — я осталась на свете одна с двумя малышами, девочкой да Минасом. Другие ушли вслед за мужем, упокой, господи, их души! Прибрал их господь, чтобы не мучились в этом аду! — Она расплакалась.

Больничные сестры, уже привыкшие к таким историям, разошлись. Осталась я одна, потому что любила Минаса и хотела что-нибудь узнать о нем от матери. Я хотела узнать, почему он такой молчаливый и странный.

— А чем занимался твой муж? — спросила я женщину.

— Он торговал овощами... Зеленщиком был... Продавал овощи на улицах Афин. Был у нас и ослик, и бог не оставлял нас своей милостью — всего хватало. И масла и хлеба... Эх, куда все девалось?.. Масло стало дороже золота, и только богатые не забыли еще его вкуса!..

— А Минас всегда был такой молчаливый?

— Это он-то молчаливый?.. О, если бы вы знали, какой он был! Первый озорник и непоседа в квартале... Помогал отцу продавать овощи... Зазывал покупателей...

Минас, лежавший недалеко от нас в кровати, открыл глаза и взглянул на мать. По его щекам текли слезы, безмолвные слезы. Он плакал не так, как плачут обычно дети, а молча, без всхлипываний. Слезы катились по щекам, глаза оставались открытыми.

Мать посмотрела на него и вздохнула.

— Эх! — сказала она. — А помнишь ты еще Псариса? Уже забыл!.. Кончились его страдания... Псарис — так звали нашего осла... Псарис! Это было все наше богатство... Много лет он кормил нас. Весь квартал им гордился. Ни у кого из зеленщиков не было такого осла! Эх, сестра, рассказывай не рассказывай, все равно тебе не понять, как тяжело нам было с ним расстаться. Только тот, кто любит животных, поймет меня... Будь в доме покойник, и то, кажется, легче бы было, чем в тот день, когда мы его продали...

— Перестань, мама. Пожалуйста, перестань! — сказал Минас и заткнул уши, не желая слушать. Он изменился в лице и дрожал всем телом.

Мать понизила голос и продолжала:

— Вот... с тех пор, как мы продали Псариса мяснику, Минас и стал таким. Вы не верите? Да, с тех пор, как муж, упокой, господи, его душу, был вынужден продать осла, добра мы не видали!.. А где было взять денег, чтобы купить на черном рынке хоть немного хлеба? Дети да и мы с мужем голодали... По ночам дети не могли заснуть и кричали от голода...

Мы продали все, что было в доме... А мясник каждый день подсылал к мужу своего человека и просил, чтобы ему продали Псариса. Обещал ему золото... Ведь вы, конечно, знаете, как сейчас наживаются мясники. Продают собак за баранину, а ослы идут за телятину. И каждый день он обещал нам все больше. Муж отказывался, а сам две ночи не сомкнул глаз, все думал об этом.

Но что мы могли поделать, когда голод прижимал нас все сильнее, да и животное тоже было нечем кормить...

В конце концов мясник уговорил мужа. Продали Псариса, но я и покойный муж места себе не находили от горя, бог мне свидетель! И если б ты только знала, сестрица, какое это было умное животное... Не хотел выходить из хлева. Не хотел идти... Мы тащили его с трудом и еле довели до бойни... И когда мы его вели, он, бедняга, смотрел на нас, как человек. Посмотрел на нас, и тут мы с детьми расплакались.

Минас не пошел с нами, остался сидеть около дома. Помню, он весь побледнел и дрожал, будто от холода... Правда, Минас больше всех нас любил Псариса. В тот день он не сказал ни слова, не притронулся к еде, купленной на деньги от продажи Псариса. В конце концов покойный муж рассердился и ударил его по щеке.

«Ты что это вздумал? Я для вас осла продал, а ты еще на меня же дуешься...»

Минас ничего не ответил и, так и не поев, лег спать.

«Упрямый и злой мальчишка! — сказал муж. — Не обращай на него внимания, все обойдется!» Но я, как всякая мать, забеспокоилась. Подошла к Минасу: «Сыночек, милый, встань, поешь. Встань, поговори с отцом».

Но он отвернулся к стене и ничего не сказал.

С того дня начались наши беды. Муж заболел плевритом, двое старших детей тоже расхворались...

Я на части разрывалась, присесть было некогда. Не оставалось времени думать о капризах Минаса. Стала я раздражаться и ругать его.

«Тебе не стыдно? Здоровый, а целыми днями валяешься в постели и молчишь!.. Что с тобой, негодник? Вставай!»

Но однажды, когда он встал, я увидела, как он похудел и изменился.

Я подумала: неужели он еще жалеет осла? Другие дети уже забыли его, да и я тоже. Мне даже казалось, что много времени прошло с тех пор, как мы продали Псариса, ведь дни полны забот и кажутся длинными и тяжелыми, как годы...

Вот и все, что рассказала мне несчастная мать.

Две недели спустя я как-то просидела до утра в палате для детей. Началась эпидемия ветряной оспы. У Минаса был сильный жар. Я не отходила от

него: ему было совсем плохо. Ночью я смерила температуру и увидела, что она падает. В какой-то миг мальчик даже улыбнулся, когда я склонилась над ним.

— Не беспокойся, Минас,— сказала я,— выздоровеешь... все пройдет.

Минас поднял на меня свои умные, выразительные глаза, словно хотел что-то сказать.

— Ты что-нибудь хочешь, Минас?

Минас, казалось, не решался заговорить. Он смотрел на меня, как будто что-то мешало ему задать вопрос, который его мучил. Боялся, как бы я не стала смеяться над ним.

— Скажи, Минас, — снова повторила я, — о чем ты хочешь меня спросить?

Ребенок знаком подозвал меня поближе. Ручонка его коснулась моего белого халата, и тогда тихо, глядя мне прямо в глаза, он задал вопрос, который так долго мучил его:

— Сестра, скажи мне... и это жизнь?..

Я сразу не поняла, что имел в виду Минас, задавая этот неожиданный вопрос, такой странный для его возраста. Подумала даже, что он бредит.

Но мальчик снова настойчиво спросил, все так же тихо, словно боясь, что его услышат другие дети:

— Сестрица, и это жизнь?..

Эта мысль, видимо, давно мучила его. Мысль, которая лишала его сна. Она пришла ему в голову, едва он узнал людей и жизнь. Жизнь, где люди из-за куска хлеба или нескольких золотых монет могут продать самое дорогое существо!

На другой день температура снова поднялась, и к вечеру Минаса не стало...

Но я до сих пор слышу его детский слабый голосок: «Сестрица, и это жизнь?»

(Отрывок из романа «Ад для детей».)

Индия

Еще в глубокой древности ходили по свету легенды о несметных сокровищах Индии, ее дворцах и редкостных растениях, дающих плоды едва ли не дороже самого золота. Завоеватели, купцы, путешественники веками искали новые пути в страну богатств. В индийском походе погиб Александр Македонский, в поисках Индии открыл Америку Колумб.

Но легенды умалчивали, что народ этой богатейшей страны был одним из самых бедных в мире. Сотни миллионов индийцев влачили полуголодное существование, умирали от нужды и болезней совсем молодыми.

Когда Индия стала английской колонией, к гнету местных феодалов прибавилось жестокое владычество английских купцов. Лишь в 1947 году сбросила Индия чужеземное иго.

В этой огромной стране, с населением свыше 450 миллионов человек, говорящих на 170 различных языках, началось строительство новой жизни. Индийцы верят, что их страна станет совсем иной: сильной, здоровой, ученой! Ради этого трудятся не только кашмирцы и пенджабцы, тамилы и бенгальцы — все 170 народностей страны. Им помогают друзья из многих социалистических стран. Вместе с индийцами трудились советские инженеры и рабочие на строительстве металлургического завода в Бхилаи, машиностроительных заводов в Ранчи и Дурганпуре, отыскивали нефть в Камбее и Анклешваре.

УМЕШЧАНДРА
ШАРМА

е в росте
дело

Гопешу всего восемь лет, но он очень умный мальчик. Он всегда слушается маму. И никогда не делает того, чего она не разрешает. Когда Гопешу было четыре года, он с мамой пришел в гости. Вдруг ему захотелось есть, и он начал капризничать:

— Мама, я хочу есть! Поедем домой!

Маме стало стыдно за сына. Когда они вернулись домой, она сказала Гопешу:

— Послушай, сынок, нельзя просить есть в гостях — это неприлично. И запомни: никогда не делай ничего такого, за что пришлось бы потом краснеть твоим родителям.

Гопеш обещал маме, что больше не будет просить в гостях есть. А если ему дадут что-нибудь, он спросит у мамы, можно съесть или нет. И Гопеш никогда не нарушал своего обещания.

Однажды в школе во время перемены товарищ Гопеша, Ракеш, большой озорник, сказал:

— Ребята! Давайте выстроимся в линейку и посмотрим, кто из нас самый большой, а кто самый маленький.

Все построились в ряд. Оказалось, что самый высокий в классе Ракеш, а меньше всех Гопеш.

С тех пор ребята стали дразнить Гопеша:

— Малыш! Малыш!

Гопешу было очень обидно. Несколько дней он молча терпел насмешки товарищей, потом не выдержал, сказал маме:

— Мама, я не пойду в школу. — И заплакал.

— Что случилось, сынок? Почему ты не хочешь идти в школу? — спросила мама.

— Я самый маленький в классе, и ребята дразнят меня малышкой, — ответил Гопеш.

— Послушай, сынок, не в росте дело, — сказала ему мама. — Самым большим считается не тот, кто выше ростом, а тот, кто трудится лучше всех. Ты учись прилежней и увидишь, что все будут любить тебя и относиться к тебе с уважением.

Гопеш послушался маму. Он перестал обращать внимание на то, что его дразнят, и решил не тратить зря времени, а учиться и учиться. И вот, когда закончился учебный год, оказалось, что Гопеш — первый ученик в классе. Учитель дал ему похвальную грамоту и подарок. А Ракешу ничего не дали — он плохо занимался. Когда Гопеш получал грамоту и подарок, Ракешу было так стыдно, что он опустил голову. А ведь раньше он всегда задира нос кверху, гордясь, что он самый высокий в классе! У Ракеша даже слезы выступили на глазах от обиды. Ребята заметили это и стали дразнить его. Но Гопеш подошел к Ракешу, положил руку ему на плечо и сказал:

— Не горюй, Ракеш. Получше занимайся в следующем году, и тебе тоже дадут похвальную грамоту и подарок. Трудно будет — я тебе помогу.

Ракеш понял, какой хороший товарищ Гопеш.

— Ты, Гопеш, самый большой из нас! — сказал он.

Не в росте дело: большой человек или маленький — это зависит от того, как он трудится.

Италия

Италия знаменита своими красотами. Великие поэты всех веков воспевали синь итальянского неба, лазурь теплых морей, золото и изумруды садов. За тысячи километров едут, плывут, летят люди, чтобы подивиться солнечным красотам итальянской земли и творениям ее бессмертных художников.

Красивы природа и искусство Италии. А жизнь?

Туристы не посещают рабочих кварталов больших итальянских городов, но весь мир видел их в прославленных фильмах этой страны: бедность и теснота, тревога за завтрашний день — ведь так легко остаться без работы! Страх перед болезнью — доктора и больницы могут разорить семью. Страх перед домовладельцем — а вдруг ему вздумается повысить квартирную плату. У итальянских рабочих умелые руки: они строят великолепные корабли и автомобили, ткнут отличные ткани, ловко управляют с машинами на химических заводах. Итальянские крестьяне и рыбаки снабжают фруктами, оливковым маслом, рыбой многие страны Европы. Но не они устанавливают в этой прекрасной стране законы и порядки, зарплату и цены.

У итальянского народа славные боевые традиции. В памяти людской живет национальный герой Гарибальди. Народ помнит о боях партизан с гитлеровцами, в которых участвовали и советские люди, такие, как Герой Советского Союза Федор Полетаев, чье имя чтит вся Италия (об этом времени идет речь в рассказе «Героический трамвай»). Под руководством двухмиллионной Коммунистической партии народ Италии борется за то, чтобы жизнь Италии была такой же чудесной, как и ее природа.

МАРЧЕЛЛО
АРДЖИЛЛИ

ероический трамвай

Жил да был когда-то небесно-голубой трамвай с восемью блестящими колесами и с дугой, которая, скользя по проводам, оставляла за собой дождь разноцветных искр.

Был он молодой, сильный и весь так и сверкал. Он гордо звенел, пробегая по улицам, словно говорил: «Я прибываю, господа! Входите! Нет трамвая более удобного и быстрого, чем я! За одну и ту же плату я доставлю вас куда пожелаете!»

Он был очень тщеславен, да это и понятно: трамваи последнего выпуска можно было пересчитать по пальцам. Некоторые пассажиры просто пропускали старые трамваи, чтобы дожидаться его и сесть на чудесные удобные сиденья. А вагоновожатые спорили между собой, кому его вести. И действительно, небесно-голубой трамвай был послушным, как дрессированный конь.

Это было настоящее чудо техники.

Его блестящие фонари свысока смотрели на старые, неудобные трамваи, которые не могли ездить быстро.

«С дороги! С дороги! — звенел он. — Отойдите в сторону, я спешу! Я должен соблюдать расписание!»

И старые трамваи, пропуская небесно-голубой вперед, отъезжали на другую линию и оттуда, грустно вздыхая, смотрели, как он мчится на полной скорости.

Но прекрасная жизнь небесно-голубого трамвая длилась всего несколько лет. Люди затоптали его пол, испачкали его ручки, сиденья его почернели, небесно-голубой лак выцвел... Потом с трамваем столкнулся грузовик, за

рулем которого сидел пьяный шофер, и трамваю пришлось целый месяц пробыть на заводе, где его лечили. С тех пор, сколько бы вагоновожатый ни ставил рычаг на «самую большую скорость», бедный трамвай, хоть и поглощал электричество всей дугой, не мог уже двигаться так же быстро, как прежде.

— Да, — вздыхали теперь вагоновожатые, — эти старые трамваи уже никуда не годны! Еле тащатся, тормоза не работают... Все время приходится быть начеку!

Небесно-голубой трамвай страдал. Когда ему давали команду остановиться, он напрягал все свои тормоза, но колеса продолжали скользить еще несколько метров... А вскоре появились первые трамваи красивого зеленого цвета, длинные и быстрые, у них было уже по десяти колес. Пассажирам они очень нравились. Теперь небесно-голубой трамвай сам узнал унижение и был вынужден отъезжать в тупики, чтобы уступать дорогу другим трамваям. Позднее его сняли с центральной линии города и перебросили на окраину.

— Эти старые таратайки, — сказали начальники, — будут служить беднякам...

По утру, в депо, бедный небесно-голубой трамвай уже с трудом просыпался, и вагоновожатому приходилось долго возиться, чтобы заставить его выйти на линию.

«Да, я уже стал совсем дряхлым, — должен был сознаться старый трамвай. — Но, к счастью, здесь, на окраине, нет зеленых трамваев и никто не может надо мной подтрунивать... Но какая здесь трудная работа: теперь я всегда переполнен!»

Началась война, и в небесно-голубом трамвае, как и в остальных, все лампочки и наружные фонари были покрыты черными чехлами, чтобы с самолетов не был виден их свет. Так, затемненный, старый трамвай стал еще более печальным, но примирился со своей судьбой, потому что был очень нужен пассажирам.

Он привязался к людям с окраины, которые каждое утро в шесть часов, отправлялись на работу и доставали деньги на трамвайный билет из почти пустых кошельков.

Война длилась долго, и небесно-голубой трамвай, одряхлев совсем, все еще не был снят с линии. Но он уже еле-еле двигался: электрический ток не мог хорошо циркулировать по его металлическим костям, колеса болели, и он всегда чувствовал нужду в смазке. К счастью, рабочие в депо очень о нем заботились и тщательно смазывали его. И все-таки, когда он двигался, то поднимал такой шум, что люди на остановке, еще не видя его, знали о его приближении.

— Слышите? Голубая таратайка подходит, — говорили люди на остановке.

И действительно, через пять минут трамвай подъезжал, так качаясь из стороны в сторону, что казалось, он вот-вот не выдержит, упадет и уснет навеки. Но никто и не думал подшучивать над этим старым смешным трамваем.

Шел январь 1944 года. Пассажиры были грустны, мрачны и с ненавистью говорили о фашистах, хозяйничавших в городе. Конечно, в этих разговорах трамвай плохо разбирался.

Прошли месяцы. Однажды апрельским утром трамвай проснулся в депо от каких-то страшных взрывов и заметил, что его часы показывают десять. Он должен был начать работу еще четыре часа назад!

«О горе мне! — подумал он. — Неужели это мой последний день?» — И ужаснулся при мысли, что его отвезут на кладбище трамваев, о котором он когда-то слышал.

Словно слезы, закапали из трамвая капли смазки, когда ворота депо широко распахнулись и вошли те рабочие, которые ежедневно ухаживали за ним.

— Держись, старик! — закричали они. — Сегодня ты должен лететь, как птица! Покажи, на что ты еще способен!

Старый трамвай подскочил от радости: значит, рабочие пришли не для того, чтобы его похоронить! Нет, они собираются поехать в нем! Кондуктора не было, и рабочие с покрасневшими от возбуждения лицами держали в руках какие-то странные незнакомые предметы, которые они называли винтовками.

— Ну, трогай! — крикнул энергично рабочий, стоявший на ступеньках. На рукаве у него была красная лента.

Вагоновожатый поставил рычаг на «самую большую скорость», трамвай вздрогнул, он так хотел порадовать своих старых друзей, что забыл о старости и усталости и сразу же двинулся в путь.

— Bravo, старик! — воскликнул один из рабочих. — Ты мчишься, как скорый поезд!

Трамвай уже готов был надуться от гордости.

«Вот увидите, я умею еще быстрее!» — закричал он, дрожа от радости, и начал звенеть как одержимый.

Он летел именно в тот район, откуда раздавался грохот взрывов, и, хотя готов был развалиться, бешено крутил колесами. Он чувствовал себя школьником во время каникул и мчался, не обращая внимания на остановки. Но вдруг он почувствовал, что все стекла разбились и из его окон, словно иглы ежа, высунулись дула винтовок.

«Что случилось? — крикнул он волнуясь. — Что за фокусы?» — и ускорил ход.

Улицы были пусты, но светило солнце и все походило на праздник — в окнах появилось много красных флагов. И, когда проезжал трамвай, люди из окон домов кричали:

— Да здравствуют партизаны! Скорее прогоните фашистов!

Трамваю казалось, что это кричат ему. И он возгордился еще больше, заметив, что многие трамваи зеленого цвета, самого последнего выпуска, пустые, неподвижные и униженные, стоят на линии и с завистью смотрят на него.

«Ха-ха! — принялся издеваться над ними небесно-голубой трамвай. — Дай-те дорогу, я еду! Лежебоки, посмотрите на меня, смотрите, смотрите, то ли еще будет!»

Когда на него посыпался какой-то град, он удивился, но тут же услышал, как рабочий с лентой на рукаве сказал:

— Вперед! Трепещите, фашисты! Можете стрелять: здесь мы в безопасности! Эти старые трамваи хорошо защищают. Вперед!

Услышав эту похвалу, трамвай ускорил свой бег. Перед ним появилась группа людей в темной форме, они посылали искры из длинных палок. Несомненно, это были фашисты, которые хотели причинить зло его друзьям. Разъяренный, собрав все свои силы, трамвай бросился на людей в темной форме, смял их ряды и заставил разбежаться. Тогда рабочие соскочили на землю и на бегу открыли огонь по удирающим фашистам.

Небесно-голубой трамвай остановился, еле переводя дух.

«Доставил их вовремя, есть еще порох в пороховнице!» — воскликнул он, но в тот же миг ужасная боль пронзила его бок.

Он попытался колесами снова коснуться линии, но напрасно: бок его был разворочен и сам он уже лежал на земле. Дрожащая дуга, оторванная от проводов, не впитывала больше электричество, и трамвай почувствовал, что умирает. Последний залп ранил его смертельно.

«Жаль умирать, — подумал трамвай, — как раз сейчас, когда я так счастлив!»

Он еще несколько дней боролся со смертью. Охваченный первыми приступами ржавчины, сквозь мучительный скрежет он слышал, как неподалеку от него люди, опьяненные радостью, кричали:

— Да здравствует свобода! Да здравствует свободная Италия!

И он узнавал их: это были его бедно одетые пассажиры, в кошельках которых почти не бывало денег. Сейчас они все пришли в центр города и радостно кричали, размахивая флагами. Старый трамвай жалел, что должен покинуть их как раз в ту минуту, когда они так счастливы. Он уже собрался было пролить последние свои слезы из смазки, когда услышал голос:

— Этот трамвай внес свою героическую лепту в борьбу: он налетел на фашистов, как танк. Жаль, что его сразили. Теперь уж он ни на что не годен...

Но кто-то произнес знакомым голосом — старый трамвай узнал голос техника депо:

— Почему? Мы его переплавим: он из старого, но хорошего материала. Мы сделаем из него новый трамвай, совсем новой марки, чудесного зеленого цвета.

Тогда старый трамвай улыбнулся и заскрипел в последний раз: он понял, что вернется к жизни красивым, новым, сильным, как никогда. Он будет с необычайной скоростью возить своих друзей. И они не будут больше печальными, удрученными, а станут радостными, как сейчас. Вместе с ними он заживет новой, прекрасной жизнью.

Небесно-голубой трамвай вздохнул в последний раз и, счастливый, умер.

АЛЬДО ДЕ ЯКО

т р а х

Город, где родились Винченцо и Марио, отличается одной особенностью: кажется, что живут в нем одни только дети. Он кишмя кишит детьми, как муравейник — муравьями.

Дети перебегают с одной стороны улицы на другую, дети кричат, смеются, затевают свои игры под ногами у прохожих... Кто держит в руках кусочки мела, кто камешки, а кто какие-то обструганные палочки... Дети цепляются за выступы и поручни трамваев, виснут на подножках троллейбусов...

Но не подумайте, что число детей в этом городе особенно велико — причина тут совершенно иная.

Дело в том, что большинство домов в этом городе очень старые, мрачные, в них темно и сыро, да и слишком тесно. А на улицах все залито светом и солнцем, и совершенно ясно, что никому не охота сидеть взаперти. Все стремятся на улицу, а так как дома без дворов и нет там ни садов, ни скверов, то дети в этом городе — вы, наверно, уже догадались, что речь идет о Неаполе, — целыми днями гоняют, как Винченцо и Марио, по улицам, путаясь под ногами у прохожих, играя среди автомобилей, уличного грохота и суеты. Вот потому-то и кажется, что в этом городе так много детей.

Впрочем, далеко не все дети, которых вы видите на улицах, заняты играми. Совсем наоборот. Малыши, конечно, ищут разные забавы, но ребята постарше, лет с девяти-десяти, должны думать о том, чтобы заработать себе на кусок хлеба, и трудятся с утра до позднего вечера, а многие даже до двух-трех часов ночи.

Так работает, например, Винченцо. Ему десять лет. Это высокий, голенастый, худенький мальчик. Он носит белую курточку, рукава которой ему коротки; спереди на ней сверкают, точно золотые, четыре металлических пуговицы.

Винченцо работает с трех часов дня до двух часов ночи, а частенько и позже официантом в баре «2000 год», неподалеку от своего дома.

Так же, как он, работают и многие другие ребята, пожалуй, почти все его товарищи, все, с кем он играл на улице, когда был маленький и жил без забот. Всех их рано или поздно отдают работать в окрестные бары, гастрономические или бакалейные магазины.

Итак, Винченцо работает в баре «2000 год» с трех часов дня до поздней ночи. Утро он проводит дома, пытается поспать подольше, но ему это редко удается — семья его живет в одной комнате, и как раз за стеной, у которой стоит его кровать, находится кухня. Там по утрам толкуются соседи, все громко разговаривают... Поэтому Винченцо утром поднимается с опухшими глазами, разбитый, его всегда клонит ко сну. Но, несмотря на это, ему чуть ли не по десять часов в день приходится делать километр за километром, разнося клиентам чашечки черного кофе, — иначе ведь не заработать хороших чаевых!

Но это не единственная трудность, с которой приходится сталкиваться мальчику, работающему в баре. Есть немало и других. К примеру, приходится сносить выходки пьяных, которые по ночам в виде развлечения дают тебе пинки или пугают, неожиданно крича над самым ухом... Хорош и хозяин, который платит тебе раз в сто лет и вечно ходит с таким лицом, будто сейчас заметил, что его обкрадывают. Но Винченцо никогда никого не боялся — ни пьяных, ни хозяина; не боялся он и драться с другими мальчишками. В общем, он был не из трусливого десятка. Но до недавних пор все же было кое-что, неизменно внушавшее Винченцо страх. Это была темнота.

Поверьте, это совсем не так смешно. Не то чтобы Винченцо пугала темная лестница или он боялся войти в неосвещенную комнату: на него навредила страх та особенно густая, непроницаемая тьма, огромная, давящая, зажатая между обшарпанными, щербатыми стенами домов, крошечная тьма, в которой ему каждую ночь приходилось добираться до своего переуллка.

Конечно, темно было и в переулке, где он жил, быть может, даже еще темнее, но, дойдя до него, Винченцо вздыхал с облегчением — он уже дома.

Добравшись до комнаты, он ошупью находил свое место в постели родителей и, стараясь не задеть раскладной кровати сестры, ложился спать. Но до этого... до этого он должен был добрых десять минут бежать не помня себя по погруженным в темноту переулкам, все дальше от сияющей огнями большой площади с барами и магазинами.

Ох, уж эта тьма, в которой вдруг раздается то тихий шорох, — видно, кошка роется в отбросах, — то чьи-то одинокие шаги!.. Долго Винченцо никак не мог ко всему этому привыкнуть.

Но вот в один прекрасный день все пошло по-другому. Мы как раз и хотим рассказать о том, каким образом удалось Винченцо преодолеть свой страх перед темнотой и как ему в этом помог один мальчуган, еще моложе его, мальчуган, по имени Марио.

Марио тогда не было и восьми лет. К тому же был он слабенький и хруп-

кий. Густые, черные как смоль волосы непослушно падали ему на лоб, лицо сохраняло неизменно серьезное выражение. Еще совсем недавно у него только и было забот, что целыми днями играть самому или глазеть на игры других ребятшек.

Однако отец решил, что уже пора и Марио помогать семье, и отдал его работать «мальчиком» в бар.

Винченцо встретил Марио как раз в первый день его работы, когда тот нес три чашечки кофе в один из соседних магазинов. Бар, в котором работал Марио, был поменьше бара Винченцо, и форма официантов там была другая — не белые, а зеленые куртки. Та, что была на Марио, болталась на нем, словно на вешалке.

— Эй! — окликнул его Винченцо. — Значит, и тебя отдали работать? Ты похож в этой зеленой куртке на ящерицу.

Он с Марио, хотя и жили они дверь в дверь, раньше никогда особенно не дружил, ведь между ними была разница в летах, да и характером очень уж они были несхожи: Винченцо всегда носился, как спущенный с поводка щенок, а Марио чаще всего тихонько стоял где-нибудь в сторонке, ну точь-в-точь вымокший под дождем котенок.

Но теперь Марио надел зеленую куртку, и это было убедительным доказательством, что он вырос. Поэтому Винченцо остановился с ним поболтать и дать ему несколько советов. В тот вечер мальчики сталкивались не раз, и Винченцо не пропускал случая дать Марио какой-нибудь дельный совет.

Вот, например, насчет чаевых. Когда несешь сдачу, нельзя, чтобы были только одни монеты в сто и пятьдесят лир, — тогда клиент наверняка не даст тебе «на чай». Впрочем, не следует и приносить монеты в пять и десять лир — не то чаевые будут совсем пустяковыми. Сдачу лучше всего приносить только монетами в двадцать лир — хоть одна монетка тебе да перепадет. А быть может, даже две!

Обо всем этом мальчики разговаривали на улице, разнося клиентам кофе, потом бежали каждый в свой бар: один — в сверкающий огнями «2000 год», другой — в бар подешевле, но под громким названием «Король кофе».

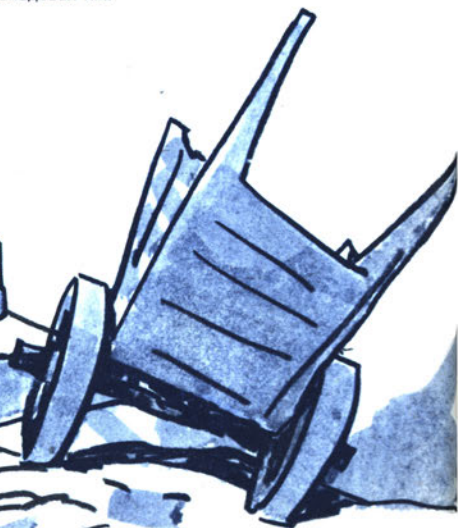
Надвигалась ночь; площадь и окрестные улицы опустели. Посетителей в барах становилось все меньше и меньше, заходила лишь обычная публика, появлявшаяся в эти ночные часы. Вскоре «Король кофе» закрылся, и Винченцо с порога своего бара увидел, как оттуда вышел маленький мальчик в зеленой курточке и направился в сторону переулка, где они с ним жили.

Теперь начиналась заключительная часть служебных обязанностей: кассирша подсчитывала выручку, хозяин приготовился уходить домой. Фонари на улице уже горели совсем тускло; изредка проносились редкие автомобили — днем на такой скорости из-за сильного уличного движения не поездишь. Хотя стояла весна, ночь была холодная.

Винченцо подошел погреть озябшие руки у машины, которая варит и разливает кофе, потом, как обычно, уселся в своем уголке — там он всегда отдыхал между очередными «рейсами». Ему не хотелось разговаривать; он думал о том, что скоро огни «2000 года» погаснут и ему придется одному возвращаться домой. Пока ты на площади или соседней с ней улице, совсем не страшно, но стоит только дойти до лестницы на горе и, поднявшись по ней, углубиться в лабиринт переулков, как ты сразу попадаешь в крошечную тьму.

Всякий раз у Винченцо было такое чувство, словно, идя по этой лестнице, он погружается в колодец — огромный, опрокинутый над его головой глубокий, черный колодец, и мальчика охватывал страх. Теперь ему приходилось проделывать этот путь десятки раз, каждую ночь в этот час, и всегда безотчетный страх овладевал им.

Так же и в ту ночь все было как всегда. Хозяин надел пальто, предложил кассирше подвезти ее домой, и они уехали на машине. Официант снял белую куртку и надел свой старый пиджак. Он погасил все лампы и, выйдя вместе с Винченцо на улицу, опустил и запер на замок железную штору над дверью бара.

— До завтра, Винченцо,— сказал он и поспешно зашагал в сторону своего дома.

Винченцо остался посреди погруженной в тишину площади, один на один с глубоко сидевшим в нем страхом.

Перейти через площадь и нырнуть в ведущую к подъему улицу — минутное дело. Он уже представлял себе, как поднимается по лестнице и его со всех сторон окутывает тьма, притаившаяся в тесных переулках.

И вот он уже подходит к лестнице. А что там за неподвижная тень? Может, это собака? Винченцо замедлил шаг. Тень слегка пошевелилась, и он вдруг услышал тихий плач.

То плакал ребенок.

Тогда Винченцо подошел ближе и увидел зеленую курточку. Лица Марио не было видно: сжавшись в комочек, он примостился на панели, закрыв лицо руками. А из груди его вырывались приглушенные всхлипывания.

— Марио! — сказал Винченцо. — Эй, Марио! — Он взял его за плечо и стал трясти. — Что случилось?

Марио поднял залитое слезами лицо и посмотрел на него.

— Мне не дойти до дому, — проговорил он, — я боюсь...

— Боишься? — спросил Винченцо. — Чего?

— Боюсь, — повторил Марио, — там темно.

Тогда Винченцо, пересилив свой собственный страх, попытался насмешливо улыбнуться — ведь он старший.

— Подумаешь! — сказал он. — Что тебе темнота сделает? Дорогу-то ты знаешь?

Марио не ответил и продолжал тихонько всхлипывать.

— Ну перестань, хватит, — сказал Винченцо. — Вставай, и пошли вместе.

Он взял Марио за руку, и мальчики начали подниматься по высоким ступеням. Постепенно их поглотила жуткая тьма.

— Я ничего не вижу, — пробормотал, сделав несколько шагов, Марио и повернулся к Винченцо, но даже не смог разглядеть его лица.

— Ну и что с того? — услышал он его громкий голос. — Дорогу-то мы с тобой знаем.

Лестница осталась позади, теперь они поднимались по шедшей в гору улице. Потом Винченцо дернул Марио за руку, и они свернули в другую, тоже темную улицу. Не успели они сделать несколько шагов, как вдруг раздался грохот пустых консервных банок. Марио подскочил от неожиданности и выпустил руку Винченцо; тот тоже сильно вздрогнул и остановился.

— Что это? — спросил Марио.

— Ничего, — сказал Винченцо. — Наверное, мы спугнули какую-нибудь кошку.

Мальчики двинулись дальше. Неожиданно тишину нарушили громкие крики. Они неслись из-за закрытой двери одного из домов — ссорились мужчина и женщина. Ребята тихо, стараясь не шуметь, прошли мимо двери. И вдруг у себя над головой они увидели какие-то длинные черные руки и чуть не упали, налетев на что-то стоящее на дороге. Винченцо так и обмер.

— Что это? — спросил Марио, чуть не плача от страха.

Винченцо, крепко держа его за руку, ответил:

— Да тележка. Верно, зеленщика. Теперь еще раз свернем за угол — и мы дома.

Они свернули за угол и оказались в узком тупичке. Сразу же их ослепил яркий свет, который тотчас потух. Это открылась и мгновенно захлопнулась дверь винной лавки. Мальчики почувствовали, что теперь в темноте кто-то стоит совсем рядом с ними.

— Бежим! — сказал Винченцо.

Они бросились наутек, а вслед им неслись крики пьяного. Задышавшись, они добежали до конца переулка. Вот они и дома! Дверь одного из домов была открыта.

— Марио! — позвал женский голос.

— Мама!

Марио выпустил руку Винченцо и побежал домой.

— Винченцо, — раздался тот же женский голос, — это ты его проводил? Винченцо еле слышно пробормотал: «Да», — не видя в темноте женщины. Потом дверь захлопнулась, и он остался на улице один.

Мальчик вынул из кармана ключ и открыл свою дверь, но, прежде чем войти, обернулся и долго вглядывался в ночной мрак.

И только тогда он понял, что в эту ночь ему впервые было просто не до того, чтобы бояться.

Китау

Китайская Народная Республика — страна с большой старинной культурой и трудной исторической судьбой.

Изолированная огромными расстояниями от остального мира, истощенная беспрерывными войнами и невыносимыми поборами с населения, страна словно застыла в своем историческом движении на уровне средних веков до самого начала нашего века. Поэтому, несмотря на огромную численность населения и его свободолюбие, Китай легко стал добычей империалистов разных стран. Много десятилетий героически сражались трудящиеся Китая против иноземных поработителей и китайских милитаристов. Лишь после победы народов над фашизмом и японскими милитаристами во второй мировой войне, когда соотношение сил в мире изменилось, Китай сумел обрести независимость, стать социалистическим государством.

Велики раны и потери китайского народа за многие годы застоя, произвола, иноземного хозяйничанья. Много у него еще не решенных задач: Китай создает современную промышленность, достойную великого народа, возрождает сельское хозяйство, которое могло бы полностью обеспечить потребности страны. Непочатый край работы в области культуры, просвещения, здравоохранения. Дети Китая с честью несут свои пионерские галстуки, они готовятся стать строителями новой жизни.

ХО МЯО

и в ой будильник

Когда Сяо-цзюань с дедушкой вернулись с поля домой, бабушка хлопотала на кухне, готовила к утру завтрак.

— Бабушка, мама уже заснула? — спросила Сяо-цзюань.

— Конечно. И тебе, пожалуй, спать пора.

— А вдруг мама проспит?

— Не болтай глупости! Пойди лучше проверь, все ли куры на месте.

Сяо-цзюань побежала в курятник.

«Ко-ко-ко», — закудахтали куры, будто говоря: «Не трогай нас, мы хотим спать!»

«Кукар-кукарр!» — подал голос петух. Вероятно, он тоже сердился на Сяо-цзюань: перестань, мол, разговаривать, мне завтра рано вставать.

Поднявшись на цыпочки, девочка достала с насеста петуха. Осторожно прижав его к груди, вышла за дверь и плотно прикрыла ее.

«Куд-куда-куда?» — сердито спрашивали куры: видно, они возмущались, что какая-то девчонка не давала им спать.

Сяо-цзюань крадучись прошмыгнула в дверь, опустилась на колени возле маминей кровати и погладила петуха. Петух сразу затих.

Сяо-цзюань приснился сон, будто она с ребятами вывозит с поля урожай. На арбе высокой горой навалены снопы, а сама она сидит на самом верху.

Дедушки и бабушки выбегают навстречу, любят ребятами, на все лады расхваливают. Вышла на улицу и бабушка Сяо-цзюань. Бабушка дает ребятам выпить чистой, прохладной воды и говорит: «Отдохните, ребятки!»

Но Сяо-цзюань не послушалась, взмахнула кнутом, и арба понеслась к току. Маленькая пестрая собачонка с лаем увязалась вслед, большой петух с громким криком взлетел на гребень крыши. Потом он слетел вниз, уселся прямо на спину лошади и, выпятив грудь, закричал: «Ку-ка-ре-ку!»

Сяо-цзюань проснулась и сразу вспомнила про свою вчерашнюю проделку: это кричал петух, который сидел под маминой кроватью!

Мама вскочила:

— Что такое? Откуда здесь петух?

— Мама, это я его принесла, ведь ты же боялась проспать.

— Ай-я-яй! — вздохнула мама. — Какая же ты баловница!

В комнате было еще совсем темно, только лунный свет тихо лился через окно.

Сяо-цзюань подбежала к маминой постели:

— Мама, вставай, уже рассвело!

— Не балуйся, Сяо-цзюань! — сказала мама. — Еще ночь на дворе. Если хочешь знать, это только первые петухи поют.

— А я не буду спать! — заявила Сяо-цзюань. — Мы тоже с ребятами в поле пойдем.

— Не выдумывай! Твои друзья еще спят, и незачем будить их среди ночи. Спи!

Сяо-цзюань открыла дверь и вышла. Весь двор был залит лунным светом. Луна висела над самым гребнем крыши, на чистом синем небе лишь кое-где мигали редкие звезды. Было тихо-тихо. Только иногда из гнезда, которое свили сороки на платане, доносились невнятные звуки.

«Наверно, им что-нибудь приснилось!» — подумала Сяо-цзюань. Она вернулась в комнату и снова легла в постель.

— Сяо-цзюань, а Сяо-цзюань!

Бабушка трясла внучку за плечо, но та лишь повернулась на другой бок.

— Вот лентяйка!

Девочка потеряла нос кулачком, но так и не проснулась. Бабушка засмеялась. Сяо-цзюань открыла глаза и спросила:

— Мама ушла?

— Давно уже. — Бабушка присела на край кровати. — Что это ты выдумала? Притащила петуха в комнату, разбудила маму, из-за тебя она не выспалась.

— Вот и неправда! Если бы не петух, мама не встала бы вовремя!

— Поднимайся скорее сама! — засмеялась бабушка. — Твои дружки тебя ждут.

— Неужели Ло-чжу и Чжуй-цзы уже здесь? — заволновалась Сяо-цзюань.

— Давным-давно пришли.

Сяо-цзюань вскочила, торопливо оделась. Она не на шутку расстроилась: ведь условились пораньше в поле выйти, а встала так поздно! И правда лентяйка!

— Что же ты, бабушка, меня раньше не разбудила? — ворчала Сяо-цзюань.

Едва она вышла за дверь, как сразу увидела своих друзей. Мальчики сидели посреди двора на скамеечке, на головах у них были широкополые соломенные шляпы.

Ребята засмеялись:

— Вот уж лентяйка так лентяйка!

Сяо-цзюань покраснела.

— Я давно встала, — оправдывалась она, — куда раньше вас. Еще луна светила, а я уже встала!

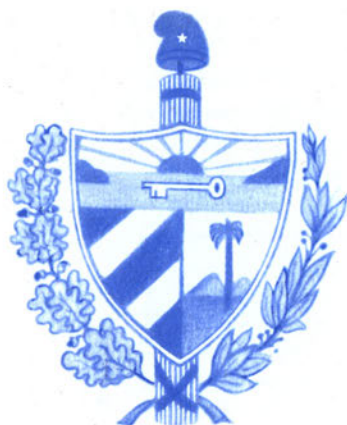
— Выдумываешь! — не поверил Чжуй-цзы.

— Если ты встала раньше, то почему же не пришла за нами? — ехидно спросил Ло-чжу.

— Мне мама не позволила будить вас. Не верите — сами ее спросите!

— Ладно, не спорьте, — вмешалась бабушка, — дети должны спать больше, чем взрослые.

Друзья миролюбиво переглянулись и побежали в поле — на работу.

Куба

Христофор Колумб, открывший Кубу, назвал этот вечнозеленый пальмовый остров «прекраснейшей из всех земель, которые видел глаз человеческого».

Щедра земля Кубы. Гуахирос — кубинские крестьяне — выращивают столько тростника, что на каждого жителя острова приходится по целой тонне сахара в год. Сладкий картофель вырастет здесь за шесть недель. Удивительны урожаи тех культур, которые когда-то впервые увидели европейцы именно на Кубе: кукурузы, табака, картофеля, кофе.

Почему же всего несколько лет назад кубинские дети голодали и шли не в школу, а на сахарные плантации, где гнули спину от зари до зари?

Причина проста: власть американцев. Формально Куба считалась независимой. На деле она стала «сахарной кладовой» Америки, а ее жители — народом батраков на плантациях.

Но свободолюбивый кубинский народ вышвырнул с острова Свободы американского ставленника — кровавого диктатора Батисту. Социалистическая Куба уверенно шагает к новой жизни. Покончено с голодом, нищетой, невежеством. Кубинцы провели аграрную реформу, отдав землю тем, кто ее обрабатывает, передали в руки трудящихся предприятия, банки, транспорт. Остров Свободы стал первой страной Латинской Америки, в которой ликвидирована неграмотность. Народ сам определяет свою политику и свое будущее.

ИЛЬДА ПЕРЕРА
СОТО

Аполо живет, как говорится, в двух шагах от моря. Но моря никогда еще не видел. Странно, правда?

Много раз слышал он от учительницы слова: «С севера Куба омывается Мексиканским заливом, с юга — Антильским морем, с востока...». Но разве все это запомнишь! Вот если бы самому увидеть море!

Аполо — шустрый, веселый негритенок; на его блестящем черном лице задорно сверкают белые зубы. Когда он смеется, то кажется, будто зажгли маяк дель Морро.

Дома, в тростниковой хижине, что стоит на краю сахарной плантации, к нему относятся почти как ко взрослому. А ведь ему всего только семь лет. Мать очень довольна им, как, впрочем, и остальными своими детьми, возле которых она весь день хлопочет, точно наседка. Мать считает Аполо самым благоразумным в семье. Даже папа Аполонио в глубине души питает почтение к своему рассудительному сыну.

Аполо нередко задает отцу такие вопросы, на которые тот затрудняется найти ответ.

— Почему солнце восходит всегда в одном и том же месте?.. Почему вырастает большой стебель, когда сажаешь совсем маленькое зернышко?

Отец смущенно почесывает свою курчавую голову и, глядя в землю, обычно отвечает:

— Ступай, Аполо, и скажи маме Панче, чтоб дала тебе кусок хлеба.

Но не по хлебу тоскует Аполо, и папа Аполонио это прекрасно знает...

Море... Море? Часто по ночам мальчуган думает о нем. С севера Куба омывается Мексиканским заливом, с юга — Антильским морем, с востока...

Однажды он стремглав помчался в поселок.

Священник!.. Вот кто объяснит ему, что такое море. Священник, который всегда угощает Аполо конфетой, когда он приходит в церковь. Аполо добы-

жал до церкви, вошел в нее и тут вдруг почувствовал страх. Кругом тишина, сумрак и пустота. Да вдобавок какой-то необычный запах и эти непонятные картины на стенах... и сутана священника. Чего доброго, священник может рассердиться — ведь Аполло ходит по воскресеньям в церковь только за тем, чтобы получить конфетку. Может, лучше убежать? Но уже поздно.

— Что тебе здесь нужно, сын мой?

— Падре, а какое оно — море?

И падре Франсиско, совсем как отец, в смущении отводит глаза. Нет, он тоже не в силах объяснить Аполло, как выглядит море.

— Море,— говорит священник,— нечто необъятное...

«Что такое необъятное? Может, оно просто очень большое? — думает Аполло.— Но большие и отец, и гора, и наша церковь с ее двумя башенками-руками, точно простертыми в небо...»

Священник подводит Аполло к статуе, под ногами которой лежит что-то твердое, голубое.

— Посмотри, Аполло, вот это море. Правда, на самом деле оно не такое, не твердое, как здесь, а жидкое, как вода, которую ты пьешь. Так-то вот, сын мой. Больше, пожалуй, я не могу тебе ничего сказать.

Но мальчику такого объяснения мало. Понурился, как сапожная мазь, голову, он выходит из церкви. На мостовую ложатся квадраты света, льющегося из окон домов. Аполло бредет домой, в свою убогую хижину, оставляя позади себя пленительный уют поселка.

На несколько дней мальчик забывает о море. Но вот он узнает, что по воскресеньям в поселок всегда приходит один рыбак. Аполло решает поглядеть его.

Мальчуган увидел рыбака в таверне. Тот молча сидел за столиком, сжимая в руке стакан вина и уставившись на угол стола. Голова рыбака была окутана клубами табачного дыма. Аполло хотел спросить рыбака о том, как выглядит море, но слова, точно испугавшись, замерли у него на губах. И негртенек решает, что, пожалуй, лучше уйти и не вступать в разговор с этим крепким, пропахшим морем хмельным рыбаком.

На дворе уже светит луна. Аполло ускоряет шаг. Прибежав домой, он находит маму Панчу в большой тревоге. Вот уже второй раз он уходит из дому, не спросив разрешения. Отец медленно снимает ремень. Только сейчас Аполло понимает, что ему не следовало так поступать. Уже лежа в постели, мальчуган глубоко переживает, что он все еще такой маленький. В темную каморку потихоньку входит мать. Но у Аполло тоскливо на душе, ему не хочется разговаривать, и он притворяется спящим. Все только бранят его, и никто толком не может ему объяснить, никто не может сказать ему, какое же оно, море. Ни учительница, ни священник, ни рыбак.

И вдруг он подумал о сеньоре Аделе. Аполло нередко выполняет различные ее поручения: то сбегает за газетой, то еще за чем-нибудь, то польет

цветы в ее саду. В волнении он чуть было не вскочил с постели: кто-кто, а она-то наверное знает! Но тут он вспоминает о ремне... Да и спать что-то вдруг захотелось. И Аполо, укутавшись с головой в одеяло, крепко засыпает.

* *
*

На следующий день Аполо не позволили уходить из дому. Отец велел ему собирать помидоры. А потом пошел дождь.

Аполо, переодевшись, сел на пороге хижины. Сорвав травинку, он принялся ее жевать. При этом он, как обычно, задумался. О школе, об уроках закона божьего, которых он совсем не понимал...

О!.. Вон, вон ползет жук-скарабей. Жук-скарабей такой большой, дикий зверь, у него огромные клыки...

Погруженный в свои мысли, Аполо смотрит, как жук разгугливает по его босым ногам, потом берет его в руки; жук, подвигав короткими лапками, освобождается из плена и уползает в густую траву.

Небо, словно сжалившись над негритенком, проясняется, и Аполо в чистых штанишках, но грязных башмаках направляется к поселку. Дождь повсюду оставил небольшие лужицы. Шлепая по ним, Аполо представляет, будто это кусочки неба, отражаясь в каждой лужице, дрожат у него под ногами.

Наконец он подходит к дому сеньоры Аделы, окруженному красивой решеткой. В саду растет множество цветов. Аполо улыбается им. Калитка веселым скрипом приветствует его появление. Осмотревшись кругом, Аполо снова выходит на улицу, а потом перепрыгивает через садовую решетку.

Обычно Аполо входил в этот дом через черный ход, но сегодня была открыта парадная дверь, и он воспользовался этим. В гостиной мальчуган наткнулся на какой-то неведомый блестящий черный предмет. Негритенок подошел ближе, поднял крышку и увидел много-много белых зубов, лежащих рядышком. Аполо нажал на один зуб, и тот запел! «Может быть, он меня видит?» — промелькнуло у него в голове. Аполо опустил пальцы на эти странные зубы, и уютная маленькая гостиная наполнилась громкими звуками.

В дверях, посмеиваясь над ним, стояла сеньора Адела. Увидев ее, Аполо растерялся и, вместо того чтобы попросить извинения, смущенно тарачил на нее свои широко раскрытые глаза. Затем, не дожидаясь, когда сеньора станет его ругать, он сказал:

— Я пришел полить сад... и... потом узнать... может быть, вы мне скажете, какое из себя море...

— А разве ты никогда не видел моря, Аполо?

— Нет, я еще никогда не бывал в Гаване. Вот мой брат ездил...

— Знаешь что, Аполо? Завтра я отправляюсь туда за покупками. Ты можешь поехать со мной, поможешь мне нести свертки. И заодно увидишь море. Ступай попроси разрешение у мамы.

Аполо немного задержался в саду. Ведь так приятно держать шланг в руках и ступать босыми ногами по влажной, прохладной земле.

Они въехали в Гавану со стороны Луйяно. Небо, окаймленное высокими трубами, прямоугольником висело над головой. Аполо чувствовал себя неловко среди множества незнакомых людей; новые ботинки жали ноги, да вдобавок он очень боялся потеряться. Сеньора Адела и не подумала купить ему что-нибудь вкусное и не показала море.

— Уже поздно, Аполо. Мы сейчас возьмем такси.

И они поехали разными улицами, пока не выбрались на одну, очень широкую. Она называлась Беласкойн.

— Остановитесь здесь.

Аполо огляделся. На белой колонне красовался конь, который, казалось,

вот-вот ускорит в небо. А там дальше... море!.. Он уже не слышал, что ему рассказывала сеньора о знаменитом генерале Масео. Выскочив из автомобиля, он бросился на набережную и, разинув рот, в восторге замер у парапета. Ветер трепал его рубашку. Там, вдали, расстилось голубое, тихое, почти неподвижное море, точно припудренное золотым порошком. Несколько шхун медленно плыли к горизонту. А внизу, под ним, рычали, подгоняемые ветром, высокие гребни седых волн. Аполло не мог оторваться от этого зрелища.

Постепенно волны окрасились в стальной цвет. А вскоре вода стала и вовсе черной, и в ней заискрились огни города. Впереди замигал маяк дель Морро. Луна прокладывала себе дорожку через море.

Аполло в испуге повернулся к залитому светом городу, который как бы смеялся над его страхами. Он вдруг почувствовал себя подавленным и усталым: столько впечатлений разом свалилось на него. Аполло стало неизъяснимо грустно, что в такую вот минуту вместо ласковой матери рядом с ним была эта чужая сеньора.

Сидя в автобусе, он задумчиво разглядывал пробегавшие мимо деревья, телеграфные столбы, скучные, похожие друг на друга дома.

Сеньора время от времени посматривала на Аполло, как бы ожидая, что он поделится с ней своими впечатлениями. Но мальчик молчал. Он испытывал какое-то странное чувство: все оказалось совсем не таким, как он думал... Взять, к примеру, его братишку Омобону. О-мо-бо-но! Какое длинное имя, а на самом деле он совсем маленький. А то, что он сегодня увидел, такое огромное, необъятное — и называется всего-навсего коротеньким словом «море»! Как же так?!

Мальчика охватила неодолимая усталость, все его тело будто отяжелело от городской пыли. Всего дороже на свете вдруг показалась ему убогая хижина на краю тростникового поля, крохотный участок вспаханной ласковой земли... И, свернувшись калачиком на сиденье, он крепко уснул.

Монголия

Монголы говорят: «От нас недалеко до солнца». Есть два объяснения этой поговорки. Первое — Монголия раскинулась на высоте более 1500 метров над уровнем моря. Второе объяснение — монгольское небо, как правило, безоблачно. Солнца монголам отпущено по самой щедрой норме — три тысячи часов в год!

Монголия — страна географических контрастов. Север ее — непроходимые леса, юг — великая азиатская пустыня Гоби. Капризен климат Монголии. Весной случается так, что утром палит почти июльское солнце, в полдень разыгрывается ураган, вечером обрушивается теплый ливень, а ночью метет поземка, как в январе, и термометр показывает минус пять градусов.

Главное богатство страны — животноводство. На каждого жителя приходится по 28 голов скота.

В 1921 году в Монголии произошла революция. Скотоводы-араты, восставшие под руководством Сухе-Батора против феодалов, установили народную власть. Советский Союз пришел на помощь своему соседу, помог Монголии создать свою народную экономику. Новая техника помогает государственным хозяйствам и аратам вести продуктивное хозяйство. В Монголии научились выращивать пшеницу и арбузы, добывать нефть и каменный уголь. Есть тут теперь и свои заводы. Правда, их еще немного. Дети аратов учатся в школах и институтах, в быт монголов вошли библиотеки, кино, клубы.

Трудно целой стране шагнуть от средневековых форм жизни сразу к социализму. Но, оказывается, можно, если власть принадлежит народу и если имеешь хороших, верных друзей.

Л. БАДАРЧИ

ри свете восковой свечи

Дождь кончился. Белый дом с красной крышей, где находилось начальное училище сомона¹, был живописен, как алый цветок на белом фоне. Из здания то и дело выходили и расходились по домам люди. Только что окончились занятия по изучению новой азбуки.

На привязи у училища осталось только три коня. У двух коней были красивые, аккуратные седла, расписанные серебром. С седел свешивались толстые кнуты. Третий конь — златогривый, стройный, седло у него широкое и удобное. Видно, что хозяин его — знатный и опытный скотовод.

И действительно, вскоре из дома вышел благообразный старик в сопровождении двух юношей. Когда старик поднял руку, прикрывая ладонью глаза от солнца, на груди его блеснула и зазвенела серебряная медаль.

Все трое уселись на скамью перед училищем.

— Я хочу немного побеседовать с вами. Вы самые слабые в нашем кружке по изучению новой азбуки. А я научил читать и писать почти сто человек. И сейчас обучаю около сотни людей. Может быть, вам что-нибудь непонятно? В чем дело? Почему вы отстаёте от других? — ласково обратился старик к юношам, вызывая их на откровенный разговор.

Почесав в затылке, Доржи ответил:

— Нет, учитель, все понятно. Я очень хочу научиться читать и писать, но учение дается мне с трудом.

Другой, Гомбо, сказал:

— И я тоже хочу научиться... Да нелегко это.

— В такой счастливой стране, как наша родина, научиться читать и писать нетрудно, — улыбнулся старик.

¹ Сомон — административная единица.

Доржи прервал его:

— У каждого голова по-разному работает. А тут только и слышишь: «Учись читать и писать... Грамотность... грамотность».

— Лучше расскажите нам, учитель, какую-нибудь историю.

— И то правда. Что пользы вечно повторять — новая письменность, новая письменность... И если вы никуда не спешите, почему бы мне, старику, и не рассказать вам что-нибудь интересное?

Старик посидел некоторое время в задумчивости, потом принялся рассказывать:

— Я вспомнил сейчас одну историю, которая произошла еще до революции. Отец и мать у меня умерли, когда мы были еще детьми, и мы с братом рано остались сиротами.

Братишка мой, Ундрах, жил в ближнем монастыре у лам. Он прислуживал багши-ламе и заодно учился у тайжи¹ Галсана, и я частенько заглядывал в монастырь навестить брата. В первые годы брат мой делал большие успехи в учении и уже знал наизусть несколько томов книг. Я радовался и говорил брату, чтобы он учился старательно и стал хорошим ламой. Однажды, заранее зная, что я скажу, брат перебил меня: «Я знаю, ты говоришь так, потому что хочешь, чтобы из меня вышел настоящий человек. Но кто хорошо изучил тибетскую грамоту и стал хорошим ламой, тот не может обуздать непокорного коня и бесслен оседлать кроткого». «Но чего же ты хочешь, братец? К чему стремишься?» — спросил я его. «Я не могу перечить багши-ламе, поэтому притворяюсь, что изучаю тибетские книги. Но я начал учить монгольское письмо. Только не говори об этом багши-ламе. Он прибьет меня, если узнает».

«Для чего нужно знать тибетский язык и священные книги?» — спросил как-то мой брат у ламы. А тот, не прерывая молитвы, ответил: «Многочисленное чтение священных книг принесет человеку пользу не при жизни, не на этом свете, а только после смерти — на том свете». Тогда Ундрах спросил: «Значит, чтобы чтение поскорее принесло плоды, человек должен стремиться умереть?» Багши-лама пришел в ярость: «Тебе еще рано говорить о плодах чтения! Сначала изучи еще десятки томов да прочти их по тысяче раз, как я».

Однажды багши-лама заболел и слег. Он велел Ундраху позвать ламу-врача. Тогда Ундрах сказал: «Багши, вы хорошо усвоили премудрость божественных книг, вы прочли их тысячи раз, почему же вы не спешите воспользоваться плодами этого чтения?» Услышав это, багши-лама разъярился и избил брата палкой. После этого случая багши очень часто приходил в ярость, а так как Ундрах все больше ненавидел священные книги, то багши по несколько раз в день бил бедного Ундраха.

Однажды багши увидел под полами оборванного халата Ундраха монгольский букварь, схватил его и в гневе разорвал в клочки. Потом жестоко избил Ундраха и пригрозил, что, если опять заметит у него монгольскую книгу, накажет его еще сильнее.

¹ Так называли в Монголии богатых образованных людей.

Целыми днями брат мой работал на багши-ламу да еще выполнял всю черную работу в монастыре. Свободного времени у него совсем не оставалось. Только поздно ночью, когда весь монастырь погружался в сон, Ундрах, даже в самые суровые зимние холода, садился перед юртой и при свете луны читал монгольские книги.

Безлунные ночи тянулись долго; они казались даже длиннее дней, заполненных тяжелой, непосильной работой. В такие ночи Ундрах тихо лежал с закрытыми глазами и вспоминал то, что он прочитал в монгольских книгах.

Однажды в такую безлунную летнюю ночь Ундраху пришла в голову блестящая мысль. В какой-то книге он прочитал, как один работник научился читать и писать при свете светлячков. Но разве может их свет сравниться со светом сальной свечи багши-ламы! «Этот свет похож на тусклое мерцание тлеющей восковой свечи», — подумал Ундрах. И все же при нем можно читать и даже писать!

Однажды я приехал, чтобы повидаться с братом. Уже начало смеркаться, и дальние силуэты тонули во мраке. Монастырские ворота были крепко закрыты. Я долго стучал, но никто не отзывался. Брат всегда ждал меня и, как бы поздно я ни приезжал, быстро открывал мне ворота. Что это значит? Может быть, он заснул? Немного поразмыслив, я решил перелезть через забор: мне очень хотелось навестить Ундраха, посмотреть, как он живет.

Дверь маленького летнего домика багши-ламы была тоже крепко закрыта. В открытое окно я видел тускло мерцающее кадило перед медными фигурами богов, но разобрать, есть ли кто-нибудь в домике, не мог.

«Братец! Ундрах!» — тихонько позвал я.

Молчание.

«Ундрах! Ундрах!»

Никакого ответа.

«Есть ли тут кто-нибудь?» — спросил я, пытаюсь заглянуть в окно.

Послышался чей-то дрожащий голос, и снова наступила тишина. Я боялся, как бы лама не подумал, что на него напали воры. Но только я сказал: «Багши! Я... Ундрах...», как меня перебили:

«Ты душа Ундраха?» — услышал я знакомый дрожащий голос багши.

Я не поверил своим ушам. При чем тут душа? Может быть, я ослышался?

Дрожащий голос багши, читающего «тарини» — заклинания, становился все громче. В домике послышался какой-то шум, движение. Багши-лама за метался, как мышь в клетке. Не успел я объяснить, кто я, как он выскочил в окно с другой стороны.

«Спасите! Спасите! Ундрах стал нечистой силой!» Багши-лама бегал и громко кричал, потом перепрыгнул через забор, не переставая истошно кричать, что Ундрах превратился в призрак, в нечистую силу...

Я ясно расслышал его слова и оцепенел: мне стало страшно. Стук сердца отдавался в ушах, как шелот: нечистая сила, нечистая сила, нечистая сила! Я зажмурился и подумал, уж не сон ли все это, но, открыв глаза, снова

увидел монастырские ворота, услышал фыркание моего коня. Я отпер ворота, вышел, отвязал коня и хотел было оседлать его, но он стал фыркать и испуганно заржал. Я увидел, что повсюду кучками стоят ламы.

— Вот он! Идет сюда!.. — слышались крики.

«Надо спросить у них про брата», — подумал я и направился к ним.

Но они закричали еще громче:

— Идет! Слышите, идет!

Многие шептали короткие заклинания. Не успел я приблизиться, как они бросились врассыпную. Я сел на коня и направился к ламам, стоявшим на другой стороне улицы. Но и они разбежались. Может быть, брат мой и вправду стал призраком? Неужели уже нет в живых моего единственного брата, единственного в целом мире? Но, даже если он стал призраком, я должен видеть его, чего бы мне это ни стоило!

Я ударил коня кнутом и стал преследовать бегущих лам. Я кричал: «Что вы сделали с моим братом? Где мой брат?»

Всю ночь я не давал покоя маленькому монастырю.

Но мне так и не удалось поговорить с кем-нибудь, я даже не смог узнать, где находится мой несчастный брат. Вдруг смотрю — с северо-востока по дороге к монастырю движется что-то темное. Когда я подъехал поближе, оказалось, что это старик, привозивший в монастырь воду.

— Вы знаете, где мой брат Ундрах?

Старик подошел и стал изумленно вглядываться мне в лицо.

— Говорят, мальчик умер прошлой ночью, и утром его похоронили. Умани-пад-ма-хун! — сказал старик.

Слова старика рассеяли мои последние надежды, и разум мой погрузился в море скорби. Моего брата нет в живых! И к тому же говорят, что он превратился в призрак... Нет, пока я не увижу этого собственными глазами, не поверю. Я не мог отказаться от надежды увидеть его.

— Где его похоронили? — спросил я старика.

Старик повернул белую голову и указал на небольшой холм. Свет луны пробивался между туч и ясно освещал что-то черно-белое у подножия холма.

— Вот, видишь? Бедняга... Он там, — вытянув руку, показал старик.

«Что это белеет? Может быть, камень? А черное? Во что бы то ни стало я должен посмотреть», — решил я.

Черно-белый таинственный предмет был виден довольно долго, но, когда я подъехал ближе, все скрылось за оврагом. Я поднялся на соседний холм и сквозь слезы увидел, что черно-белый предмет шевелится. Конь испугался и замер. Я прыгнул на землю и стреножил его. Пройдя несколько шагов, я увидел нечто действительно напоминавшее могильный холм. Я подошел совсем близко — неизвестный предмет стал похож на человека, лежащего ничком. Я вытирал глаза, но слезы невольно застилали их. Я снова двинулся вперед и вдруг услышал чье-то прерывистое дыхание.

Серебристая луна скрылась за облаками, и землю окутала густая мгла. Темный предмет как будто силился подняться и тяжело дышал. У меня по спи-

не поползли мурашки. Дыхание его стало еще слышнее, и в лицо мне словно повеяло теплым ветром. И тогда мне показалось, будто что-то пронеслось у меня за спиной. Я хотел было убежать, но кто-то черный, большой схватил меня. Не помню, что произошло дальше, я потерял сознание. Когда я пришел в себя, небо очистилось, и при свете луны я увидел, что передо мной лежит тело моего несчастного брата. Сердце мое сжалось от неутешного горя и глаза наполнились слезами. Перед глазами снова мелькнуло что-то белое. Что это? Подойдя ближе, я увидел, что это монгольская книга.

Я ушел. Случайно я встретил одного мальчика, который дружил с братом. Они вместе читали монгольские книги. От него я узнал, как погиб мой брат.

Однажды летней безлунной ночью багши-лама куда-то уехал. У него было много восковых свечей. Брат зажег одну и стал читать. И вот на самом интересном месте, где рассказывалось, как один грозный и жестокий тайжи замахивается кнутом на своего бедного работника, на голову ему обрушился тяжелый удар. Брат мой тотчас вскочил, но он так и не успел понять, что это: кнут тайжи из книги или кулак багши-ламы. Брат не смог даже ничего сказать: второй удар свалил его с ног, и он потерял сознание.

Перед смертью несчастный мой брат успел все это рассказать своему другу. Он сказал, чтобы тот не пропускал безлунных ночей и читал, читал, даже при мерцающем свете восковой свечи.

— Только мой брат, который пытался читать при свете восковой свечи, имел право говорить, что учиться трудно,— сказал старик и умолк...

Доржи посмотрел учителю в лицо и тихо проговорил:

— Теперь я буду стараться. Как можно поскорее выучить новую азбуку? — спросил он.

Солнце слепило, и Гомбо сощурил глаза, словно желая представить себе тот слабый свет восковой свечи. Он хотел сказать то же, что уже сказал Доржи.

О
бъединенная
Арабская
Республика

Вряд ли есть на земле другое государство, которое так зависело бы от крупнейшей своей реки, как Объединенная Арабская Республика от Нила. В плодородной его долине много веков назад возникла одна из древнейших в мире цивилизаций. Вода Нила — это поистине «живая вода». Там, где она орошает горячую землю юга, растут пшеница и рис, кукуруза и знаменитый египетский хлопок, сахарный тростник, финиковые пальмы. А остальная часть страны — бесплодные, каменистые пустыни.

Лишь в 1952 году были изгнаны из Египта английские колонизаторы и их верный слуга король Фарук и провозглашена республика. Поэтому промышленность только начала развиваться, но уже построены десятки фабрик и заводов, производящих нефть.

Здесь немало удивительных памятников древности: пирамиды и сфинксы, дворцы и храмы. Много веков стоят они, рассказывая об искусстве и архитектуре давних времен и о страшном деспотизме, тяжком подневольном труде сотен тысяч рабов.

И совсем о другом расскажет потомкам одно из самых величественных сооружений нашей эпохи — Асуанская плотина на Ниле. О том, как река, веками диктовавшая свою волю человеку, покорилась ему. О сотнях тысяч гектаров отвоеванных у пустыни земель. Об электричестве, которое пришло в арабскую деревню и привело за собой книгу и кино, достаток на столе и врача. Но главное, о чем будут думать люди, глядя на эту плотину, — о дружбе двух народов, арабского и советского, вместе воздвигших громаду, рядом с которой пирамиды кажутся старенькими карлика.

ЮСУФ
ИДРИС

Странно, что такая маленькая девочка, как она, попросила меня, взрослого незнакомого человека, поправить ношу у нее на голове. Попросила просто и непосредственно. Ноша была громоздкая: на голове стоял поднос с печеным сладким картофелем, а сверху уместился жестяной противень с пирожками. И этот противень чуть не упал. Худенькие ручки девочки отчаянно пытались восстановить равновесие, но сложное сооружение у нее на голове грозило рухнуть.

Я недолго разглядывал растерявшуюся девочку и поспешил на помощь. Уравновесить ношу было не так-то легко: я поправлял поднос — падал противень, поправлял противень — скользил поднос. А когда и то и другое становилось на свое место, девочка наклоняла голову, и все нужно было начинать сначала. Но наконец задача была успешно решена — сооружение больше не качалось.

Я не знаю, о чем подумала девочка — ее лица не было видно из-за подноса, — но она чуть помедлила, чтобы удостовериться, не упадет ли ее ноша, и пошла, быстро сказав несколько слов, из которых я разобрал только слово «ситти»¹.

Я видел, как она пересекает широкую улицу, по которой один за другим неслись автомобили, видел ее старое, потрепанное платье, годное лишь на то, чтобы им вытирать плиту, ее ноги, похожие на длинные палочки, едва прикрытые рваным подолом.

Она отшатывалась от машин и снова двигалась вперед, бросая по сторонам быстрые взгляды. Несколько шагов она делала уверенно, потом, покачнувшись, останавливалась и снова шла.

¹ Ситти-ар — моя хозяйка.

Каждое ее движение заставляло меня волноваться: беда могла произойти в любой момент.

Наконец маленькая служанка неторопливо, как умудренная опытом взрослая, выбралась из потока автомобилей.

Она шла теперь по той стороне улицы. Я все еще видел ее. Но вот она остановилась, боясь шевельнуться.

Я чуть не попал под машину, бросившись на выручку. Но, подойдя к ней, я увидел, что моя помощь не нужна. И поднос и противень не грозили упасть. Девочка стояла и смотрела. Ее глаза следили за резиновым мячом, в который играли дети, такие же, как она, и даже постарше ее. Они шумели, кричали и смеялись.

Она не заметила меня и пошла дальше. Прежде чем завернуть за угол, она остановилась, медленно повернулась всем телом и бросила долгий взгляд на детей, играющих в мяч... потом ее поглотила улица.

Польша

Когда солдаты Войска Польского вместе с советскими воинами вышли осенью 1944 года на правый берег Вислы, они увидели вместо крыш и стен знакомых домов и улиц горы развалин. Шестьдесят три дня бились здесь восставшие варшавяне с гитлеровцами. Двести тысяч жителей города погибло. Город был взорван и сожжен.

Давно залечены раны, нанесенные стране войной. Восстановлена Варшава, выросли в ее предместьях новые заводы, фабрики, мастерские. Целые новые районы появились в столице. И размах строительства не тот, что был в старой Польше. Один только металлургический комбинат имени Ленина в Новой Гуте дает больше металла, чем вырабатывалось до войны во всей стране. По улицам польских городов мчатся «Варшавы» — автомобили отечественного производства, выпускаются современнейшие автоматические станки, машины, приборы. На верфях Гдыни, Гданьска и Щецина строятся отличные морские суда. А сколько их уже бороздят океаны под бело-красным флагом республики! Они везут уголь, каменную соль, цинк, ткани, сахар, машины.

Другими стали и люди новой Польши. В республике принят закон о всеобщем восьмилетнем обучении. Аудитории университетов и институтов переполнены. По количеству студентов на тысячу человек населения остались позади ФРГ, Англия, Франция.

Давно залечены раны войны. Но память о ней жива. «Нужно помнить войну, чтобы не допустить ее повторения», — говорят поляки, чтобы не пришлось еще раз польским детям пережить то, что случилось с Аннушкой, героиней рассказа Стефании Завадской.

СТЕФАНИЯ
ЗАВАДСКАЯ

н н у ш к а

От стены, где стоит полированный шкаф, до большого венецианского окна — царство Аннушки.

Тут ее маленький стол и стулья, кукольная кровать, кухонная посуда, красная деревянная лошадка с коляской, коробка с деревянными кубиками и шкафчик, куда она складывает игрушки, когда мама говорит:

«Аннушка, пора спать!»

Аннушка быстро-быстро собирает кубики в коробку, кладет Басю в угол, укрывает ее и сейчас же идет к маме. Аннушка очень послушная!

Бася — это новая красивая кукла, которую подарил Аннушке дядя. У Баси длинные русые косы из настоящих волос, небесно-голубые закрывающиеся глаза и розовые губы. А стоит нажать на животик — и она говорит необыкновенно приятным голоском: «Ма-ма... Ма-ма...»

Такой куклы не было ни у кого из Аннушкиных подружек в детском саду. Сначала никак не могли решить, где же кукле спать. Такая необыкновенная кукла, конечно, не могла спать на жесткой, узкой кровати. К тому же там уже спали целлулоидный Ромась со смятыми щечками и курчавый негр-тенок.

Папа обещал купить для новой куклы красивую коляску, такую же, как у настоящих детей, только, конечно, поменьше.

Но он не смог выполнить свое обещание: однажды он пришел домой в солдатской форме, поцеловал маму и Аннушку, сказал, чтобы они не плакали, потому что он будет навещать их, и уехал. После этого он уже не вернулся, только иногда присылал открытки.

Мама плакала и говорила соседке, что папа на переднем крае, но что это значит, Аннушка не понимала.

Вот так получилось, что Басе негде было спать. Аннушка укладывала ее рядом с собой, накрывала одеялом, и так они обе спали до утра.

Но с некоторых пор Аннушка спит не в своей кроватке, а внизу, в темном подвале, на небольшом жестком матрасе, положенном на кирпичи. И душно там и страшно, да что поделаешь?

Там, внизу, в убежище, сидят разные люди. Многих из них Аннушка не знает, но всегда обращается к ним: «Добрый день» или «Добрый вечер». Как хочется поговорить с ними! Только почему-то сейчас никто не любит разговаривать с детьми.

Аннушка и здесь не рассталась с Басей. Объяснила ей, что дома, наверху, сейчас опасно, немцы стреляют — «трррум-бум!» — а потом сыплются стекла и штукатурка со стен, могут упасть даже целые балки.

Бася тотчас же все поняла, протянула «ма-ма» громче, чем обычно, и послушно улеглась вместе с Аннушкой на безногий диван.

Грустно и скучно сидеть в этом подвале! Иногда даже не поймешь, наступила ли ночь и надо спать, или на дворе еще день и можно поиграть...

Да и как тут играть — все время кому-нибудь мешаешь! И игрушки положить некуда.

Просто беда! Но были и счастливые дни, когда мама спокойно поднималась домой и брала с собой Аннушку. В такие дни мама что-нибудь готовила или стирала белье в ванной, а Аннушка играла в коридоре. В комнате с венецианским окном мама играть не позволяла.

Аннушка послушно переносила в коридор свои игрушки — красную лошадку, Ромаша и негретенка и играла с ними на полу. Бася в этих играх участия не принимала. Серьезная и важная, сидела она на кухне в старом кресле и свысока смотрела на свою защитницу и подружку.

Да и как Бася станет играть, когда она уже большая?

Она не помещается ни в коляске, запряженной красной лошадкой, ни на кукольных стульях, ни в ванночке. Да и что ей делать в ванночке? Неподвижная и надменная сидит Бася посреди кухни и слушает Аннушку, которая без устали что-то рассказывает — что она сейчас будет делать и что уже сделала... когда вернется папа... откуда пришли к ним в дом незнакомые люди... почему сторож ругает мальчишек — и многое другое.

Ромаш и негретенки не обращают внимания на эти рассказы, как будто это к ним и не относится. А Бася? О, Бася очень умная, она все понимает!

Она тоже, как и Аннушка, боится зловещего гула самолетов, тревожного воя сирен и отсветов пожаров. Правда боится, Аннушка это знает.

Сегодня на улице тихо и спокойно. Аннушка идет с мамой домой. Мама что-то делает на кухне, потом входит в комнату с венецианским окном. Открывает шкаф, садится в кресло и начинает приводить в порядок свои вещи.

Она даже не рассердилась, когда Аннушка вместе с неразлучной Басей пробралась в комнату и спросила, можно ли здесь поиграть. Мама разрешила...

Но вдруг послышался сильный грохот. Дым окутал комнату.

Мама вскочила, дрожащими руками закрыла шкаф, схватила Аннушку за руку и побежала вместе с ней по коридору, по лестнице, вниз, в подвал.

Весь дом шатался.

— А Басю, мама, Басю забыли! — кричит Аннушка.

— Ах, доченька, оставь ты эту глупую Басю! — нервно обрывает ее мама.

Глупую? Как это — глупую? А если бы Аннушка оказалась одна там, наверху, ведь ей тоже было бы страшно!

Но Бася не может остаться там! Конечно, сейчас, когда все вокруг качается, рушится, Аннушка и носа высунуть не смеет, но потом, когда все успокоится...

Вскоре наступила такая тишина, что даже стало слышно, как у кого-то в сумочке тикают часы.

Аннушка вскакивает со своего матраца, пробирается в коридор, спотыкается о чьи-то ноги, падает, встает и выбегает во двор. Поднимается по лестнице; первый, второй, третий этаж, и вот она наверху...

Вот и их дверь. Аннушка встает на цыпочки, чтобы открыть ее. Ах, жалко, она не взяла у мамы ключа. Но дверь вдруг заскрипела и отворилась сама. Мама, наверно, забыла ее запереть.

Аннушка входит в комнату. Вот и Бася, лежит на кровати, уткнувшись носиком в сетку. Вся она покрыта пылью и штукатуркой.

Испуганно оглядываясь по сторонам, Аннушка хватается за руку и отряхивает.

— Ты ведь на меня не сердись? Я не хотела тебя бросить. Ты не ранена? Нет? — В объятиях Аннушки кукла громко пищит «ма-ма». — Правда я не хотела... — объясняет ей Аннушка и хочет посадить ее на маленький стульчик.

Но со двора доносится испуганный мамин голос:

— Аннушка, где ты? Аннушка!!!

Аннушка подходит к окну. Вон там, посреди двора, стоит мама.

— Я тут, мама! Я вернулась за Басей.

— Скорее спускайся вниз! Самолеты возвращаются! — кричит мама.

Аннушка испуганно смотрит вверх. Слышится шум, но где-то очень высоко.

— Аннушка!

— Иду, иду!..

Аннушка отскакивает от окна, прижимает к себе куклу и выбегает из комнаты.

Внезапно грохот сотрясает дом и прижимает девочку к стене.

А за ним — новый удар, короткий, но более резкий, дождь штукатурки и песка.

И снова тишина.

Аннушка встает, берет Басю и оглядывается. Под ногами зияет пропасть. Лестницы нет.

— Мама! — в ужасе кричит она.

Никто не отвечает. Аннушка возвращается. Может быть, мама ждет ее на том же месте во дворе?

Девочка нажимает на дверь, но дверь не поддается. Она кладет Басю на пол и снова пытается открыть дверь.

Наконец дверь открывается. У Аннушки от ужаса широко открываются глаза, она ничего не понимает. Куда делся шкаф? Где кровать? Где уголок с игрушками? Где широкое венецианское окно?

Всего в двух шагах от двери — пустое, освещенное солнцем пространство.

Аннушке кажется, что она стоит на открытом узком балконе. А двор виден хорошо. Но мамы там нет. Только большая груда развалин.

Ни звука. Тихо, как в пустыне.

— Мама! — кричит Аннушка.

Потом:

— Папа! Папа!

Молчание.

На западе солнце отбрасывает красные отсветы.

Аннушка садится и прижимает к себе куклу.

Сквозь разбитое окно в кухне видны другие красные отсветы: страшные и дымные. Со вчерашнего дня горит соседний дом.

Аннушка идет на кухню и вся съеживается в глубоком старом кресле. Удары ее сердца отдаются в фарфоровой груди куклы. Аннушке кажется, что сердце куклы испуганно бьется. Она крепко обнимает Басю, прижимается лицом к ее гладким раскрашенным щечкам и утешает ее:

— Не бойся, Бася, не бойся! Мама сейчас придет. Вот увидишь, обязательно придет...

Румыния

В довоенной Румынии было немало хороших писателей с богатой фантазией. Но ни один из них не решился бы включить в самый фантастический роман о будущем своей страны строки, подобные тем, что мы читаем в обычной газетной хронике:

«Румынские специалисты-нефтяники помогают индийским друзьям создавать национальную нефтяную промышленность».

«В цехах Волжского гиганта большой химии работают румынские контрольно-измерительные электронные автоматы».

«В Каир прибыла партия тракторов румынского производства».

Не поверил бы никто в старой Румынии, что труды ее ученых по вопросам долголетия человека будут изучаться в СССР и США, что электрическая лампочка в румынском селе перестанет быть диковинкой.

Издавна Румыния, страна удивительных по красоте гор, «зеленого золота» лесов, нефти и руд, привлекала к себе внимание приезжих с запада. К началу второй мировой войны иностранные банки и фирмы практически поделили между собой богатства Румынии, оставив ее жителям, пожалуй, лишь чудесный воздух да морские волны. Сейчас в Румынии много гостей из ФРГ, Франции, Англии. Они приезжают как туристы и курортники — купаются в море, загорают на солнце, дышат целительным воздухом. А все остальные дары румынской природы, все богатства страны принадлежат только ее трудящимся.

ОКТАВ
ПАНКУ-ЯШ

*если вы
спросите Трули...*

Если вы когда-нибудь поймаете щегленка с красной головкой и крылышками в белых и красных, черных и желтых крапинках, спросите, ребята, как его зовут и откуда он. И, если щегленок скажет, что зовут его Трули и он был в детском саду на нашей улице, тогда вы можете не слушать то, что я вам рассказываю. Трули знает все это лучше меня. Попросите его рассказать вам эту историю.

И он вам все расскажет.

Всего только несколько дней, как открылся детский сад. Стояла осень. Ни в одном фартучке не было пустого кармана. Все были набиты каштанами. Каштаны напоминали большие шоколадные конфеты. Но только напоминали. К сожалению, шоколадные конфеты не падают с деревьев! Однажды утром эти конфеты принесла в детский сад девочка с синей ленточкой. Она принесла их в пакетике и сказала ребятам:

— Берите! Сегодня день моего рождения!

Пакет быстро опустел. На дне осталась только одна конфета. И девочка с синей ленточкой подарила ее Трули.

Трули долго клевал конфету, а потом запел. Все понимали эту песенку. В песенке говорилось:

Какая хорошая, какая хорошая
Девочка с синей ленточкой,
Синей, синей!

Не прошло и недели, как другая девочка, с курносым носиком, принесла в детский сад корзинку яблок. Не успела она войти, как сказала ребятам:

— Берите! Сегодня день моего рождения.

Трули тоже получил яблоко. Поклевав немного, Трули запел, и все понимали его песенку.

Какая хорошая, какая хорошая
Девочка с курносим,
Курносим, курносим носиком!

Потом пришла зима, и все вокруг стало похоже на огромный торт с белым кремом. Да, совсем как тот торт с белым кремом, что принес как-то утром в детский сад мальчик, у которого не было одного зуба. Он сказал ребятам:

— Возьмите! Сегодня день моего рождения!

Разумеется, и Трули получил свою долю. И когда он завел свои рулады, никто не сомневался, что щегленок поет вот что:

Какой хороший, какой хороший
Мальчик без одного зуба,
Без зуба, без зуба!

В другой раз был день рождения девочки с красным бантом, потом день рождения девочки с родинкой, потом, когда пришла весна, день рождения мальчика с лохматыми волосами.

Вместе с ребятами и Трули получал то сладкий пирог, то пирожное, то конфеты с медовой начинкой. Все было сладкое и вкусное, и после каждого угощения Трули становился веселым и принимался за свои песенки.

Но однажды в первый день лета Трули пел так хорошо, как никогда. В этот день все дети принесли в детский сад разные сласти и говорили друг другу:

— Берите, берите! Сегодня наш день!

Было 1 июня. День детей. Всех детей. Не только в нашей стране, но и на целом свете, на целом земном шаре. Детей с белой, желтой и черной кожей. Счастливых детей нашей страны и всех стран, где над горами и полями, городами и селами светит красная звезда. Это значит, что отсюда были выгнаны ленивые, жадные и жестокие хозяева. Здесь все самое лучшее, самое красивое принадлежит детям! Это был и день детей тех стран, где рабочие часто бросают работу, выходят на улицу и говорят: «Тяжела наша жизнь. Хозяева отнимают у нас все. Нашим детям не хватает детских садов и школ. Нам нечем их кормить! Не во что одеть! Мы будем бороться, чтобы жизнь наша стала лучше. Чтобы наши дети росли счастливыми!»

Было 1 июня. День детей. Значит, и день детского сада. И школы. И мяча. И книги сказок. И домиков в горах, и приморского пляжа, куда детей посылают летом в лагерь.

Было 1 июня. День детей. День, когда слово «мир» на устах у всех. Потому что мир — друг детей!

А Трули даже не подозревал, что это был и его день. Он сидел в своей клетке и ни о чем не подозревал. Дети угощали его разными лакомствами, потом вынесли клетку на улицу, открыли дверцу и сказали:

— Ну что ж, лети! Лети в лес, к своим...

...Если вы когда-нибудь поймаете или вам принесут щегленка, щегленка с красной головкой и крылышками в белых и красных, черных и желтых крапинках, спросите, ребята, как его зовут и где он был...

Или нет — лучше так!

Если вы услышите когда-нибудь, как какой-нибудь щегленок поет:

Как хорошо, как хорошо,
Когда день всех детей,
Всех на свете,
Всех на свете, на свете, на свете,—

знайте, что щегленка зовут Трули, что он жил в клетке в детском саду на нашей улице. И что он знает много сказок. Попросите его, и он вам их расскажет. Если не все, то хотя бы одну.

ДЖИКА
ЮТЕШ

*ди домой,
дружок!*

Грузовик уже готов к отправлению, целиком заполнен вещами. Мама внимательно осматривает еще раз платяной шкаф — как бы не поцарапать о какую-нибудь доску. Потом осторожно слезает с машины и, увидев трех мальчишек, выбегающих из дома, кричит им:

— Дети, придете сюда потом! Уже смеркается, а у нас еще много дел.

— Наконец-то мы тебя поймали! — бормочет запыхавшийся Стефан и карабкается в машину, держа в зубах клетку, в которой канарейка Рири беспокойно скачет из угла в угол.

Речь идет не о канарейке, а о Негриле — так зовут кота Гергицы.

— Надо было бы в наказание оставить его здесь, — говорит Дину и в изнеможении опускается на тюк с матрацами и подушками.

Только Гергица отнесся гораздо снисходительнее к несчастному, на смерть перепуганному Негриле. Кот вырывается у него из рук, истошно, душераздирающе мяучит и, просовывая мордочку в сетку, в которую он замотан, вращает своими желтыми, удлинненными, как полумесяц, глазами. Он никак не может понять, что с ним хотят сделать и зачем его закутали в эту сетку. И куда его несут после того, как выгнали из всех углов и закоулков во дворе и в доме.

— Ну что ты, Негрил? Успокойся. Ведь мы переезжаем в новый дом, дружок! — пытается его утешить Гергица, но, так как кот не унимается, кладет его под мышку, словно пакет.

Мама помогает Гергице взобраться на тюк и сесть между Стефаном и Дину. Но Дину еще не перестал злиться, он щелкает Негрила по носу и вздыхает:

— Видишь, что ты со мной сделал, глупый!

Пока ловили Негрилу, он исцарапал все руки Дину. Куда только не убегал этот кот! Из кухни — прямо на старое сливовое дерево за домом, оттуда — на штабель дров...

Мама садится впереди, с шофером. Она держит на руках радиоприемник. Слышно, как хлопает дверца кабины. Дядюшка Дору, шофер, спрашивает своим низким голосом:

— Эй, готовы ли там, сади?

— Готовы! — в один голос кричат мальчишки.

Мотор ужасно тарахтит (так, по крайней мере, кажется Негрилу, хотя теперь он уже мяучит тихо, примирительно). Грузовик трогается с места и спускается по улице вниз. И грустная улочка со старыми и низенькими домиками, с провалившимися крылечками и ступеньками остается позади... Дину и Стефан тоже жили на этой улице. Они были соседями Гергицы до прошлого года, а в прошлом году их родители получили квартиры в РГ. И сейчас они заявили, чтобы помочь переехать своему товарищу.

Мама Гергицы тоже получила новую квартиру в РГ. А РГ — это рабочий городок, в котором живут рабочие металлургического комбината.

Мама Гергицы работает на кране в сталелитейном цехе. Ее фотография висит рядом с фотографией отца Стефана и Дину на Доске почета, и Гергица очень этим гордится. Но сейчас он взволнован как никогда. Сидит на тюке и все думает, думает. Много раз он приходил к Стефану и Дину в РГ. В прошлую субботу он целых полдня простоял в их квартире возле маляров, которые обклеивали спальню обоями с чудесными красными розами. И всегда ему казалось, что жизнь в РГ будет совсем не такой, как здесь. Вот и сегодня: понедельник, а ему кажется, что это воскресенье, праздник. А когда вдалеке показался РГ, Гергица представил себе, что он

сидит не в грузовике, а в поезде, который остановится в Ефории, где они летом отдыхали с мамой. А в Ефории высокие белые дачи красиво выстроились вдоль морского берега...

Вот он, этот рабочий городок, скрытый за холмами, охраняющими его от дыма и газов доменных печей.

Гергица не может оторвать взгляд от картины, раскрывшейся перед его глазами. Высокие белые корпуса с окнами, украшенными зелеными ящиками, в которых цветут огненно-красная герань и петунья, прямые аллеи с блистающим чистотой асфальтом, маленькие скверы и зеленые площадки... Все это придает рабочему городку праздничный вид. А вон там, в корпусе, где широко раскрыты окна, на втором этаже, будут жить они с мамой. Рядом с их домом живут Дину и Стефан. И тоже на втором этаже. Мальчики даже придумали, как они проведут телефон при помощи телеграфного провода — так сделали ребята в одной книге.

Но Гергица не может вспомнить даже заглавие книги про тех ребят, у которых был телефон из телеграфного провода... Грузовик внезапно остановился, и в то же мгновение кот Негрил выскользнул из рук Гергицы. Одним прыжком Негрил, как черное привидение, исчез в кустах роз на краю аллеи.

— Негрил! — закричал Гергица и вскочил.

— Он просто глупый. Не стоит о нем горевать, — решили Стефан и Дину.

— Оставь его, он сам прибежит домой, — успокоила его мама.

Пока переносили вещи в новую квартиру, в 23-й корпус, на второй этаж, ни у кого не было времени вспомнить о Негриле, об этом непослушном коте. Мальчики повесили в спальне между двумя окнами клетку Рири, и канарейка радостно взмахнула крыльями, запрыгала, как акробат, в висящем в клетке кольце и запела так, как никогда до сих пор не пела.

«Как здесь прекрасно! Как здесь прекрасно!» — казалось, пела она.

Из окна были видны сияющие вдали на солнце заводские башни и трубы. Они поднимались до самого неба. Вдруг из кустов роз послышалось робкое мяуканье. Удивленный Гергица высунул из окна и радостно закричал:

— Иди домой, дружок!

СССР

Нашу родину называют Союзом Равных. Всем народам, входящим в эту единую дружную семью, обеспечены не только равные права, но и одинаковые возможности для развития промышленности и науки, техники и культуры.

Полвека назад во многих республиках почти не было фабрик и заводов, обыкновенные школы, не говоря уж об университетах и институтах, были редкостью, а многие национальности не имели даже письменности на родном языке. Целые поколения людей за всю свою долгую жизнь не видели паровоза и парохода, не знали, что такое врач, не догадывались о том, что существуют книги и газеты. Из сотни жителей в иных местностях находилось лишь один-два человека, которые с трудом могли написать свое собственное имя, и они считались грамотными, им завидовали... На весь большой туркменский народ в 1914 году было... 7 (семь!) квалифицированных рабочих.

Но дружба народов, освобожденных Великой Октябрьской революцией, их товарищеская взаимопомощь и выручка делают чудеса. Сейчас у каждого народа есть своя литература на родном языке, свои художники и артисты, книги, газеты, журналы. Преподавание в школах СССР ведется на 59 языках. Давно уже никого не удивляет, что в каждой союзной республике есть своя Академия наук, свои драматические и музыкальные театры, известные не только по всему Советскому Союзу, но и за рубежами нашей страны.

Дружба народов нашей страны стала примером для народов всего мира. Индийцы и арабы, африканцы и индонезийцы, приезжая к нам, не только осваивают новую технику, знакомятся с достижениями науки и культуры, но прежде всего проникаются сознанием, какая это великая сила — братство народов.

ВЛАДИМИР
ЖЕЛЕЗНИКОВ

осмонавт

Новенький сидел на последней парте. Его нельзя было не заметить: у него были ярко-рыжие волосы.

— У нас новичок,— сказал Левушкин.

— Откуда ты приехал? — спросил я.

— Наш дом снесли, и мы получили новую квартиру.

— Твоя фамилия?

— Княжин.

— А как ты занимался по физике?

— Это мой любимый предмет.

Все-таки он был очень рыжий, и я невольно смотрел на его волосы и не видел лица.

Я начал объяснять новые формулы. Каждый раз, когда я поворачивался к доске, чтобы написать формулу или нарисовать чертеж, Левушкин шептал и хихикал за моей спиной.

— Не мешай слушать! — донесся до меня голос Княжина.

Я оглянулся: у Левушкина был такой растерянный вид, точно он хлебнул горячего чаю, сильно обжегся и не знал, то ли выплюнуть этот чай, то ли проглотить.

— Княжин,— сказал я,— подойди к доске и реши задачу по новой формуле.

Он быстро решил задачу и четко, без запинки все объяснил. Мне понравилось, как он отвечал. Многие ребята в классе говорили лишние слова, а Княжин нет.

После звонка, когда я выходил из класса, то услышал голос Левушкина:

— Видали какой? Я ему мешаю! Первый день — и уже наводит порядки. Академик Фок¹. Пошевеливаться нельзя! Рыжий да еще подлиза!

¹ Академик Фок — знаменитый советский ученый-физик, лауреат Ленинской премии.

— Я и сам знаю, что рыжий, — спокойно ответил Княжин. — А ты дурак, раз дразнишься. Это совершенно точно.

Через неделю я увидел у старшей вожатой списки ребят, записавшихся в разные кружки. В физический кружок первым записался Княжин. «Хорошо, — подумал я, — Княжин парень что надо».

Я полистал списки других кружков и в каждом наталкивался на фамилию Княжина. И в зоологическом, и в математическом, и в спортивном. Только в кружок по пению он не записался.

На перемене я окликнул Княжина.

— Зачем ты записался во все кружки? — спросил я. — По-моему, это несколько легкомысленно.

— Мне надо, — ответил он.

— Может быть, ты не знаешь, что увлекает тебя больше всего?

— Нет, я знаю, — упрямо ответил он. — Но мне надо. Это моя тайна.

— Тайна это или не тайна, — сказал я, — но на занятия физического кружка можешь не приходить. Если ты будешь работать в зоологическом, математическом и спортивном кружках, то на физику у тебя не останется времени.

Княжин очень расстроился и даже побледнел. Я пожалел, что так резко с ним разговаривал: все-таки он еще мальчик.

— Я должен все знать, я должен быть незаменимым, — сказал он. — Я буду пилотом космического корабля. Я никому этого не говорил, но вы меня заставили.

— А-а! — протянул я. И впервые посмотрел ему прямо в лицо. Под рыжим чубом у него был выпуклый лоб, а глаза были голубые и отчаянные.

«Этот долетит, — подумал я, — этот долетит!» Я вспомнил, как во время войны прыгал с парашютом и как это страшно, когда прыгаешь в пустоту. Посмотришь на далекую землю, на деревья, похожие всего лишь на бугорки мха, на реки с дождевой ручеек, и хочешь ты этого или не хочешь, а подумаешь: «Вдруг парашют не откроется?» И тогда земля делается не желанной, а страшной. «А ведь тем, кто полетит в космос, будет еще страшней. Но этот все равно полетит».

— Тогда я не возражаю, раз такое дело, — сказал я.

— Спасибо, — ответил Княжин.

За три месяца он не пропустил ни одного занятия физического кружка. А потом вдруг перестал ходить. И на уроках он был рассеянным и даже худел.

— Княжин, — спросил я, — почему ты бросил кружок? Не успеваешь?

Он поднял на меня глаза. Это были глаза другого человека. Они были не отчаянные, а печальные и потеряли голубой цвет.

— Я еще буду ходить, — ответил он.

Левушкин мне сказал (он подружился с Княжиным):

— У него большая неприятность. Рассказать не могу, но большая неприятность.

Я решил поговорить с Княжиным на днях, но случай свел нас в этот же

вечер. Я стоял в книжном магазине у прилавка и вдруг услышал позади себя знакомый голос:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Мальчик,— ответила девушка-продавщица,— не может быть каждый день что-нибудь новенькое. Ты заходил бы раза два в неделю.

Я оглянулся. Передо мной стоял Княжин, но что-то знакомое было в выражении его лица. Я сразу не догадался, а потом понял: у него на носу красовались очки. Маленькие, ребячьи очки в белой металлической оправе.

Минуту мы стояли молча. Княжин стал пунцово-красным, у него покраснели щеки, уши и даже нос.

— А, Княжин,— сказал я.

Больше я не успел ничего добавить — он пустился наутек.

Я бросился за ним.

— Княжин! — крикнул я.— Княжин, стой!

Какой-то мужчина посмотрел на меня, а женщина крикнула:

— Держи мальчишку!

Тогда Княжин остановился. Он не смотрел на меня, снял очки и низко опустил голову.

— И тебе не стыдно? Мало ли людей носят очки и совсем не стыдятся этого. Прости меня, но, по-моему, это глупо.

Он промолчал.

— Убегать из-за такой ерунды! А Левушкин говорил: «У Княжина большие неприятности». Чепуха!

Тогда он поднял голову и тихо сказал:

— А ведь меня теперь в летчики не возьмут, я узнавал — близоруких не берут, и космические корабли мне не водить. Я эти очки ненавижу.

Ах, вот в чем дело! Вот почему он такой несчастный и похудевший. Разлетелась в куски его первая мечта, и он страдал. Один, втихомолку.

— Зря ты так мучаешься,— сказал я наконец.— Полетишь на космическом корабле астрономом, инженером или врачом.

— Значит, вы думаете, я все же могу надеяться? Могу? — Он ухватился за мои слова с радостью. — Как же я сам не сообразил? Просто дурак, это совершенно точно.

Он был такой счастливый! А я подумал: «Хорошо, когда у человека ясная цель в жизни и все впереди».

РАДИЙ
ПОГОДИН

согрел море

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Черное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путевку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: Черное море не такое, как наше, Балтийское. Оно громадное и очень теплое. Еще они говорили, что по Черному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией... Кешка был страшно горд оттого, что все это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра, так ему хотелось увидеть Черное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они направились на пляж.

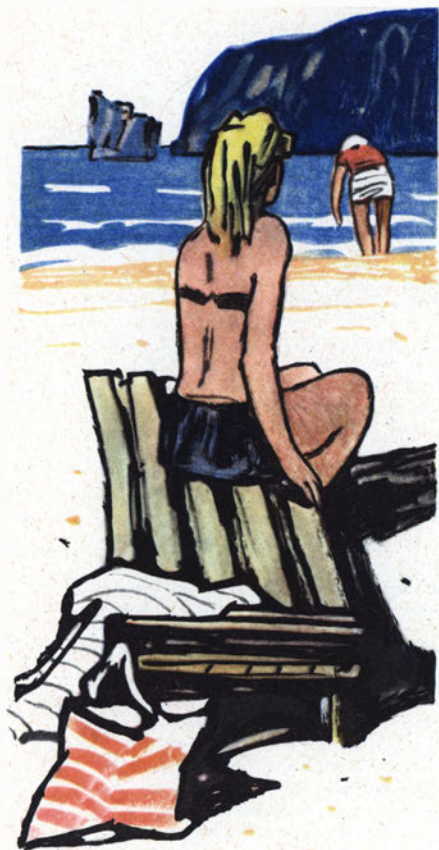
Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посредине сверкало золотым, и розовым, и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку и даже трусики. Но мама сказала:

— Подожди, нужно воду попробовать.— Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой.— Холодная вода, Кешка. Купаться еще нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала, но вода все-таки холодная. Зато круглые камешки, которыми усыпан весь пляж, были теплые. Эти камешки назывались смешно: галька.

Солнце висело еще низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

— Ложись, загорай. Утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и все смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, и Кешка принялся собирать гальку. Камешки были очень красивые и все, как один, теплые.

«А что,— подумал Кешка,— если эти камешки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться». Он пошел к берегу и бросил в море камень. Потом еще и еще.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что он просто балуется — пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

Солнышко поднималось все выше. Камешки становились все горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назывались — «барашки», — забегали на берег и тихо одобрительно шуршали: «Пр-равильно, малыш-ш-ш-ш...»

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

— Ну вот,— сказала она,— теперь вода в самый раз, можно купаться... Солнышко постаралось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь и ей ошибиться.

ОЛЕСЬ
ДОНЧЕНКО

Звали ее Куцей, потому что она действительно была куцей. Корова, как все коровы: и ноги на месте, и рога крутые, а вот хвост куцей. Не хвост, а обрубок.

Но дело вовсе не в этом, а в другом. Родился у Куцей теленок. Осмотрели колхозники новорожденного, а потом позвали ветеринарного врача. Посмотрел врач сквозь очки на теленка, протер стекла, опять поглядел, ощупал его со всех сторон и сказал: «Мда-а, умгу-у» — и тоже покачал головой.

— Ну как? — спрашивают его.

— Плохо, не выживет, — отвечает он.

Теленок был очень плох. Ему шел уже десятый день, а он еле на ногах держался. Хилый, жалкий, он к тому же был слеп на один глаз. Не теленок, а заморыш какой-то. На мать он совсем не был похож.

— Может быть, пионерам его отдать? — подумал вслух председатель колхоза. — Некогда нам с заморышами возиться. А пионеры, может быть, выйдут.

— Да кто его возьмет? — махнул рукой врач.

Но нашелся такой человек. Пионер Митя Будяк, рынный рыболов, мастер на живца таких щук ловить, что ему завидовал даже опытный рыболов, колхозный пастух дед Овсей.

Пошел Митя к председателю колхоза и попросил теленка.

— Выхожу, — твердо сказал Митя и увел теленка домой.

Как это сделать, он толком не знал, но теленок ему понравился. Два дня строил он для него сарайчик. Обмазал глиной, даже окно сделал из осколка разбитого стекла, флюгер наверху поставил. Подует ветерок, и флюгер завертится.

И стал мальчик ухаживать за теленком. Кормил его молоком из соски,

в молоко прибавлял сахара. Два раза в день менял соломенную подстилку и, как ребенка, мыл теплой водой с мылом. Мите доставляло удовольствие наблюдать, как теленок из соски посасывает молоко, видеть, как он, заслышав Митины шаги, поворачивает голову к двери. Каждое утро Митя с замиранием сердца входил в сарай, боясь застать питомца больным. Но теленок был жив. Целыми днями он дремал, но всякий раз, когда к нему приходил Митя, поднимал голову и охотно сосал молоко из бутылки. Его единственный глаз, влажный и синеватый, от удовольствия щурился, а сам он потихоньку и смешно шевелил своим хвостиком.

Первое время друзья посмеивались над Митей, подшучивали над «дохлым воробьем» (так они прозвали теленка), а вскоре и совсем забыли о нем.

Не смутился Митя, когда увидел однажды на двери сарая кем-то приклеенную записку. На ней было написано: «Приют для слепых и кривобоких телят имени Мити Будяка».

На записке Митя написал резолюцию: «Телят по осени считают. Мы еще увидим, что получится».

Прошло три месяца, четыре. На полях поднялась рожь, у заборов и плетней зацвела бузина. Вот-вот зацветет липа в лесах у Донца. Стояли теплые, солнечные деньки, и в один из таких дней Митя выпустил своего питомца на волю. Это был крепкий, здоровый теленок, рыженький, как и его мать Куца, только слепой на один глаз.

Не успел Митя открыть дверь, как теленок, обрадовавшись солнцу, задрал хвост и пустился в такой пляс, что соседи только ахнули. Явились и Петр Коломейчук и Оксана, которые больше других смеялись над Митей. Это они когда-то приклеили к двери бумажку.

— Это не тот, — сказал Петр и направился в сарай проверить, не остался ли там Воробей.

В сарае было пусто, да и какие могли быть сомнения: ведь теленок был слеп на один глаз. Это, между прочим, не помешало прежнему заморышку бодро перепрыгнуть через загородку в соседний огород.

Митя бросился за своим питомцем, но было уже поздно: из хаты выбежала хозяйка огорода, старая Христя.

Увидев в своем огороде теленка, старуха бросилась на него с коромыслом. Ее гневу не было предела. Проклятья посыпались на теленка и на Митю. Тем временем теленок крутанул хвостом и пошел выделывать на свекольных грядках такие петли, что им позавидовал бы любой акробат. Упрямец, видно, и не собирался покидать огород, несмотря на усилия Мити, Христи и коромысла. На крутых поворотах из-под телячьих копыт взлетали вверх комья черной земли.

На крик старухи сбежалось полхутора. Петр с Оксаной бросились на помощь. Колхозники окружили огород по всем правилам военной осады, но поймать озорника не удавалось. Когда круг сузился и пленник очутился в углу, образованном стеной сарая и плетнем, произошло нечто неожиданное и невообразимое.

Христя, подняв коромысло, готовилась уже разделаться с теленком, про-

учить озорника, как вдруг теленок, нагнув голову, бросился вперед и на скаку свалил старуху. Через мгновение он был уже на лугу около реки, насмерть испугав гусей и забрызгав грязью белье, сложенное девушками после стирки.

Только к вечеру теленок, присмиревший и кроткий, будто извиняющийся за свои проделки, вернулся домой. За вытоптанную свеклу Митя принес Христе щуку килограммов на пять, и это немного смягчило старуху.

Мать Мити доброжелательно относилась к питомцу сына и часто говорила:

— Молодец ты у меня, Митя! Какого теленка вырастил! А был такой заморыш. Хороший хозяин из тебя будет, сынок.

Она и сама часто помогала сыну в его заботах о питомце, но вскоре произошел случай, после которого добрая женщина не на шутку рассердилась на теленка.

На плетне мать Мити развешивала горшки и кувшины. В темноте они казались головами, высунувшимися из-за забора. Теленок довольно подозрительно поглядывал на эти горшки, а иногда даже пыталсялизнуть их языком. Затем как-то остановился, внимательно осмотрел посуду, разбежался и стукнул лбом, над которым уже выступали рожки, о большой глиняный горшок. Горшок глухо прозвенел и разлетелся на мелкие черепки. За горшком — кувшин, вслед за ним — опять горшок, один, другой, третий. Когда

мать Мити выбежала из хаты, теленок добивал последний горшок. После первого удара хворостины он, задрав хвост, исчез за воротами...

Два дня Митя искал теленка. Вся детвора, весь пионерский отряд из хутора ему помогали. Но беглеца нигде не было.

Как-то вечером, когда аисты уже вернулись с озер на риги и летучие мыши вылетели из дупел на охоту, со стороны реки послышался отчаянный зов теленка: «М-ме-э-э-э!»

Митя услышал этот зов и стремглав бросился к Донцу. То, что он увидел, запомнилось ему надолго.

Посредине реки медленно плыла лодка без гребцов, а в ней стоял теленок.

Митя сразу все понял. Возвращаясь из своих странствований, теленок забрался в лодку, а она, как-то оттолкнувшись от берега, отчалила. Теперь лодка с испуганным и растерянным теленком медленно плыла вниз по течению.

В одно мгновение мальчик сел в другую лодку и пустился вдогонку. Вскоре лодка с теленком была взята на буксир и беглец благополучно доставлен на берег.

Это ли приключение повлияло на теленка или он порос и уgomонился, но с тех пор он решительно переменялся. Стал тихим, смирным и по пятам ходил за Митей. У мальчика в кармане всегда лежал про запас кусочек сахара или ломоть хлеба, — и то и другое питомец принимал с удовольствием.

Больше ничего интересного не случилось, если не считать того, что теленок сжевал совсем новенькие Митины брюки, висевшие во дворе на колышке.

И вот из теленка выросла хорошая телка, крепкая и веселая, хоть и слепая на один глаз. Осенью Митя привел ее в колхозный коровник.

— Примите теленка, — сказал он председателю.

— Нечего сказать — теленок! — засмеялся председатель. — Это уже ко-рова!

Правление колхоза премировало Митю и записало на его счет тридцать трудодней.

Ветеринарный врач осмотрел телку, протер очки и сказал:

— Мда-а, умгу... Это будет не корова, а цистерна с молоком.

И действительно, телка со временем стала коровой-рекордисткой — первая по удою молока в районе. До сих пор ее зовут «Теленок», — так и записали ее в колхозной племенной книге.

Но на этом рассказ о Теленке не кончается. Произошло еще одно событие, интересное и забавное. Случись оно иначе, не было бы уже, возможно, нашего Мити на свете. Впрочем, расскажем все по порядку.

Митя был рылым рыболовом. Однажды он наловил живцов-уклеек и красноперок и поставил две удочки на щук. Сидит он на берегу и смотрит на поплавок. Берег невысокий, до воды рукой достать, но глубина здесь большая, вода темная, словно над ямой.

Здесь чаще всего проходят крупные щуки. Промчатся бесшумной серой стрелой вдоль берега, заросшего ивняком и камышом, и исчезнут из виду.

Стоял тихий вечер. Нежно розовела вода, где-то за Казачьей горой догорал закат. Упадет на застывший плес реки жучок или мошка — круги серебристые разойдутся; уклейка плеснет — и опять вокруг вечерняя торжественная тишина.

Митя нагнулся, чтобы переменить на крючке живца, и вдруг под ногами посыпались глина и песок. Мальчик потерял равновесие, беспомощно взмахнул руками и упал в воду. Брызги ослепили его, но он выплыл. До земли близко, а выбраться невозможно: не за что ухватиться, песчано-глинистый берег осыпается под руками, а намокшая одежда тянет в холодную черную глубину.

Митя стал звать на помощь, но до хутора было далеко. На берегу в грозном молчании застыл лес. Мальчик кричал еще и еще. Где-то, словно в ответ, закуковала кукушка. Потом и она затихла.

Силы покидали мальчика, берег осыпался под руками, сползал в воду, и казалось Мите, что тяжелые комья потянут и его за собой. Он еще раз закричал, и вдруг на берегу, совсем рядом, застучала колотушка, какую обычно привязывают коровам на шею. До чего же это был знакомый стук, сухой и громкий!

Еще мгновение — и около воды появилась корова, бывший Теленок. «Там, где пасутся коровы, — подумал Митя, — должен быть и пастух». Надежда на спасение придала ему новые силы. И он снова закричал. Прошла минута, другая, а пастух не появлялся. Корова стояла около воды и своим единственным влажным глазом наблюдала за мальчиком.

Митя поднял руку и позвал ее:

— Теленок! Теленок!

Корова чуточку постояла, словно раздумывая, и тихо шагнула вперед. Земля поползла под ее передними ногами, но она удержалась и не отступила.

— Теленок... — прошептал мальчик, протягивая корове сжатый кулак.

Корова, быть может, вспомнила о сахаре и хлебе, который она получала из этой руки. Она осторожно придвинулась и мордой потянулась к мальчику. Митя сделал еще одно усилие и схватился обеими руками за конец веревки, привязанный к рогам Теленка. Она рванулась назад. Но мальчик крепко держался за веревку. Еще мгновение, и он был на берегу.

Митя смотал свои удочки и погнал корову к хутору.

Навстречу ему спешил пастух, дедушка Овсей. Корова отбилась от стада, и расстроенный старик уже давно искал ее по всему лесу.

МАКВАЛА
МРЕВЛИШВИЛИ

К

уцые
чурчхелы

Скажи, дружок, ты никогда не пробовал чурчхелы?

Осенью в каждом грузинском селе, в каждом дворе сушатся на балконах у колхозников сладкие хвостатые колбаски: орехи, облитые виноградной кашцей. Грузинские ребята часто кладут чурчхелы в посылки и отправляют друзьям, далеко-далеко, туда, где зима долгая да и фруктов маловато.

Я не знаю, куда именно собирался отправить свои чурчхелы Гоги — ведь ребята его школы получали письма из разных городов, даже из далекой Софии. Но по вечерам Гоги усердно работал: раскалывал орехи и сердцевину нанизывал на шерстяную нить, точь-в-точь как девочки нанизывают бусы.

И вот сегодня настала пора делать чурчхелы.

Во дворе горит огонь. Над огнем стоит на двух кирпичях огромный медный котел. В котле с утра кипит свежий виноградный сок. Бабушка суетится у котла — всыпала туда муки, и янтарная каша то пытит, то шипит, словно бормочет:

«Тиш-ше ты, огонь! Пши! Ох, и ж-жарко же! Вот сейчас выпрыгну, ош-шпарю и потуш-шу тебя!»

Но бабушка не дает каше выпрыгнуть, мешает ее в котле ковшом, а другой рукой умиряет огонь — щипцами отодвигает подальше горящие поленья.

— Пошел отсюда, баловник, бороду спалишь! — отгоняет она любопытного козленка Беко.

Он долго издали обнюхивал котел, а теперь маленькими рожками нацелился bodнуть бабушку.

Бездельник Беко, Гогин баловень, с утра слоняется по двору в ожидании

маленького хозяина. Глупыш! Откуда знать козлятам, как много дел у мальчика, который уже начал ходить в школу!

У забора стоят ящики, полные винограда. Вскрабкался на них Беко и, наверно, возомнив себя горным козлом, горделиво глядит на дорогу, озирает мир!

Издали доносится песня — в колхозе продолжается сбор винограда.

Понеслись по дороге грузовики, доверху нагруженные ящиками с иссиня-черными и золотистыми гроздьями.

Бах! — хлопнула калитка. Это Гоги вернулся из школы, или «из класса», как говорит бабушка. Он тащит охапку листьев, чудесную коллекцию осенних листьев — каких только не подобрал по пути! Тут и виноградные листья, нежные, с кружевной каймой, и листья платана, жесткие, словно дедушкины руки. А те, что горят пурпурным огнем, — листья клена... В школе дали задание, значит, надо выполнить!

— Помощник ты мой, неси-ка свои орехи, будем делать чурчхелы, — зовет бабушка.

И Гоги стремглав бежит к дому.

Бросив свою коллекцию на крыльце и придавив ее сверху ранцем, чтобы листья не разлетелись, Гоги наскоро поливает из кувшина себе на руки. И вот уже одну за другой подает бабушке ниточки с орехами.

А бабушка, держа нитку за тот конец, где сделана петля, обмакивает орехи в сладкую кашу, потом, вытянув из котла, осторожно надевает петлю на тонкую жердочку.

— Ух ты, как растолстели мои чурчхелы! — любитесь Гоги, а сам крепко держит жердь.

Чурчхелы и верно хороши! Вот пройдет немного времени, они высохнут, выступит на них, словно иней, свой сахар — и тогда посылай их куда угодно, хоть на самый дальний север.

Кап, кап! — мягко падают густые капли то здесь, то там, и застывают на конце каждой чурчхелы длинные хвосты сладкой золотистой каши. Но Гоги даже палец подставить не может. Затаив дыхание, он старается не качнуть жердь, чтобы не коснулись друг друга липкие чурчхелы. Осторож...

— Ах ты, разбойник! — рванулся вдруг Гоги к дому.

Там Беко, важно под-

нявшись по ступенькам, всю уплетает его коллекцию. А на тонкой жердочке уже закачались и прилипли одна к другой чурчхелы. Прилипли — не разорвешь. И все это из-за Беко, паршивого козленка! А он, довольный, мотая головой, перебирает листья. Съедобные — в рот, какие не нравятся — по ветру.

— Ох, и задам же я тебе! — издали, чуть не плача, грозит мальчик. — Коллекция пропала, и чурчхелы — уроды!

Но бабушка улыбается:

— Ишь какие приветливые у нас чурчхелы: взяли да поздоровались друг с дружкой...

Руки у Гоги заняты. Снова стоит как вкопанный, держит жердочку. Ничего не поделаешь, надо затаить досаду, а Беко пусть подождет — получит свое.

— Все в порядке, — успокаивает бабушка своего огорченного помощника. — Возьмем да обмакнем их еще разок. Даже слаще будут.

Она осторожно разъединяет слипшиеся чурчхелы, которые стали теперь куцыми, потому что застывшие сладкие капли с хвостов разлетелись.

И, набравшись терпения, стоит бабушкин помощник неподвижно, чтобы чурчхелы больше не «здоровались».

«Шр-р! — шуршат на деревьях золотые осенние листья, и шум окрестностей словно вторит им. — Нас много-много на ветках, теперь мы будем слетать каждый день, и маленькому школьнику еще надоест собирать нас для коллекции!»

ЯАН РАННАП

в а с т у н и ш к а Калле

Как семилетний Калле научился хвастаться, не знаю. И вообще не знаю, каким образом маленькие мальчики учатся хвастовству.

Пошли, например, Калле и Ясик строить крепость из песка. Калле заявил:

— У меня есть железная лопатка, а у тебя нет!

Ясик хороший мальчик и не обиделся. А Калле продолжал:

— У меня две грузовые машины, а у тебя только одна!

Больше всех за это рассердилась мама:

— Другие дети говорят как надо, а ты всегда «я» и «мое»! Хвастунишка ты, вот кто!

И в наказание мама не пустила его гулять. Она даже заперла дверь и сказала:

— Будешь сидеть дома, пока не научишься вместо «мое» говорить «наше».

— И чтоб сын не погиб от голода, положила на окно большой ломоть хлеба, намазанный маслом.

Калле отломил кусочек хлеба и с завистью стал смотреть в окно, как во дворе играют дети. Но когда к подоконнику подлетел воробей и подскочил к бутерброду, Калле закричал:

— Это мой хлеб!

И победоносно добавил:

— А у тебя нет хлеба!

Когда Калле разрешили пойти гулять, дети еще были во дворе. В нашем дворе недавно выкопали большой ров — проводят газ. По трубам он проникнет в каждый дом, и тогда хозяйки не будут жечь огонь в печках. Но сейчас трубы еще не привезены, и на дне рва шумит вода. Разумеется, детям было строго запрещено даже приближаться ко рву.

Ясик стоял на земляном бугре и смотрел на доску, которую рабочие перебрали через ров и забыли убрать. Калле потрогал доску ногой. Мостик выглядел крепким. Калле перешел по доске на другую сторону рва и похвастался:

— А я перешел через ров!

Потом захотел вернуться к детям, но не удержался на узкой досточке и упал.

Когда Калле вылез из рва, его светло-серые штанишки стали темно-коричневыми и с них стекала вода, как будто он стоял под проливным дождем. Для человека, попавшего в такую переделку, было весьма неприятно возвращаться домой одному, и поэтому Калле позвал с собой Ясика.

Когда друзья вошли, мама Калле подметала пол в передней.

— Что такое? — всплеснула она руками. — Что с тобой случилось?

Калле посмотрел на дверь, за которой совсем недавно отбывал наказание, схватил крепко Ясика за руку и сказал:

— Мы намочили штанишки!

Мама рассмеялась и даже забыла рассердиться.

ХАКИМ
НАЗИР

а т м е н и е с о л н ц а

Как-то, под вечер это было, слышу — во дворе страшный переполох поднялся. Гляжу — в воротах грозно стоит моя бабушка. В одной руке у нее узелок, в другой — палка, с которой бабушка последнее время не расстаётся с утра до вечера.

По двору врассыпную разлетаются куры, и голенастый петух орет с перепугу больше всех.

— Чтоб вам сквозь землю провалиться! — кричит вслед им бабушка. — Мало того, что весь двор вверх тормашками перевернули, так теперь за кизяки принялись!

Как только наша бабушка рассердится, так лучше не попадаться ей под руку. А кто подвернется первый, тому и влетит: кошка ли, греющаяся на солнцепеке, — кошка влетит, теленок ли, печально мекающий в углу двора, — теленку достанется. На этот раз, как видите, курам не поздоровилось.

Подошел я к бабушке, спрашиваю:

— Устали, бабушка?

Молчит бабушка. Насупила брови, подобрала сердито сморщенные губы и, словно не видя меня, прошла в комнаты. Я удивился. «Что бы с ней могло случиться? — думаю. — Отчего она такая сердитая?»

— Кенджа! Иди-ка сюда!

Тут я еще больше удивился. Она, бывало, всегда называла меня по-своему, ласково: «Кенджатой-джан», а теперь вдруг — «Кенджа»! Что такое творится с ней?

— Вот уж не ожидала от тебя этого, внучек! — укоризненно заговорила бабушка, как только я подошел к ней. — Заставляешь меня краснеть. Да мне теперь стыдно в глаза людям взглянуть!

— А что случилось, бабушка?

— Сам знаешь.

Думаю, думаю, ничего придумать не могу.

— Честное пионерское, ничего не знаю! — говорю.

— Опять лукавишь, хитрец! Но меня не проведешь. Лучше скажи, кто научил тебя ходить по дворам и говорить всякие глупости. Люди в глаза мне тычут: «Смотрите, что ваш внучек выделывает». Ну, каково мне на старости лет выслушивать упреки? Голова-то у тебя еще с кулачок, а ты уже взрослых берешься уму-разуму учить! Кто это позволил такое тебе?

Тут я вспомнил, что недавно пионеры нашей школы ходили по кишлаку и рассказывали колхозникам о том, как надо предостерегать себя от всяких болезней. Наверно, об этом и рассказали бабушке.

— Да ведь не только я один ходил, — сказал я. — С нами учитель был. Мы рассказывали, откуда берутся такие болезни, как малярия или грипп, и как надо предупреждать их. Это, бабушка, называется агитацией.

— Куда ни погляди, всюду у тебя агитация! Только и знаешь агитировать, словно другого дела у тебя нет! Как надел на шею красный галстук, так и начал агитировать. Мало того, что дома всех и всегда агитируешь, — теперь за соседей взялся! Что тебе знахарка Отын-холя сделала? Лечит и лечит как умеет, тебе-то до этого какое дело? Помешала она тебе?

Отын-холя живет через два дома от нас, рядом с Мурадом. Старуха эта лечит от «сглаза и порчи» заклинаниями, заговорами, что-то нашептывает, дует, отплевывается... Однажды я собственными глазами видел, как она «лечит».

Как-то Мурад, мой одноклассник, несколько дней не приходил в школу. Потом нам сказали, что у Мурада малярия, и я решил проведать его. Прихожу — а там знахарка. Мурад лежит бледный-пребледный, даже жалко его стало. Я и говорю матери Мурада:

«Чем так лечить, лучше бы доктора позвали».

Тут-то знахарка и вспикела:

«Иди, болтун, отсюда!»

А я повернулся и пошел прямо к директору нашей школы и рассказал ему все, что видел. Директор тут же послал за доктором, а на следующий день мы узнали, что председатель колхоза вызвал знахарку в правление, стыдил ее при всем народе.

— Что же тут такого, — сказал я, — если разъяснять людям, которые не понимают. Вот вы сами раньше боялись доктора. А потом, когда заболели, так никакие снадобья знахарки, которые она настаивала на горьких травах, не помогли, пока не позвали доктора. Он и вылечил. Разве не правда?

— Это ты верно, конечно, говоришь, внучек, — вздохнула бабушка. Теперь она немного остыла. — Но нельзя же огорчать такого почтенного человека. Вот ведь я к чему говорю, — закончила она.

— Сказать по правде, так Отын-холя только и знает, что морочит голову несознательным.

— Это я-то несознательная? — снова разозлилась бабушка.

Но я не стал с ней спорить, взял газету, которую только что принес почтальон, и сел в сторонке.

— Опять за газету взялся?

— А вы послушайте, что напечатано...

Как только я прочел заголовок о предстоящем затмении солнца, бабушка даже рот разинула от удивления. Слушая, она приговаривала, всплескивая руками:

— Это ты всё выдумываешь. Быть не может, ерунда!

А потом недоверчиво спросила:

— Неужели заранее можно сказать, в какой день будет затмение? Откуда они знают, те, что пишут, если этот день еще не настал? Святые, что ли?

— Больше верьте науке, чем своим знахаркам,— наметнул я на ее дружбу с Отын-холя.— Вот прочтите сами, если не верите.— И я сунул ей в руки газету.

Бабушка нерешительно повертела газету в руках и сокрушенно вздохнула:

— Ах, если бы глаза мои прозрели — почитать бы самой! Кто знает, может быть, ты морочишь мне голову на старости лет. Может, тут ничего и не написано, а ты сам все это сочинил...

Мы еще долго говорили с ней об этом, а потом решили: если затмение солнца состоится точно в тот день, как указано в газете, то бабушка станет соглашаться со всем, что бы я ни сказал. Если же затмения не будет, то я тогда, как заявила бабушка, и заикаться не должен о своей «агитации».

Точно в указанный в газете день и час мы с бабушкой стояли посреди двора и смотрели через закопченные стеклышки на солнце, и бабушка, чтобы лучше было видно, надела еще очки. Мы терпеливо ждали. И вот на поверхность ярко сверкающего солнца стало медленно наползать темное пятно, и вокруг все потускнело, словно в сумерки. Бабушка охнула и прошептала с ужасом:

— Товба, йе, товба!¹

— Ну что, правильно ученые говорят? — стал я приставать к ней.— Будете теперь верить ученым? Это вам не знахарки со своими заклинаниями!

Бабушка долго молчала, стоя посреди двора. Затмение давно уже кончилось, а она все еще бережно держала в руках закопченное стеклышко.

— Вот если бы я умела читать,— проговорила она, помолчав,— глаза мои открылись бы, и я сама узнавала бы обо всем... Ты тоже хорош! — вдруг накинулась она на меня.— Умеешь только агитировать, а нет чтобы поучить бабушку, как самой читать всякие научные сообщения!..

С того дня у нас в кишлаке появился еще один страстный любитель всяких научных явлений и открытий.

А знахарка Отын-холя приобрела в лице моей бабушки неожиданного и опаснейшего врага.

¹ Товба, йе, товба! — возглас удивления.

Соединенные
Штаты
Америки

Американцы любят называть свое государство «страной неограниченных возможностей». Это верно. Богатая земля, мягкий климат, огромное количество почти всех нужных человеку полезных ископаемых, великолепная техника — здесь все могли бы жить счастливо.

Американские ученые подсчитали, что в их стране на одного человека приходится больше, чем где бы то ни было, холодильников, бифштексов, носовых платков и еще великого множества самых разнообразных вещей. Соединенные Штаты действительно страна самой крупной промышленности и обилия продуктов сельского хозяйства. Но для того чтобы понять, как живут там люди, одной статистики мало. Сами американцы говорят: «Если у Джона миллион, а у Тома один доллар, это еще не значит, что на каждого из них приходится по пятьсот тысяч и пятьдесят центов».

Хотя на бумаге все граждане страны равны, 19 миллионов негров фактически лишены самых элементарных человеческих прав. Миллионам американцев приходится ложиться спать голодными. Шесть миллионов здоровых, взрослых мужчин не могут найти никакой работы. В любом американском большом городе есть районы, больше похожие на мусорную свалку, чем на жилые кварталы, — здесь стоят «дома» из старых ящиков, бидонов, обломков досок. И, конечно, хуже всего приходится детям бедноты. Об их жизни рассказывает в своем произведении «Цирк приехал» писатель Альберт Мальц.

АЛЬБЕРТ
МАЛЬЦ

К восьми часам утра братья Кэмбл добрались до места и увидели, что цирк еще не прибыл. На огромном, заросшем травой поле не было ни палаток, ни красивых дам в костюмах, усыпанных блестками, ни слонов, ни лилипутов — ничего такого, что в представлении жителей деревни связывалось с цирком.

— Может, они совсем не приедут! — разочарованно воскликнул семилетний Ален.

Эдди, которому исполнилось уже двенадцать лет, спокойно ответил:

— Не будь дураком. Ведь в афишах сказано: в субботу.— И добавил после краткого размышления: — Видишь, как хорошо, что мы пришли раньше всех,— нас обязательно наймут. Кто первый придет, того первым и наймут.

— И меня тоже... правда, Эдди?

Эдди едва удержался, чтобы не ответить: «Что ты пристал ко мне, глупыш? Я-то откуда знаю!» Но он и сам испытывал сильнейшее беспокойство, а потому сказал только:

— Я достану тебе работу. Но не суйся, когда я буду с ними разговаривать.

— А клоуны обязательно будут?

— Обязательно.

— Почему ты знаешь?

— Знаю, и все.— Эдди вынул из кармана складной нож и раскрыл его.— Сыграем в ножички. Веселее будет ждать.

— Мне больше всего хочется увидеть клоунов,— сказал чуть слышно Ален.— И пушку, которая стреляет людьми... А вдруг цирк не приедет?

Скрестив ноги, мальчики уселись на траву и занялись игрой. День был ветреный, но погожий; уже пригревало солнце, и воздух был напоен весенними запахами вспаханной земли, первых трав и полевых цветов.

Несмотря на разницу в возрасте, братья очень походили друг на друга: оба худенькие, ловкие, русоголовые, с голубыми глазами и тонко очерченными бледными лицами. Семейное сходство подчеркивалось их одеждой: на мальчиках были заплатанные, вылинявшие парусиновые штанишки, рубашки-безрукавки одинакового покроя, только разного цвета, и стоптанные сандалии, тут и там заклеенные аптечным пластырем. Дети играли, с увлечением болтая о цирке, но их ни на минуту не покидал тайный страх. Эдди никогда не видел большого циркового представления, Ален же вообще не бывал в цирке, и теперь оба волновались — удастся ли им попасть в цирк на этот раз.

Они жили в маленькой деревушке штата Индиана. В такую глушь цирк приезжал не каждый год. Лишь только появились первые афиши, возвещавшие об однодневных «грандиозных гастролях», Эдди и Ален бросились с этой новостью к матери. Она, как всегда, внимательно выслушала их и, по знакомому им теперь обычаю, ответила:

— К сожалению, дети, два билета стоят доллар двадцать центов. На цирк у меня таких денег нет.

Мальчики не настаивали. С тех пор как отец бросил семью — а это случилось три года назад, — слова «нет» и «к сожалению» прочно вошли в детскую жизнь, и братья научились принимать их без возражений.

Но вскоре после этого разговора Эдди узнал от одного из старших мальчиков нечто очень важное: если прийти в цирк пораньше и помочь таскать воду, расставлять стулья или делать что-нибудь еще в этом роде, то тебе дадут бесплатный билет.

И вот, захватив с собой два бутерброда с маслом из земляного ореха, братья Кэмбл явились без четверти восемь на место предполагаемой стоянки передвижного цирка, полные страстного желания получить работу. Но цирк еще не приехал, и мальчики не без основания начали беспокоиться. Алена не покидала мрачная мысль — захотят ли нанять семилетнего; старшего брата мучила другая забота. В те дни, когда мать уходила на работу, она оставляла Алена на его попечение. И сегодняшний поход мать разрешила с обязательным условием, что Эдди не отпустит от себя малыша ни на шаг. Эдди обещал. Но теперь его томило страшное предчувствие: а вдруг наймут его одного и ему придется выбирать между цирком и долгом? Отказаться от цирка было немислимо; но если он на целый день бросит малыша на произвол судьбы, пустив одного домой, то мать наверняка задаст ему порку и отправит спать без ужина. Играя в ножички, Эдди тоскливо думал, что, как дело ни обернется, беды не миновать.

Восемь часов, половина девятого, девять... На поле скапливалось все больше и больше ребят. Братья бросили игру и шныряли среди них, как лазутчики во вражеском стане. У каждого вновь прибывшего спрашивали, собирается ли он купить билет или отработать его. И всякого нового мальчиш-

ку — а их было много — братья оценивали с точки зрения возраста, силы и возможной конкуренции.

В половине одиннадцатого прибыли наконец первые славные вестники: ревущие тракторы тянули за собой громадные красные платформы-прицепы, по бортам которых белыми буквами было написано: «ЦИРК БРАТЬЕВ БЕРРИ». Восторг вырвался у истомившихся ребят, и они бросились навстречу тракторам с криками: «Дайте мне работу! Наймите меня! Я сильный!» Однако никто не нанимал их, никто не обращал на них внимания. Лишь время от времени раздавались окрики: «Посторонись!.. Не зевай!.. Отойди в сторону!»

Тракторы все прибывали и прибывали. Потом появились фургоны. Из них посыпались люди в комбинезонах. Эти люди лихорадочно принялись за дело. Одни откидывали борта прицепных платформ, на которых были навалены тюки брезента и громадные, пестро раскрашенные столбы, другие, вскарабкавшись на тракторы, орудовали лебедками и подъемными кранами.

Эдди и Ален вместе с остальными ребятами перебегали с места на место, нетерпеливо выкрикивая звонкими мальчишескими голосами: «Не надо ли подсобить?.. Наймите меня!.. Вам нужны ребята?» От них отмахивались, на них кричали. Рабочим было не до детей; они явно опаздывали и бешено торопились. Потом перед глазами ребят потянулся сказочный караван из четырнадцати слонов, каждый из которых держался хоботом за хвост впереди идущего. И после того как с помощью нескольких слонов — для которых и то нашлась работа! — по земле было растянуто огромное брезентовое полотнище, братьев охватило отчаяние.

— Нас не наймут, вот увидишь! — воскликнул Ален. — Все это было вранье!

Как ни хотелось Эдди успокоить брата, но он и сам начинал терять веру и поэтому не смог сказать Алену ни слова в утешение. Оба они недоумевали, почему не нанимают ребят, когда кругом царит такое оживление и столько работы. Им чудился в этом какой-то злой умысел.

А тракторы доставляли на поле всё новые нагруженные платформы и новы людей. Теперь тут скопилось так много машин, что ребят на каждом шагу подстерегала опасность. На них то и дело кричали, их сердито гнали прочь.

Братья молча побрели в ту сторону, где выстроились в ряд не занятые работой слоны. Поговорив с толпившимися здесь мальчишками, они узнали, что никому не повезло с работой. Эдди и Ален уселись на землю, глаза на слонов и суматоху, царящую на поле. Их лица всё более и более мрачнели.

— Я говорил тебе, что ребята им не нужны, — твердил Ален. — Пойдем домой.

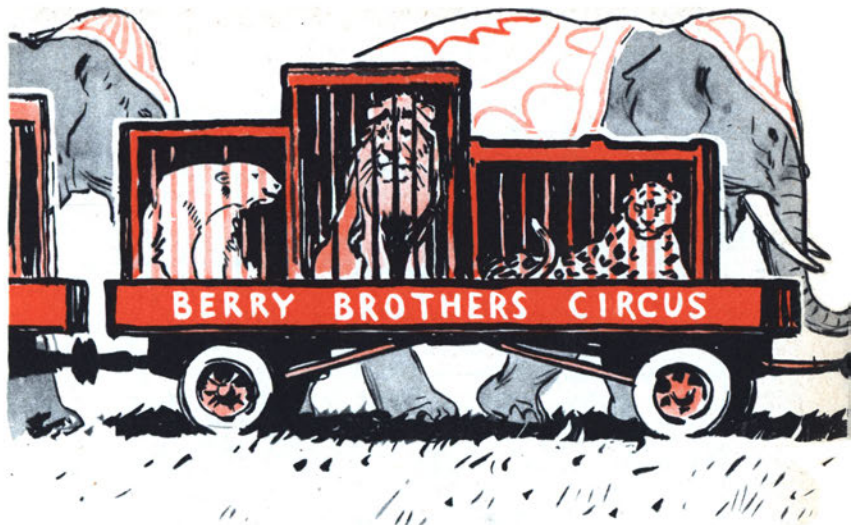
— Домой? Зачем? Здесь веселее.

— Чего тут веселого? Представления мы все равно не увидим.

— Слонов же мы видим! Почему ты не смотришь на них?

— Мне надоело. Я хочу клоунов. Без них мне неинтересно.

— Все равно домой ты не пойдешь! Попробуй только — получишь по уху!

— А ну, стукни! — В голосе Алена зазвучали высокие нотки. — Я маме пожалуюсь.

— Да слушай, не будь девчонкой! Никто не собирается бить тебя. Но зачем идти домой? Здесь веселее... Мы еще можем получить работу.

— Хочу клоунов! — упрямо пробурчал Ален.

Время приближалось к одиннадцати. Бумажный пакетик был развернут, и бутерброды съедены. Рядом с Кэмблами теперь уже сидело много ребят. Были даже взрослые. Говорили, что цирк прибыл с опозданием, поэтому дневное представление отменяется и ребят нанимать не будут. Но тут же распространился совершенно иной слух: для того чтобы все-таки успеть с дневным представлением, потребуется много рабочих рук. Все ожидающие работы будут наняты в двенадцать часов, и, кроме бесплатного билета, каждый получит еще по доллару.

— Слыхал? — торжествуя, воскликнул Эдди. — Я же говорил тебе — надо ждать.

Ален приободрился, но, когда наступил полдень и никого не наняли, он снова начал хныкать и проситься домой.

Вскоре на одном из участков поля воздвигли большую палатку. Кто-то сказал, что это кухня для артистов и туда требуются ребята для расстановки столов и скамеек. Однако и на этот раз никто не пришел нанять их. А когда несколько мальчишек постарше отправились узнать, не могут ли они чем-нибудь помочь, их немедленно прогнали. Тем временем на поле натянули тент для зверинца. Ветер раздувал его брезентовые стены. Через некоторое вре-

мая появилась еще одна палатка, для дополнительного аттракциона. И наконец к часу дня был сооружен гигантский шатер для основного представления. Раздался общий крик восторга — зрелище было поистине волнующим. Но работы для братьев Кэмбл, как и для других мальчиков, по-прежнему не находилось. Печально следили они, как рабочие забивали колья, огораживая поле, и натягивали на них веревки. Потом рабочие ушли.

Ален и Эдди молча сидели на земле, тесно прижавшись друг к другу. Целых три недели они упивались мечтами об этом замечательном дне. А вышло все так скверно! И когда через полчаса какой-то мальчишка, сидевший неподалеку от них, поднялся и громко заявил, что пойдет узнать, продают ли уже билеты на дополнительный аттракцион, братья посмотрели ему вслед так, точно он был их личный враг. Потом они обменялись взглядами, выражающими полное отчаяние, — впервые за свою короткую жизнь Эдди и Ален осознали страшную власть денег...

И вдруг их наняли! Точно из-под земли перед ними появился рослый веселый человек в засаленном синем костюме. Его пестрый галстук трепался по ветру, а соломенная панама была сдвинута на затылок, открывая большую лысину. Засунув в рот два пальца, человек этот оглушительно свистнул, посмеялся над испугом детей и громко спросил:

— Эй, ребята, хотите попасть в цирк?

Восьмьдесят мальчишек в возрасте от пяти до шестнадцати лет вскочили на ноги и в один голос гаркнули: «Да!» Человек расхохотался, резко свистнул еще раз, требуя тишины, и сказал:

— Я так и думал. А ну-ка, идите сюда.

Ребята нырнули под веревку и окружили его. Неожиданно человек обратился к Алenu:

— Эй, сынок, тебе сколько лет?

Ален запнулся, потом быстро соврал:

— Восемь.

— Чудесно! Я только хотел убедиться, что тебе больше двух. Двухлетним не берем.

Среди детей раздался взрыв одобрительного смеха. Человек рассмеялся вместе с ними, потом сразу остановился и снова свистнул, призывая к порядку. Лицо его стало строгим, хотя с тонких губ все еще не сходила усмешка.

— Шутки в сторону, ребята,— сказал он.— Слушайте меня внимательно.— Он показал им красный билет: — Перед началом представления я дам каждому из вас по такому билету. С ним пройдете бесплатно. Вы должны только помочь нам натянуть кое-где веревки, потому что сегодня очень ветрено. И еще расставить стулья. Вам придется поработать час-полтора. Никто не требует, чтоб ты, например, работал, как большой,— обернулся он опять к Алenu.— Мне было бы куда выгоднее, конечно, иметь работников постарше. Да что с вами поделаешь! Но запомните: билеты получают только те, кто будет хорошо работать.

— Я буду! — азартно крикнул Ален.

— И я тоже! — подхватил какой-то пятилетний малыш.

— Отлично! Считайте, ребята, что вам сегодня чертовски повезло. Когда нас не подводят поезда, мы приезжаем вовремя, и нам больше двадцати — тридцати помощников не требуется. Сегодня мы опоздали, и вы нам все пригодитесь.— Он переждал, пока затихли восторженные крики ребят.— Только одно условие: работать по-честному. Мне все ваши штуки известны. Шестнадцать лет я работаю в цирке и вот уже девять лет погоняю мальчишек. За это меня и прозвали «Погоняло!» Если вам что понадобится, прямо кричите: «Погоняло!» Между прочим, есть такие ребята, что поработают минут двадцать, а остальное время прохлаждаются где-нибудь под навесом; потом являются и просят билетик. Только такие ничего не получают. Есть и другой сорт — у них не хватает честности дотянуть до начала представления. Этим билетов тоже не даем. Попадают и такие, которые прибегут, когда все сделано, и начнут рассказывать, что помогали с самого начала наравне с вами. Плохо же они знают меня! Работать так работать — даром я пропусков не даю. Сказать вам, почему меня зовут Погонялой? Я запоминаю лица. Вас я уже всех запомнил, и пусть ни один не рассчитывает, что ему удастся надуть меня. Билеты получают те, кого я видел на работе собственными глазами. Всем понятно?

Ребята закричали, что им все ясно и они готовы начинать.

— Тогда за мной!

Погоняло кинулся бегом к зверинцу. Стараясь не отставать друг от друга, братья неслись в толпе мальчишек, глаза у них сияли от восторга. Хотя до

зверинца было всего ярдов¹ сорок, но, добежав до него, Погоняло с трудом перевел дыхание, пот градом катился по его мясистому лицу.

— Я уже не могу бегать... как вы, мальчуганы... Но теперь вы понимаете, что надо торопиться... Мы чертовски опаздываем. Вчера этот проклятый дождь... Он погрозил ребятам коротким, толстым пальцем и вдруг рявкнул: — Понятно? Если не будете работать изо всех сил, дневное представление не состоится. Так что летайте, ребята, стрелой! — Он сунул два пальца в рот, пронзительно свистнул и заорал: — Ларри, где тебя дьявол носит?!

Из палатки выскочил парень, небритый, с растрепанными волосами, одетый в грязный комбинезон защитного цвета. Погоняло ткнул пальцем в плохо закрепленный брезент и сердито спросил:

— Ты что, хочешь, чтоб палатку ветром сорвало? Ведь я тебе приказал закреплять веревки!

— Не разорваться же мне! — проворчал в ответ парень. — Джо приказал дать сена антилопам.

— Интересно, почему это Джо так заботится об антилопах? Родственники они ему, что ли? Закреплай веревки, пока палатку не унесло к чертям! — Он поманил к себе группу ребят — их было шестеро, в том числе Ален и Эдди. — Вас, мальчуганы, я назначаю в помощь моему другу Ларри. Делайте все, что он скажет.

— Погоди... ты что мне одних младенцев подсовываешь? — огрызнулся Ларри. — Дал бы кого посолиднее!

В шестерке был один пятнадцатилетний паренек, остальные — значительно моложе.

— Рабочие руки нужны не только здесь. Пора уже втаскивать стулья. Ты думаешь, пять тысяч стульев сами расставятся по местам?.. Как кончите здесь помогать, — повернулся Погоняло к этим шестерым, — валяйте вон туда, к главному тенту, — получите у меня билеты. За мной! — И Погоняло умчался, увлекая за собой остальных ребят.

— Видишь, как здорово! — гордо прошептал Ален. — Я же говорил тебе, меня возьмут — не такой уж я маленький!

— Старайся изо всех сил, — шепнул ему Эдди. — Надо, чтобы они были довольны нами.

— Эй вы, поденщики! — полушутя, полусердито сказал Ларри. — Цепляйтесь за канат! По трое с каждой стороны. Малыши — поближе ко мне.

Мальчики заняли указанные места и с готовностью ухватились за тяжелый канат.

Ларри наклонился над колышком, к которому был привязан конец каната, ловко развязал узел и, сделав морскую петлю, накинул на колышек, крепко держа канат обеими руками:

— Хорошо. Тяни!

Мальчики дернули изо всех сил, и Ларри едва удержался на ногах.

— Тяни еще!

¹ Ярд — английская мера длины.

Они дернули снова. Брезентовая стена натягивалась всё туже.

— Тяни сильнее!.. Стоп!

Ларри проворно захлестнул петлю и, обмотав канат вокруг колышка, прочно закрепил его. Покончив с этим, он перешел к другому колышку.

Дождясь, пока Ларри развяжет узел, Ален взволнованно шепнул брату:

— Спроси у него — они будут показывать ученых собак?

— Тс-с! Ему нельзя мешать.

— Тяни! — снова раздалась команда. — Тяни всюю! Теперь стоп!

От второго колышка перешли к третьему, потом к четвертому, к пятому... Вскоре ощущение радости покинуло братьев. Это был труд, изнурительный труд — натягивать толстые канаты с прикрепленными к ним полотнищами, бьющимися на ветру. Пеньковые колючки обтрепанного, набухшего от дождей каната царапали кожу и вонзались в руки. На нежных детских ладонях появились ссадины. Руки у Алена словно свинцом налились, пальцы онемели. Двойной ряд кольев, окружавших большой тент, казался бесконечным, а в ушах мальчика то и дело звучала команда Ларри: «Тяни! Тяни сильнее!»

— Руки заболели, — неожиданно признался Ален.

— А ты поплыви на них, — посоветовал Ларри. — Они не будут так гореть.

Другие ребята тоже поплевали на руки и снова принялись за работу. Настроение у них улучшилось, но ненадолго: слюна не обладала волшебными свойствами — руки багровели, боль усиливалась. Каждый новый канат тянуть становилось все труднее.

— Давай, давай! — подстегивал их Ларри. — Чего застряли!

Вокруг них был целый лес из столбов и канатов, и детям казалось, что они никогда из него не выберутся. Мальчики дышали прерывисто, соленые капли пота попадали им в глаза, ноги дрожали от усталости. Детские мышцы, тренированные лишь в играх, не привыкли к такой напряженной и длительной работе, ребята жаждали отдыха.

— Тяни, тяни сильнее!

Задышающегося, измученного Эдди начала охватывать тревога. Чувствуя, как сам он устал, Эдди боялся за братишку. Стоит Алену на минуту выпустить канат из рук, его сразу же выгонят. А что тогда? Преодолев свой страх перед Ларри, Эдди вдруг смело выпалил:

— Мистер Ларри, нельзя ли нам сделать передышку хоть на минутку?

Ларри выпрямился и с улыбкой сказал:

— Сделано-то лишь полдела.

Старший из ребят поплевал на свои широкие ладони и хвастливо заявил:

— А я не устал!

— Ну, ты, может, нет, а я — да, — сказал Ларри. — Пожалуй, отдохнем. — Он закинул назад голову, посмотрел на безоблачную синеву неба и рассмеялся: — Надо быть сумасшедшим, чтобы работать в цирке. Ненавижу ветреные дни, — добавил он. — Уж лучше дождь, чем ветер.

— Ну, как ты? — взволнованным шепотом спросил Эдди.

— Ужасно устал, — признался малыш.

— Я тоже. Но ты не собираешься бросить работу, правда?
 — Конечно, нет, я хочу увидеть клоунов.
 — Вот это молодец!
 — Эдди, а у тебя болят руки? У меня страшно болят. На них уже волдыри. Посмотри-ка...

— Ну, и мои такие же. Но ты не бросишь работу? Осталось меньше половины.

— Не брошу ни за что.
 — Мистер Ларри, вы не знаете, который час? — спросил один из мальчиков.

— Третий... За дело, ребята!
 — А представление начнется в половине третьего?
 — В этом сезоне ни разу так рано не бывало. Думаю, сегодня начнут около четырех.

— Мы сможем увидеть лилипутов и всё, что показывают в другой палатке? — спросил Ален.— Туда нас тоже пустят по этому билету?

— Не знаю. Не я хозяин этого проклятого цирка,— угрюмо ответил Ларри.— Ну-ка, возьмись! Тяни сильнее!

Они снова принялись за работу. Теперь Ален чувствовал уже не усталость, а полное изнеможение. Он слышал ободряющий шепот Эдди:

— Давай, маленький, осталось совсем немного.
 Но у Алена не хватало сил даже ответить ему. Гордость и желание попасть в цирк не могли больше перебороть боль в горящих, отяжелевших руках. Он выпустил веревку.

— Ещё разок,— шепнул Эдди.— Ну, пожалуйста!
 — Не могу.
 — Садись уж! — сердито сказал Ларри Алену.— От тебя все равно никакого толку.

— Тебе же не дадут билета, Ален! — с отчаянием воскликнул Эдди.— Не разрешайте ему бросать работу, мистер, прошу вас!

— Перестань! — оборвал его Ларри.— Я знаю, чего ты боишься. Глупости! Уж не думаешь ли ты, что я пойду доносить на вас? За кого вы меня принимаете? Только не отставай от нас,— кивнул он Алену,— чтоб Погоняло тебя не выследил, и все будет в порядке. За дело, ребята!

— Ой, спасибо! — вырвалось у Эдди.
 Наконец они натянули последний канат и прочно закрепили веревки. Теперь уже никакой ветер не был страшен.

— Конечно! — сказал Ларри. Он посмотрел на детей и улыбнулся. Самый старший из них еще держался, остальные чувствовали себя не лучше Алена.— Крепко досталось, ребята? — спросил он с усмешкой.— Теперь бегите к Погоняле за вашими билетами. Надеюсь, вы не пожалеете, что ради этого пришлось столько попотеть.

— Я совсем не устал, — хвастливо сказал пятнадцатилетний паренек.— Я привык к тяжелой работе.

— Тем лучше для тебя, сынок.

— Спасибо, мистер,— тихим голосом повторил Эдди.— Спасибо вам за брата.

Ларри шутливо подтолкнул его в бок:

— Когда-нибудь и ты мне отплатишь тем же.

— Тут есть вода? — спросил Ален.— Так хочется пить!

— Видишь вон ту палатку? Там висит брезентовый мешок с водой. Если в нем окажется пиво, свистни мне, я тоже приду.— Ларри улыбнулся им на прощанье и скрылся в зверинце.

Довольные тем, что справились с работой, мальчишки не спеша шли по полю. Они сравнивали, у кого больше волдырей на руках, и хвастливо уверяли друг друга, что почти не чувствуют усталости.

— Я хорошо работал, правда? — спросил Ален.

— Конечно.

— Я бы ни за что не бросил, если бы не руки.

— Ничего, ты и так вел себя молодцом.

— А ты, Эдди, устал?

— Немножко.

Вода была теплая и отдавала брезентом, но ребята проглотили ее с жадностью и почувствовали облегчение. Освежившись, они уже быстрее зашагали к главному тенту.

— Мне так хотелось, чтобы ты спросил у него про собак,— сказал Ален.— После клоунов это самое интересное. Что они там выделывают!.. Ведь в этом цирке есть собаки?

— Я спрошу у Погонялы,— ответил Эдди.— Он должен знать.

Они нашли Погонялу возле главного тента. Он стоял у платформы и командовал отрядом мальчишек, таскавших стулья.

Вся шестерка, с пятнадцатилетним пареньком во главе, направилась к нему.

— Мы кончили работу, Погоняло,— сказал старший мальчуган,— натянули все канаты. Можно получить билеты?

— А как же! — весело отозвался Погоняло.— Только сначала помогите внести стулья. Разбейтесь на пары.

— Значит, мы должны работать еще? — спросил Эдди ослабевшим голосом.

— Но стулья-то нужно расставить! — с живостью ответил Погоняло.— Какой же будет цирк без стульев! Сгрузили только половину. Ну, пошли! Стулья легкие.

— Вы обещали дать нам билеты,— обиженно возразил пятнадцатилетний паренек.— Почему же не даете?

— Послушай,— сказал Погоняло, и улыбка исчезла с его лица,— ты мне не указывай! Мое дело расставить стулья. Я и виноват, что сегодня ветер и вам пришлось закреплять веревки. Поработайте еще немного, не развалитесь. Вам что, лень втащить несколько стульев? Короче: будете работать или нет? Да или нет?

— Будем,— пробурчал паренек.

— Тогда разбивайтесь попарно и начинайте... Эй, белобрысые, вы братья, что ли? Принимайтесь за дело!

— Мы устали,— тихо сказал Эдди.— Ужасно устали.

Погоняло потрепал его рукой за вихор:

— Не беда, если и устанешь чуть-чуть! Ты же человек рабочий, так или нет? — Он подтолкнул братьев к платформе.— Через пятнадцать — двадцать минут надо начинать представление.

— Я больше не могу, Эдди, у меня так болят руки! — взмолился Ален со слезами в голосе.

— Да тут всей работы-то на каких-нибудь четверть часа. Он говорит, стулья легкие.

— Но я больше ничего не могу, Эдди.

— Послушай,— с отчаянием прошептал Эдди,— сделай вид, что работаешь, а таскать буду я один. Ты только поддерживай легонько за другой конец.

— Хорошо, попробую.

— Пошли скорее! — весело заорал Погоняло.— Народ уже собрался. Все ждуть начала.

Стулья были навалены на прицепной платформе. Это были складные стулья, скрепленные по три в ряд. На платформе стоял мокрый от пота рабочий и спускал стулья вниз, в руки мускулистого шестнадцатилетнего подростка. Тот передавал их ребятам. Мальчики, подстегиваемые прибаутками Погонялы, должны были бегом таскать эти стулья ярдов за двадцать, в помещение цирка.

— Быстрее, быстрее! — торопил Погоняло.— Чертовски запаздываем сегодня! Вам же самим не хочется пропустить представление! Верно я говорю, ребята? Подходите, братья, ваша очередь. Держите стулья.

Эдди обеими руками ухватился за брус, соединяющий спинки стульев. Аллен приподнял его с другой стороны, насколько позволяли силы,— он был совсем изнурен. Мальчики направились к главному тенту. Голос Погонялы подхлестывал их сзади. Задышавшись, они вбежали внутрь. Здесь царила полная неразбериха: суетились люди, вверху, над головами, укрепляли какие-то сооружения, хлопали стулья, раздавались крики, нестройные звуки оркестра — на эстраде музыканты в нарядной форме настраивали инструменты.

— Не стойте на дороге! Тащите вон туда! — окликнул мальчиков кто-то сзади.

Братья обернулись и увидели еще одного погонялу, который указывал им на верхний ярус. Они вскарабкались почти под самую крышу и нашли там рабочих, расставлявших стулья. Вручив им свою ношу, Ален и Эдди отправились вниз, уступая дорогу другим ребятам, тащившим стулья навстречу.

— Не спеши,— сказал Эдди брату.— Постараемся отдохнуть на обратном пути.

Но, едва мальчики замедлили шаг, как над ними, точно удар кнута, повис окрик второго погонялы:

— Эй, ребята, вы что остановились? Нам бездельники не нужны!

Мальчики опрометью бросились из палатки.

Если раньше их окружал лес из столбов и канатов, то теперь перед ними возвышалась целая гора стульев. Едва успели они разгрузить одну платформу, как их направили ко второй, стоявшей рядом. Носить стулья было несомненно легче, чем натягивать канаты,—возвращаясь с пустыми руками, они имели возможность передохнуть, — но им эта работа казалась еще труднее, потому что они смертельно устали. Ален беспрестанно повторял, что он должен хоть на минутку присесть, а Эдди умолял его не делать этого.

— Как только сядешь, тебя сразу выгонят. Я ведь таскаю один, ты только ходи рядышком. Ты же хочешь увидеть смешных клоунов? Хочешь, Ален?

Но вскоре и сам Эдди почувствовал полное изнеможение. Лица обоих мальчиков побледнели от усталости, волосы взмокли от пота.

Если бы не Погоняло, они не смогли бы выдержать. Острая ненависть к этому человеку придавала детям силу. От его голоса некуда было укрыться — это тоже помогало.

— Посмотрите вон на того парня,— кричал Погоняло,— он рассчитывает получить билет даром! Он, видите ли, устал! Скажите пожалуйста! Он бы хотел работать так, чтоб не уставать! Лучше уходи отсюда, паренек, скверно дорога! Никакого билета от меня ты не получишь. Имейте в виду, ре-

бят: представление начнется через четверть часа. Если хотите получить красненькие билетки, поторопитесь со стульями. Осталось только полплатформы. Ничего, не развалитесь! Наоборот, научитесь трудиться. Ха-ха! Вы таксаеете, я погоняю. Ха-ха!.. Так устроен мир. Ну, пошевеливайтесь, ребятки!

Эдди молился. Он молил бога, чтоб тот помог ему и Алену выдержать все это до конца. Он просил бога сделать так, чтобы после всех этих испытаний ничто в мире не помешало им увидеть представление.

В начале пятого закончили расставлять стулья. На эстраде уже играл оркестр, арены были посыпаны опилками. Мальчики выстроились в очередь перед Погонялой в ожидании билетов, и некоторые, постарше, устало перебрашивались словами.

— Потрудились мы сегодня! Что ты скажешь?

— А я бы хотел разъезжать с этим цирком!

Младшие от усталости не могли вымолвить ни слова, но и они были горды своими достижениями.

— Кто из вас, ребята,—вкрадчиво заговорил Погоняло,—пожелает прийти сегодня в половине одиннадцатого грузить стулья обратно на машины, тому отвалят горсть монет, полную горсть монет! А теперь идите и получайте удовольствие. Вы сроду не видели такого представления!

Как во сне, братья вошли в цирк. Второй погоняло сказал:

— Кто работал, идите вон туда.

Эдди и Ален вскарабкались наверх и поспешно уселись, где им было указано. Они сидели, прижавшись друг к другу, уставившись на арену остекленевшими глазами. Цирк заполнялся публикой, гремела музыка, мощные прожекторы бросали яркий свет на арены.

— Хочу увидеть клоунов, собачек, пушку,— прошептал Ален.

— И акробатов на трапеции,— отозвался Эдди.

Дети замолкли. Им было не до разговоров, так велика была усталость. Они щурили глаза от ослепительного света и постепенно погружались в приятную теплоту, исходящую от раскаленного солнцем брезента. Вдруг музыка заиграла тише, и из микрофона послышался раскатистый голос ведущего, но ни Эдди, ни Ален не могли понять, что он говорит. Снова медь оркестра заглушила прочие звуки, и из-за кулис выскочили несколько индийских танцовщиц. Их танец показался мальчикам бесконечным, и гибкие руки напоминали извивающихся змей. Потом появились слоны. Они выделяли какие-то фокусы, и мальчики отчаянно старались следить за всем, что делалось, но слонов они уже видели раньше, к тому же представление шло одновременно на трех аренах, и это мешало сосредоточиться. Мало-помалу утомление взяло верх; склонив усталые головы и еще теснее прижавшись друг к другу, братья заснули.

— Посмотри-ка,— сказал Погоняло своему помощнику, указывая на детей,— всегда одно и то же. Быюсь об заклад, что пятеро в этом ряду уже крепко спят, а десяток других ничего не замечают.

— Им порядком досталось от тебя сегодня,— отозвался помощник.— Мы здорово опоздали.

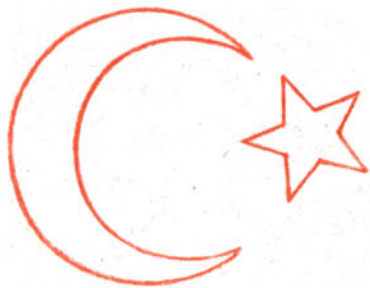
— От меня, говоришь? — запротестовал Погоняло.— Будто я придумал этот проклятый ветер! Я же отвечаю за свое дело, а ребятам так хотелось попасть в цирк, они прямо умоляли меня дать им работу.

— Черт возьми, а все-таки дневное представление идет! Вот уж не надеялся, что поспеем! И народу столько!

— Ты только посмотри на них! — Погоняло указал на Алена и Эдди.— Бедные ребята!

Братья испуганно вздрогнули от выстрела пушки и проснулись. Словно в ночном кошмаре, они увидели, как из пушечного жерла вылетела закутанная фигура, пронеслась куда-то вверх и затем, перевернувшись несколько раз в воздухе, камнем упала вниз, на предохранительную сетку. Раздался оглушительный взрыв аплодисментов. Зрители начали подниматься со своих мест. Публика расходилась по домам.

Смотреть больше было не на что, и братья Кэмбл тоже пошли домой. Они плакали так тихо, что никто, ни один человек, не смог бы заметить этого.

Турция

Стамбул, который когда-то назывался Константинополем,— это «ворота» Турции. Здесь разгружаются суда с машинами, нефтью, цементом и даже оконным стеклом. А везут отсюда табак, фрукты, шерсть, скот, хромовую руду.

Нынешняя Турция — небольшая часть некогда обширной и сильной Османской империи. Уменьшилась во много раз территория, произошло великое множество исторических событий, но жизнь турецкой деревни — а это восемьдесят процентов населения Турции — осталась почти такой же, как была при султанах. Во многих местах по-прежнему пахут землю карасапаном, похожим на старую русскую соху. Сплошь и рядом крестьяне живут в домишках из обмазанного глиной плетня, с плоской земляной крышей и без полов, сеют вручную, жнут серпами, платят помещику за аренду земли львиную долю урожая. Как и много веков назад, крестьяне лечатся у знахарей и учатся уму-разуму у местного муллы. Чтобы как-то прокормиться, приходится работать всей семье, даже малышам вроде Хасана, героя рассказа Саббахатина Али.

САББАХАТИН
АЛИ

Снег растаял, и дорога, ведущая от деревни к вокзалу, утонула в грязи. Под лучами низко стоящего солнца ослепительно блестят покрытые снегом поля. Грязные лужи на дороге отбрасывают мутные желтоватые блики.

Маленький Хасан в громадных, подкованных гвоздями ботинках, одетых прямо на босу ногу, несет в правой руке громадный бидон и время от времени, чтобы отдохнуть, пытается волочить его по земле.

Иногда он останавливается, ставит на землю алюминиевую кружку, которую держит в левой руке, и старается поудобней обхватить свою тяжелую ношу.

Бидон доверху наполнен айраном. При каждом шаге бидон больно бьет его по колену: ручка бидона все время сползает к кисти руки. Задники его ботинок так столтаются, что пятками он ступает прямо в грязь.

Путь длится два часа, и маленький Хасан проходит его каждый день — и зимой, и летом. Но сегодня дорога кажется ему особенно долгой. Низкая, сухая ива, которая стоит точно на середине пути, все еще далеко — она едва-едва виднеется.

Маленький Хасан равнодушно смотрит на все, что его окружает, все это ему давно известно. Ручей шириною в четыре шага течет по бесплодной долине. Он прячется за сухим тростником, и надо подойти совсем близко, чтобы увидеть его. Мостик над ручьем из трех бревнышек сильно шатается и кажется, вот-вот обрушится. Немного выше, прислонившись к маленькому холму и повернувшись к долине, стоит мельница. Сейчас шум ее колес не слышен. Зимой она работает не больше трех дней в неделю. С тремя голыми ивами перед дверью она кажется совсем заброшенной.

¹ Айран (турецк.) — напиток из кислого молока, разбавленного водой.

Маленький Хасан бредет, ни о чем не думая. Он не думает ни о двух маленьких братьях, ждущих дома его возвращения, ни о маме, которая служит прислугой в городе, в четырех часах ходьбы от их деревни. Одна только мысль преследует его: потом надо будет возвращаться, снова идти этой же дорогой...

И он вздыхает тяжело и вытирает нос тыльной стороной ладони, в которой держит кружку. Рука вся потрескалась от холода. Посмотрев вперед, Хасан увидел, что наконец-то подходит к вокзалу.

Мрачное здание поднимается прямо посредине долины, сжатой с двух сторон голыми холмами. Около вокзала торчит несколько черных акаций, и поэтому он выглядит еще более хмурым, покинутым, как случайно брошенный камень.

Два раза в день здесь останавливается поезд, и то на несколько минут, как бы удивившись, зачем это надо тратить время в этом диком месте, трогается снова, весело гудя, радуясь, что уходит.

Дойдя до забора, который ограждает территорию вокзала, маленький Хасан, немного передохнув, входит в калитку.

Между оградой и рельсами есть небольшое пространство в четыре-пять шагов. Там сидят на узлах двое крестьян. Полицейский, опустив подбородок в воротник шинели, стоит, прислонившись к стене. Больше никого нет. Эта станция не похожа на те шумные вокзалы, которые перед приходом поезда наполняются продавцами шашлыков, лимонада, фруктов. Летом из ближних деревень приходят иногда два-три крестьянина с виноградом, дынями и арбузами, и тогда станция немного оживает. А зимой можно видеть только маленького Хасана и старого, хромого крестьянина, который приносит на продажу немного зимних груш.

Вокзальный служащий показывается только тогда, когда на станцию прибывает поезд. Он морщится, недовольный тем, что нарушили его покой, и, как только поезд трогается, тут же скрывается в своей комнате. Все его дни заняты одним и тем же: он упорно пытается заставить заговорить свой старый радиоприемник.

Сегодня крестьянин с зимними грушами не пришел. Маленький Хасан ставит бидон с айраном на землю и задумчиво смотрит на рельсы. Каждый день по этим бесконечно длинным рельсам поезд неизвестно откуда привозит людей и неизвестно куда их увозит, оставляя на шпалах только черные масляные пятна от паровоза.

Резкий свисток заставляет Хасана вздрогнуть. Поезд сообщает о своем приближении к станции. Паровоз доходит точно до масляных пятен на рельсах и останавливается.

Маленький Хасан, как заведенный механизм, хватается за бидон и кружку и бежит к поезду, крича в окна:

— Айран! Айран! Свежий, хороший айран!

Летом он обыкновенно кричит: «Холодный айран», но сейчас, в этот зимний день, уже само слово «айран» вызывает ощущение холода. Никто даже головы не поворачивает. Почти все окна закрыты. Только одно или два

открыты, и в них стоят женщины с крашеными волосами, в вязанных кофтах.

Мальчик пристально вглядывается в закрытые окна, пытаясь найти среди пассажиров людей, которые бы выпили айран: крестьян, ремесленников, солдат-отпускников.

Хасан бежит уже третий раз вдоль всего состава... Острый край бидона бьет его по ногам и причиняет сильную боль, но мальчик только морщится и продолжает кричать:

— Айран! Свежий, хороший айран!

Продать бы четыре кружки, хоть бы четыре кружки! Тогда на десять грошей, которые он получит за них, он сможет принести домой черного хлеба. Он отчетливо представляет, как дома два его брата, почти без сил от голода, ждут его возвращения. И Хасан снова кричит:

— Айран, свежий айран! Свежий...

Мама его служит в городе и приходит домой только раз в неделю, и то всего на несколько часов. Приносит немного хлеба, несколько луковиц, а иногда чуть-чуть повидла. Но что это для трех голодных желудков? Не хватает и на два дня. И поэтому маленький Хасан должен заботиться о еде для двух младших братьев. Одному из них два, другому пять лет. Эти двое слабых малышей думают только об одном: как бы съесть все, что попадает к ним в комнату. Для того чтобы они не съели закваску для молока, маленький Хасан прячет ее за балками потолка. И всегда, пока Хасан стоит с айраном на станции, он боится, что эти два голодных существа уничтожат старую козу, живущую с ними под одной крышей и голодающую вместе с ними. Если ему удастся принести вечером хлеб, он кладет его в стороне и идет к очагу, чтобы взять глиняную миску и вылить в нее оставшийся айран. И очень часто, возвращаясь с миской, видит, что тяжелый, как глина, хлеб уже бесследно исчез. В таких случаях Хасан выпивает кружку айрана и, не обращая внимания на легкую боль в желудке (он уже привык к голоду), ложится рядом с братьями на вытертый козий мех, под грязное, рваное одеяло.

Но его пугают не столько желудки братьев — они поглощают всё и похоти на бездонные колодцы, которые никогда не наполнишь, — сколько их широко раскрытые, болезненно горящие, полные беспокойной ненависти глаза. Эти глаза двух истощенных существ смотрят на него, когда он возвращается домой с пустыми руками. Когда он вспоминает об этом, волосы у него поднимаются от страха. И вот потому он сейчас и кричит изо всех сил:

— Айран!.. Айран!

Одно окно в купе третьего класса открывается. Показывается голова в кеппе, седые усы и длинная шея.

— Эй, мальчик, налей кружку!

Маленький Хасан дрожащей рукой протягивает кружку.

Мужчина прикрывает глаза и начинает пить маленькими глотками. Айран капает с его усов на белую рубашку без воротника. Потом он протягивает кружку:

— Налей еще.

Выпив вторую кружку, он достает из кармана жилетки монету в десять грошей и дает ее мальчику.

— Пять грошей сдачи!

— У меня нет,— отвечает маленький Хасан и смотрит по сторонам.

Поблизости нет никого, кроме чиновника, служащего на станции. Пошел снег, и чиновник, кутаясь в шинель, в нетерпении ждет отправления поезда.

Мальчик ставит бидон и бежит к чиновнику:

— Дядя, разменяй мне десять грошей,— протягивает он монетку.

Чиновник, не удостоив его ответом, поворачивается спиной и отправляется к сигнальному колоколу. Пассажир с длинной шеей машет мальчику рукой из окна вагона:

— Эй, иди сюда!

Маленький Хасан подбегает к окну.

— Верни десять грошей!

Мальчик безропотно отдает деньги...

Поезд медленно трогается.

Пассажир кладет монету в карман жилетки и говорит с равнодушным видом:

— У меня нет мелких, что поделаешь!

Вагон медленно отъезжает от маленького Хасана. Человек высовывается из окна и кричит:

— Эй, малыш, скажи «сiju на бобах».

Маленький Хасан стоит как вкопанный. Поезд быстро удаляется. В стуке колес мальчику слышится:

«Сiju на бобах», «сiju на бобах»...

Мальчик бормочет что-то, потом берет бидон и прячется возле стены — там меньше дует.

Снег усиливается. Но Хасан не может вернуться домой с пустыми руками и решает дожидаться вечернего поезда.

*
*
*

Вечерний поезд обычно прибывает в половине пятого, и летом Хасан успевает вернуться в деревню до темноты... Но сейчас, еще за полчаса до прихода поезда, на станцию опускается мрак. Подумав о том, как придется возвращаться в холод и темноту, мальчик вздрагивает и уже почти решает отправиться в обратный путь, но тут из станционного помещения выходит чиновник и говорит, что поезд скоро придет.

Остановка поезда совсем короткая.

— Айран! Свежий айран! — кричит мальчик.

Он, волнуясь, бежит вдоль поезда, всматривается с надеждой в тени, которые вырисовываются на фоне закрытых, запотевших окон. Его большие ботинки скрипят по мокрому песку, а снег забивается в рот.

Когда светлые квадраты окон начинают мелькать в лужах и поезд уходит, маленький Хасан берет бидон с айраном и, открыв ногой калитку вокзала, отправляется обратно в деревню.

* *

*

А в это время дома, за деревянной дверью лачуги, братья ждут маленького Хасана. Они прислушиваются и к свисту ветра, и к вою волков, приближающихся к деревне, и, охваченные страхом, дрожат и плачут, тесно прижавшись друг к другу.

Фрaнция

«**П**рекрасная Франция» — так издавна называют эту страну. Человеку, который приезжает во Францию, трудно даже сказать, что красивее — цветущие сады и морские берега с мягким, ласковым климатом или бессмертные творения французских архитекторов. А может быть, самое прекрасное в этой стране ее музеи, где собраны лучшие картины мирового искусства? Или Париж — чудесный город Париж? Впрочем, не стоит торопиться. Разве не прекрасна французская литература! Рабле, Мольер, Дюма, Жюль Верн, Гюго... Пусть каждый назовет своих любимых писателей — наверняка среди них окажется несколько французских фамилий.

Велики заслуги перед человечеством и у французских ученых и мыслителей. Но все-таки, говоря о Франции, мы сразу вспоминаем о ее революционерах. Именно здесь прозвучали впервые слова о свободе, равенстве и братстве всех людей на земле. Тут гремели залпы первых восстаний рабочего люда. Первое в мире государство трудящихся — Парижская коммуна — возникло на французской земле. И гимн коммунистов всех континентов «Интернационал» написан французом Эженом Потье.

В трудные годы немецкой оккупации народ Франции, преданный министрами и генералами, снова доказал, что в его жилах течет кровь якобинцев и коммунаров. Движение Сопротивления охватило всю страну. Отважные «маки» — народные мстители — стали грозой для гитлеровцев. И в наши дни французский народ и его славная Коммунистическая партия ведут борьбу за лучшую жизнь, за демократические свободы, за мир без оружия и войн.

Дело и дух Революции живы! Наверно, это и есть самое прекрасное во Франции.

луда

полностью занятый день

Жан-Клод проснулся поздно. Сегодня он мог подольше поспать, так как был четверг¹ и в школу идти не надо. Из кухни доносился запах кофе, мама убирала со стола. Отец и старший брат уже ушли на работу. Помчались на мотороллере на завод Рено. Именно поэтому у них дома нет телевизора; отец сказал: «Или телевизор, или мотороллер для Жака» — и посмотрел на Жан-Клода. Жан-Клод вздохнул, но все-таки сказал: «Ну, я не так уж жажду телевизора». И у Жака появился мотороллер, такой же, как у отца. Напрасно он делал вид, что ему все равно, — он выглядел самым счастливым человеком на свете, и мама сказала Жан-Клоду: «Хороший ты у меня мальчик». Мама была родом из Тулузы и сохранила выговор своего родного города. Она говорит словно поет. Отец же настоящий парижанин, «чистая проба 18-го», как говорит он сам. Разумеется, не 18-го века, а 18-го района. Жан-Клод тоже парижанин, «чистая проба 20-го», потому что родился он на улице Бельвиль. Сейчас вся семья живет в жилищном блоке НМ² в Аркье, но этот пригород является частью Большого Парижа. И метро недалеко. А метро — это уже Париж, никто не может этого отрицать.

Уткнув нос в чашку с кофе, Жан-Клод думал о лыжных ботинках. Ботинки эти — собственность брата, и Жан-Клод хотел вчера попросить их у него. Но Жак вчера вечером был на занятиях и вернулся домой в плохом настроении — трудно заниматься после работы, — и Жан-Клод предпочел отложить разговор на следующее утро. Но сейчас Жак ушел на работу, и Жан-Клод в затруднении. Если взять ботинки без спроса, Жак будет

¹ Во Франции четверг неучебный день.

² Жилищные блоки доступной цены, построенные государством или общинами, обычно расположены на окраинах города.

недоволен. Но ничего другого не остается. Эти ботинки ему позарез нужны. Он их обещал Мишелю, своему другу. Не просто товарищу по играм, а настоящему другу.

Удивительная вещь — дружба. В классе у Жан-Клода все друзья — много хороших мальчишек. Но нет ни одного такого, как Мишель, который даже не знает, какая футбольная команда выиграет кубок! Мишель вообще ничего не знает о том, что происходит в мире. Он никогда не был в кино, и даже радио у них нет. Мишель — сын Раджи, итальянского каменщика. У Мишеля целая куча братьев и сестер. И, как говорит мама Жан-Клода: «Можно лишь удивляться, как мадам Раджи управляется со всей этой оравой. Ведь только представить себе — восемь человек за столом...» Но это не мешает Мишелю всегда быть веселым. И надо видеть, с каким доверием он относится к Жан-Клоду! Обо всем ему рассказывает. Жан-Клод порой его отчитывает — ведь Жан-Клод старше и чувствует ответственность за друга.

Позавчера в школе сообщили, что класс, где учится Мишель, отправится в горы, чтобы проводить там занятия. Все завидовали счастливицам. Такие занятия — чудесная вещь. Жан-Клод знает об этом от Жака, который два года назад был в горах. Школьники останавливаются в туристском домике, учатся только утром, а все остальное время катаются на лыжах, играют, набираются сил и здоровья, как говорят воспитатели. Мишель прыгал от радости... Но вчера Жан-Клод нашел его в слезах, забывшимся в угол. Жан-Клод ему сказал:

— Не стыдно тебе? Ведь ты большой парень!..

Но Мишель ему объяснил:

— Понимаешь, из-за холодов у папы нет работы. И, значит, мне не купят лыжные ботинки. И, значит, я не смогу завтра поехать... Видишь, какие у меня ботинки...

Действительно, в «штиблетах» Мишеля можно было ходить только по парижским тротуарам, да и то лишь в хорошую погоду. И речи быть не могло, чтобы гулять в них по снегу. Вот тогда-то Жан-Клод вспомнил о лыжных ботинках Жака, лежащих без пользы в шкафу. И, радостно рассмеявшись, сказал:

— Не хнычь, дружище. Мой брат даст тебе свои ботинки. Завтра утром они непременно будут у тебя.

Мишель сразу успокоился и побежал сообщить эту приятную новость своим родителям...

Теперь он уже, наверно, собрался в дорогу и ждет не дожидается Жан-Клода. Хорошо, будем действовать.

Жан-Клод взял сумку.

— Мама, я иду на рынок. Что надо купить?

Пока мама записывала на клочке бумаги, что надо купить — ведь Жан-Клод так рассеян, что сразу забудет половину, — мальчик рылся в шкафу. Нет ботинок! Только бы Жак не ушел в них на работу! Что же делать?

— Мама, сегодня Жак не в лыжных ботинках пошел на работу? — Жан-Клод старался быть спокойным, но сердце у него стучало.

— Его ботинки у сапожника, — ответила мама.

— Давно? — спросил взволнованный Жан-Клод.

— Должны были быть готовы еще в субботу. Только мы не сможем получить их до конца месяца: починка стоит дорого. А нужно заплатить за квартиру, за радио и еще...

Слишком много «еще»... Жан-Клод обо всем этом знает. Надо прожить еще две недели, и зарплаты еле-еле хватит. Конечно, если рассказать все маме, она даст денег, хотя неизвестно, как они потом дотянут до полочки. Но Жан-Клоду двенадцать лет, он уже не ребенок. Должен сам справляться с трудностями.

Поэтому он прежде всего зашел к сапожнику.

— Да, ботинки готовы. Починил их на совесть, стали прямо как новые. А две тысячи франков за подметки совсем недорого. Придете за ними после обеда? Очень хорошо, мальчик. Значит, отправляетесь в горы?..

Сапожник продолжал что-то бормотать, но Жан-Клод уже убежал. Надо что-то предпринять. Две тысячи франков — это большие деньги. И надо их найти до вечера. Задача не из легких. Жан-Клод совсем не рассеян, как говорит мама. И если он сейчас спрашивает у булочницы литр молока, а у бакалейщика — два хорошо пропеченных батона, то только потому, что думает о другом, более важном деле. Две тысячи франков! Можно бы найти способ, но... Как на грех, Мишель ждет его во дворе. Верит ему, но все-таки волнуется.

Жан-Клод рассердился:

— Что ты здесь торчишь, вместо того чтобы укладывать чемодан? Ведь в шесть часов вы отправляетесь!.. Ботинки будут готовы после обеда, сапожник обещал. Я ему шепнул два слова... Не беспокойся! Будут готовы, говорю тебе.

Теперь уже нельзя отступать. Решение принято — на душе стало легче. Но обедал Жан-Клод без аппетита, и мама забеспокоилась.

— Ты нездоров, Клод? Ведь вкусно...

Мама имела привычку называть его Клод, как будто он девочка. Отец называет его Тото — так гораздо лучше. Но сейчас это не имеет значения. Жан-Клод не может терять время. Он проглатывает брынзу, почти давясь пьет молоко и поднимается из-за стола. Обыкновенно по четвергам он помогает маме мыть посуду после обеда. Но сегодня не может. У Жан-Клода нет времени. Он роется в углу, где хранятся его сокровища: книги, полученные в награду, иллюстрированные журналы, коллекция марок. Жан-Клод собирает коллекцию уже три года, и у него есть действительно редкие марки... Ну, во всяком случае редкие хотя бы для Жан-Клода. Мама кричит ему из кухни:

— Ты уходишь, малыш? Не забудь кашне.

Но Жан-Клод уже на улице. Метро недалеко, но, когда Жан-Клод добегал до билетной кассы, было уже два часа. Хорошо, что есть билет. Лишь войдя в вагон, немного успокоился. До Елисейских полей самое малое полчаса езды. Жан-Клод разволновался: стоит ли его коллекция марок две ты-

сячи франков?.. Поглощенный своими мыслями, он чуть не пропустил остановку и наконец вышел из метро на бульвар, залитый солнцем.

Ошеломленный солнечным блеском, Жан-Клод остановился у перекрестка: какие красивые автомобили мчатся вдоль Елисейских полей! Летят, летят без остановки. Жан-Клоду известны все марки автомобилей — не зря ведь его отец и брат работают на автомобильном заводе Рено. Все здесь так интересно! Как-нибудь надо будет прийти сюда с Жаком... Наконец-то красный свет! И Жан-Клод перебегает через дорогу.

Каждый четверг на одном из перекрестков Елисейских полей бывает марочный базар. Все парижские филателисты собираются здесь. На улице Габриэль сходятся опытные, богатые филателисты, которые рассматривают витрины продавцов марок. Начинающие, школьники, собираются за театром «Марини». Там преимущественно и происходит обмен марками. Но там также продают и покупают их. Жан-Клод достает свой альбом и в то же мгновение его окружают.

— Э-э, ничего особенного,— говорит высокий мужчина в узких синих брюках и кожаной куртке.

Жан-Клод сразу отвечает:

— Неправда. У меня целая серия Гагарина. Совсем полная.

Эта серия — подарок отца, и Жан-Клод подавляет вздох. Кожаная куртка заинтересовывается, но все-таки пытается торговаться:

— Две тысячи франков? Ты сошел с ума! Альбом и половины не стоит.

Собравшиеся возле них коллекционеры протестуют, и какой-то блондин серьезного вида говорит:

— Нет, недорого! Я покупаю эту коллекцию.

Кожаная куртка негодует, но хор возмущенных голосов заставляет его замолчать:

— Нечего торговаться, жулик.

Кожаная куртка исчезает.

Жан-Клод засовывает в карман две бумажки по тысяче франков. Ну, вот и все...

В метро, возвращаясь домой, Жан-Клод спрашивал себя, доволен он или огорчен. Скорее всего, и то и другое. Но, пожалуй, больше доволен...

В четверть шестого Жан-Клод позвонил у дверей Раджи.

— Добрый день! Мишель дома? Я принес ему ботинки. Извини, что задержался. Надо было еще по одному делу съездить. Ты уже готов? Идем, я тебя провожу до автобуса.

Когда Жан-Клод вернулся домой, отец и Жак уже были в комнате.

— Где ты пропадал, непутевый? — буркнул проголодавшийся Жак.

— Отнес твои лыжные ботинки Мишелю, — ответил Жан-Клод. — Он сегодня вечером уезжает в горы, на занятия...

Жак открыл было рот, чтобы прикрикнуть на брата, а мама сказала:

— Но, Клоди, эти ботинки...

Отец посмотрел на них, и оба замолчали. Тогда он спокойно сказал:

— Ты думаешь, что ботинки Жака будут велики Мишелю? Но это еще лучше. Он наденет три пары носков, и ноги не будут мерзнуть... Ну, давайте сядем за стол.

Через час, уже в постели, Жан-Клод думал о прошедшем дне. Снова видел свой альбом с марками, счастливое лицо Мишеля в окне автобуса, увозящего его на вокзал. Да ведь, в конце концов, и Жан-Клод тоже чувствовал себя счастливым. Даже очень счастливым, правда.

А. - М. КАНАПА

железное дерево

На строительстве в центре большого города скучал подъемный кран. Гро-
мкая желтая машина стояла и вздыхала.

— Как мне хочется сбежать от этого адского шума,— жаловался кран,—
от этой пыли, которая целый день поднимается вокруг меня, и отправиться
вон в тот лес!.. Я бы жил среди деревьев, приютил бы птичьи гнезда, и
плющ покрыл бы меня зеленой мантией...

Слушая его, остальные машины смеялись:

— Посмотрите на эту жердь,— считает себя дубом! А на самом деле?
Куча старого железа! Подожди, весной, может быть, на тебе появятся ветки,
а может быть, даже и листочки из проволоки.

Подъемный кран не обращал внимания на эти насмешки и продолжал меч-
тать, а ветер покачивал его стрелу.

Наконец кран не выдержал. Однажды вечером, когда рабочие перед
уходом вешали на заборе вокруг строительства сигнальные фонари, подъем-
ный кран сошел с рельсов и исчез в ночи.

Раннее утро застало подъемный кран в лесу беседующим с птицами, ко-
торые летали вокруг и смотрели на него с любопытством.

— Садитесь, милые птицы, садитесь! Вейте гнезда на моей стреле! Ветка
не сломается, потому что я — железное дерево. Устраивайтесь поудобнее,
вы увидите новые земли, потому что я — дерево, которое путешествует...

Красношейка села на огромную стрелу, но сразу улетела прочь.

— Бр-р-р!..— сказала она.— Это дерево холодное! Оно не для меня.

Потом сел дятел. Он застучал по железному дереву своим огромным клю-
вом в надежде найти несколько букашек. Но и он воскликнул:

— Это дерево прямо каменное! Я сломаю об него клюв. Оно не для
меня.

Молодой плющ попытался обвить ногу подъемного крана, но быстро отказался от своей затеи и снова опустился на мох.

— Это дерево слишком гладкое,— сказал он,— не могу на нем удержаться.

Подъемный кран, хотя и был огорчен, все-таки не терял надежды найти друга. Когда наступила ночь, на одной из веток он увидел филина и сказал ему:

— Друг мой! Видишь, какой у меня хороший домик, я его поднимаю и опускаю. Ты заживешь в нем спокойно и счастливо.

При этих словах подъемный кран приблизил свою кабину к филину... Филину это показалось интересным.

— Попробую,— ответил он.

Он захватил несколько сухих листьев для постели, кое-что из еды и устроился в кабине.

— Наконец-то и я стал деревом, как другие! — сказал подъемный кран и, счастливый, заснул.

Но на следующее утро, как только первые лучи солнца проникли в маленькое окошко кабины и разбудили филина, опять начались неприятности.

— Ай-ай-ай! — закричал филин. — Как светло в этом доме!

И, моргая, натыкаясь на деревья, ослепленный наступающим днем, он с трудом добрался до своего старого, темного жилища и дал себе слово никогда больше не попадаться на удочку.

Теперь подъемный кран потерял всякую надежду и начал раскаиваться в своем поступке.

И вдруг подул сильный ветер. Он дул с такой силой, что заставлял деревья непрерывно ему кланяться. Сначала подъемный кран, прямой как жердь, только вздрагивал, но ветром овладевала все большая ярость, и тогда случилась беда. Длинная железная стрела стала вертеться как одержимая. Она рубила ветки, дробила вершины молодых сосен, разбрасывала по земле гнезда. В лесу поднялась паника.

Подъемному крану показалось, что приходит и его конец.

— Убирайся! — крикнул ему филин. — Видишь, какое несчастье ты принес нам! Возвращайся в город и никогда не приходи сюда!

Пристыженный подъемный кран понуро побрел из леса.

И вернулся к своим друзьям на строительство. Там он рассказал им о своих невзгодах. Товарищи принялись его утешать:

— Не жалея, глупый! Ты хотел стать деревом, дать приют птицам, но им ты не нужен... Люди без тебя не смогут построить свои жилища, те огромные белые гнезда, в которых живут они вместе с маленькими детьми! Твое место здесь, среди нас, и мы должны не ржать, а строить всё новые и новые дома.

Чехословакия

Чехи и словаки издавна славились как веселые, приветливые люди и чудесные мастера. В мрачную пору средневековья, когда нередко славу государств мерили количеством разбойничьих войн, люди с восхищением говорили о чудесном народе-умельце. Чехи и словаки издавна умели любовно ухаживать за землей, украшать ее своим трудом, а их искусные руки создавали стекло и фаянс, пергамент и изделия из металла, известные во всем мире. Красавица Прага старше Парижа. Но дело не только в годах: здесь был построен первый в Европе городской водопровод, улицы ее были замощены на сто лет раньше, чем в Лондоне.

У старых чешских мастеров оказались хорошие наследники. Чехословакия невелика, и она выплавляет не так много стали и добывает не так много угля, как другие государства, но на весь мир славится качество чешской промышленной продукции, будь то автомобили или станки, электроаппаратура или точные приборы. Даже посуда и игрушки в Чехословакии особого, самого отличного качества. Веками воспитывалась здесь высокая культура труда, любовь к нему.

Но не только золотые руки получили чехи и словаки в наследство от предков. Вся история их земли — это история никогда не прекращавшейся борьбы за национальную независимость и свободу. До наших дней живы в памяти народной такие герои, как Ян Гус и Ян Жижка. И, уж конечно, нет в мире людей, которые не знали бы о мужественных борцах Сопротивления, о словацком восстании 1944 года, о боях повстанцев-чехов за «злату Прагу», о мужественном борце Юлиусе Фучике.

ЭДУАРД
ПЕТИШКА

ирлибан идет в школу

Бирлибан, Бирлибан. Что это за слово? Может, так называется сказка о каком-нибудь волшебнике или...

Позавчера, когда я уезжал из Праги, я встретил мальчика, который кричал:

— Бирлибан, Бирлибан, Бирлибан!

Я спросил его, кто такой этот Бирлибан. Он ответил, что Бирлибан — это мальчик, который путешествовал из Конфетного царства в Кукольное. Об этом даже написана целая книжка. Мальчик сказал, что имя «Бирлибан» ему очень нравится и поэтому он его напевает.

— Ах, значит, ты поешь,— сказал я.— А я думал, что кричишь!

Бывает, что кто-нибудь кричит, а сам думает, что поет; другой слышит слово «Бирлибан» и не знает, что и подумать, а оказывается, это просто-напросто имя мальчика. Но удивительное имя! Странные истории рассказывают о нем. Так что давайте и мы поговорим о Бирлибане.

Можете ли вы написать цифру «три»? Ах, ах, она не получается красивой! Посмотрите, сколько троек уже написала Аленка. Она должна уметь их писать, ведь она уже во втором классе. Аленка сидит с Бирлибаном в садике, держит в руке палочку и водит палочкой по песку. Тройки, тройки и опять тройки. Написав тройку, Аленка произносит вслух:

— Три, три, три...

Бирлибан молча смотрит, он умеет писать только единицу. Палочка с черточкой внизу — совсем просто. Но «три» он написать не может. Поэтому он смотрит, смотрит, потом берет другую палочку и после тройки, которую написала Аленка, пишет свою единицу.

— Посмотри,— говорит Аленка,— ты знаешь, что мы написали? Я написала тройку, а ты добавил единицу. Тройка и единица вместе составляют тридцать один.

Бирлибан кивает: если Аленка говорит, значит, так оно и есть. Значит, тройка и единица составляют тридцать один.

— А когда оторвешь от календаря листочек, на котором написано «тридцать первое августа», кончатся летние каникулы. Тогда наступит первое сентября, и мы пойдем в школу,— говорит Аленка.

— В этом году и я пойду,— кивает головой Бирлибан,— и сразу в первый класс.

— Каждый, кто идет в школу, начинает с первого класса,— смеется Аленка.— Знаешь что? Первого сентября я отведу тебя в первый класс.

Бирлибан краснеет, неприятно ему: ведь он что-то не так сказал. А он хочет быть самым умным. Эх, если бы можно было обойтись без учения. Раз-два, и вот уже он самый умный! Но ведь всегда надо думать, чтобы что-нибудь придумать.

— Я зайду утром за тобой, и мы пойдем в школу вместе,— говорит Аленка и уходит домой обедать.

Бирлибан остается один и продолжает чертить на песке единицу. Вдруг, откуда ни возьмись, кот Мацек. Определенно Мацек подумал, что Бирлибан водит палочкой по песку для того, чтобы он, Мацек, с ней поиграл. Гоп! Мацек прыгнул и схватил кончик палки лапкой, как мышонка.

— Мацек, Мацек,— строго остановил его Бирлибан,— ты разве не видишь, что это школа, а я делаю уроки!

Мацек в ответ:

«Мяу! Ведь вы знаете, что кошек не волнует, хорошо или плохо написано. Не случайно говорят — царапает, как кот лапой».

— Иди «юда! — говорит Бирлибан и берет в руки лапу Мацека.

Он хочет научить его писать единицы. Но не тут-то было! Мацек шипит, вырывается от Бирлибана и исчезает в кустах.

— Мама,— жалуется на Мацека Бирлибан,— Мацек не хочет учиться писать! Зашипел и убежал!

— Зачем же животным писать? — говорит мама.— А вот ты через неделю начнешь учиться.

Бирлибан переворачивает семь листочков календаря, а на восьмом написано: «31 августа». «У меня еще есть время»,— думает Бирлибан. Действительно, впереди еще много времени. Семь дней. Потом шесть, потом пять — все меньше и меньше, и наконец остается совсем мало. Бирлибан смотрит на календарь и видит тройку и единицу.

— Тридцать первое, тридцать первое! — кричит он и бежит к маме.— Завтра в школу, а я еще не собрался!

— Книги и тетради ты получишь в школе,— говорит ему мама.

— И мне ничего не надо брать с собой?

— Возьмешь только портфель, чтобы положить туда книги.

У Бирлибана портфель еще с Нового года, совсем новый, коричневый, как шоколад. От портфеля чем-то пахнет. Но чем? Отец говорил, что от портфеля пахнет кожей, но Бирлибан-то знает: пахнет школой.

— Можно взять с собой мячик, а, мама? — спрашивает Бирлибан.

— Мяч не бери,— говорит ему мама,— в школе есть прекрасные большие мячи.

— А кубики?

— Ну что ты! — говорит мама.— В школе есть и кубики, да еще какие!

— Тогда как же мне подготовиться?

— Подготовься сидеть смирно и слушать! — советует ему мама.

— Но «сидеть» и «слушать» нельзя положить в портфель,— бормочет тихо Бирлибан и относит портфель в комнату.

На диване сидит кукла Янечек. У Янечки длинные уши, и он похож на зайчика. Сейчас Янечек опустил голову, уши его повисли; наверно, он спит.

— Янечек,— трясет его за плечо Бирлибан,— завтра я пойду в школу. Я научусь читать и писать, буду уметь и тройки рисовать. Некоторые дети ходят в школу по девять или по тысяче лет, но я все быстро выучу и через неделю снова вернусь домой. Надо будет помочь папе собрать сливы. А ты знаешь, Янечек, как пишется цифра «один»? Дай мне руку, я тебе покажу.

Янечек не запищал и не убежал. Это Бирлибану понравилось.

— Если будешь слушаться, Янечек, я тебя возьму с собой в школу, и мы будем учиться вместе. В портфеле есть место, да-да!

Бирлибан запикивает Янечку в портфель, подкладывает ему под голову носовой платочек, чтобы было мягко спать, закрывает портфель и кладет к себе на постель. Ну, все в порядке!

— Когда наступит завтра? — все послеобеденное время спрашивает Бирлибан у мамы. — Когда наступит завтра? Я не могу дождаться, когда пойду в школу.

«Но, — думает Бирлибан, — я убегу от Аленки и приду в школу самостоятельно. Я хорошо знаю, где школа».

И, так как Бирлибан непрерывно спрашивал маму, когда наступит завтра, она рассердилась и сказала:

— Если уж ты так хочешь, чтобы наступило завтра, пойди ляг и засни! Чем быстрее заснешь, тем скорее наступит завтра.

«Еще светло, — думает Бирлибан, — но ладно, все равно делать нечего. Пойду лягу, поскорее засну, наступит завтра, и я пойду в школу».

Он так быстро лег, что забыл пожелать маме спокойной ночи.

Когда Бирлибан проснулся, на дворе светило солнце, а дома никого не было. Сколько времени? Бирлибан вскочил, посмотрел на часы, но, сколько ни смотрел, не мог увидеть, который час. Путались стрелки и цифры. «Ну, пойду в школу, — решил он. — Там научусь узнавать, который час, и вообще всему научусь». Он оделся и обул ботинки. Эх, как жмут! Да и как им не жать, если, прежде чем лечь, он запикинул в них чулки.

«Почему мама меня не разбудила? — торопится Бирлибан. — А если я опоздаю в школу? Нет, я не должен опоздать».

Он схватил портфель и побежал. «Мяу, мяу!» — приветствовал его у забора Мацек.

На кошачьем языке это означало: «Счастливого пути, Бирлибан!»

Смотрите-ка, в молочной нет никого, а перед молочной стоят большие бидоны. Все уже купили молоко. Что сказала молочница, когда Бирлибан сегодня не пришел ни за молоком, ни за булочкой? И воробы над ним смеялись, а какая-то птица-насмешница скакала перед ним по улице и спрашивала:

«Ты еще спишь? Ты еще спишь?»

В парке девочки прыгали через веревочку. Они спросили Бирлибана:

— Куда ты спешишь?

— В школу! — крикнул Бирлибан.

— Школа не убежит, у нее нет ног! — засмеялись девочки.

«Ну и прыгайте, — буркнул про себя Бирлибан. — Наверное, какие-нибудь лентяйки и прогульщицы. Но я первый раз иду в школу и не хочу опаздывать».

Би-и! Би-и! — загудел автомобиль.

«Отойди! Отойди!» — зашуршали шины.

Из окна высунулся шофер.

— Ты что, не видишь? Чуть тебя не задавил.

Ну, вот школа, дверь широко раскрыта, лестница пустая, нет никого. В коридоре тихо. «Ох, все ученики уже в классе!»

Бирлибан знал, где комната первого класса: мама ему показала, когда записывала его в школу. Комната первого класса — в конце длинного коридора. В коридоре стоит Аленка, держит в руке кнопки и прикрепляет к стенгазете цветные картинки. На одной картинке нарисованы дети, бегущие в школу, на другой — цветы и мальчик, играющий на трубе, а на шее у него красный галстук.

— Куда спешишь? — спрашивает Аленка.

— В тридесятое царство, в тридесятое государство! — отвечает Бирлибан.

Почему это Аленка спрашивает его ерунду?

— Ну и ну! — смеется Аленка. — В тридесятое государство, правда?

— Спешу в школу, куда же еще! — отвечает Бирлибан и снова бежит, чтобы не опоздать.

— А зачем?

— Незачем! — отвечает Бирлибан и бежит дальше.

Ну, вот и дверь. «Если я открою ее тихо, может быть, учитель и не заметит, что я опоздал».

Бирлибан тихо открыл дверь и проскользнул в классную комнату.

«Где я?»

Вокруг Бирлибана шкафы, а на шкафах — белка, кошка, птицы, бабочки. Что это такое? Неужели и животные решили учиться? Ба-

бочки научатся писать и исцарапают в лесу все деревья, Мацек обучится грамоте и вечером, перед сном, будет читать Бирлибану сказки. Бабочки научатся считать, станут летать по классу и подсказывать ученикам. А может быть, и Янечек научится ходить?

— Кто здесь? — слышался голос из-за шкафов.

Бирлибан пошел на голос.

— Добрый день, — сказал он. — Я Бирлибан и пришел в первый класс.

— В первый класс? — обернулся учитель. Он укладывал в коробочку красивые картонные карточки. — Но ты ошибся, комната первого класса над нами. Ты ошибся этажом. А что ты собираешься делать в классе?

— Я пришел учиться, — сказал Бирлибан.

— Надо, мальчик, прийти сюда завтра. Сегодня тридцать первое августа, а первое сентября будет завтра, — улыбнулся учитель.

Бирлибан хотел объяснить, что это неверно, что сегодня должно быть первое сентября, ведь он уже спал...

— Иди, малыш, домой, чтобы не опоздать к ужину, — сказал учитель.

— К ужину? Разве сейчас не утро?

Значит, нет.

Бирлибан побрел из школы домой.

«Мяу, мяу, мяу!» — приветствовал его у забора Мацек.

Это означало на кошачьем языке: «Смотри не проспи завтра!»

Смотрите и вы не проспите!

КЛАРА
ЯРУНКОВА

Когда я был маленьким

Бабу я очень люблю, но молиться все-таки не хочу. Я ведь выбиваю ей ковры, бегаю за хлебом, в молочную...

Когда я был маленьким, я бабке верил. Да и сейчас верю. Пусть никто не подумает, что моя бабка обманщица или врунья.

Но когда я был совсем маленьким-маленьким и бабка меня спать укладывала, а я не хотел молиться, то бабка меня пугала. Мол, если вечером не помолиться, так до утра умрешь и господа бога прогневаешь. Она пугала меня, потому что я ленивый. Что же ей оставалось делать?

А я бога боялся, да и умирать мне не хотелось, потому что в постели куда лучше, чем в гробу. Поэтому я молился. Потом она меня пугать совсем перестала, а я все молился и молился. Каждый день, всегда. Иногда я путал молитву, но начинал все сначала, чтобы уж наверняка знать, что помолился как положено.

Но в третьем классе отец пообещал купить мне лыжные ботинки, а сам взял да купил самые обыкновенные. И мне стало очень обидно, потому что Мише купили как раз лыжные.

Вечером я лег в постель и не помолился нарочно. Решил до утра помереть.

Долго я не мог уснуть, все представлял себе, как меня найдут утром мертвым. Отец не пойдет на работу, и мама тоже. Все будут плакать надо мной, и всем будет жалко меня. Зря, мол, не купили ему лыжные ботинки. Но будет уже поздно, потому что я умру, вот и все.

Я лежал и не засыпал, потому что уже плакал от жалости к себе. Но молиться все-таки не стал.

Потом я уснул — на вечные времена.

А когда утром проснулся, то очень удивился, что я вовсе не мертвый, а совсем даже живой.

Так я понял, что с этой молитвой дело обстоит совсем не так, а по-другому. С того времени я и не хочу молиться. Знаю — не помогает.

Но бабу я и теперь люблю.

Югославия

Веками топтали землю Балканского полуострова иноземные захватчики. После многочисленных войн исчезали с карты старые государства и появлялись новые, как правило, крошечные и, как правило, враждовавшие с соседями. Лишь после первой мировой войны возникло здесь единое государство южных славян — Югославия.

Но подлинное единство и дружба народов Югославии возникли только в огне всенародной борьбы против гитлеровских захватчиков. После разгрома гитлеровцев все народы Югославии — сербы и хорваты, словены и черногорцы, босняки и македонцы — стали хозяевами своих земель и объединились в крепкую и дружную федеративную республику — социалистическое государство трудящихся. Новую жизнь пришлось строить на развалинах. Отступая из Югославии, гитлеровцы разрушили полмиллиона домов, взорвали и сожгли все мало-мальски крупные предприятия: заводы, шахты, электростанции.

Но югославский народ с честью вышел из всех бед и испытаний. Социалистическая Югославия стала одной строительной площадкой, и ее народы умеют дружить и помогать друг другу.

ЯОСИП
ПАВИЧИЧ

вое друзей

Летним вечером огромное красное, как разрезанный арбуз, солнце клонилось к западу. Оно уже не сверкало так нестерпимо, как днем, и на него можно было даже смотреть. Вскоре солнце скрылось за высокими горами где-то за Самобором. Несколько фабричных труб еще продолжало дымить, остальные фабрики перестали курить свои трубки.

А на окраине Загреба, недалеко от железнодорожного моста над Савой, на куче песка в своем дворе играл Павлек. Это был веснушчатый, с загоревшим на солнце лицом мальчик, который не боялся ничего на свете, кроме крапивы и соседского гусака. Павлек с любопытством смотрел, как тонкие струйки песка текут между пальцами. Но мальчишкам быстро надоедает сидеть на одном месте, поэтому и Павлек скоро встал, оседлал своего коня — палку с вырезанной конской головой — и закричал:

— Но-о-о, Вороной!

Двор оживился. Всадник пустил коня галопом, и тот носился вокруг дома. Испугал до смерти кошку, дремавшую в уголке, разогнал стаю воробьев, которые воровали крошки у кур.

Потом всадник звонко, во все горло запел:

Утром солнце встает,
В ветвях птичка поет...

Тут Павлек замолчал: он заметил, что солнце вот-вот скроется за далекими самоборскими вершинами. Он слез с коня и, протянув к солнцу руки, громко крикнул:

— Эй, солнышко, куда ты так спешишь? Не уходи! Когда ты сядешь, меня

позовут спать. Придется умыться, поужинать — и в постель... Солнце, прошу тебя, побудь со мной еще немного!

Но солнце, как видно, не обратило внимания на просьбы мальчишки и начало скрываться за горой. Увидев это, Павлек привстал на цыпочки, сложил ладошки рупором и закричал так громко, как только мог:

— Ах, ты не хочешь меня слушать, ты спешишь домой... И ты, наверно, боишься моей мамы! Тогда хоть утром приходи пораньше! Я не люблю долго спать. Когда я просыпаюсь ночью, мне очень страшно без тебя. Я готов заплакать, но мне стыдно. Знаешь, ведь я уже большой. Пожалуйста, приходи утром пораньше, не задерживайся. Слышишь?

В этот момент мама схватила его за руку:

— Идем, сынок, на сегодня хватит. А с кем это ты разговариваешь? Опять нашел нового товарища? Вот я вам покажу! Уже почти темно, а они, вместо того чтобы лежать в постели, кричат и договариваются о встрече. Ну, идем! Сначала вымой руки и ноги, а потом ужинай и ложись. Ты ведь знаешь свое время: петушки ложатся спать вместе с солнцем, а дети — вместе с петушками.

И мама потянула Павлека за собой. Мальчик пошел за ней, но у порога быстро обернулся. Солнце подмигнуло ему из-за горы своим блестящим глазом. В голосе Павлека зазвучали слезы:

— Вот видишь, я сказал, что меня позовут домой... Смотри не опаздывай утром!

Мама обернулась, посмотрела, с кем же разговаривает ее сын. Никого нет...

— Иди домой спать! — строго приказала она невидимому приятелю Павлека, который, вероятно, спрятался где-нибудь в кустах. — Завтра утром приходи, а сейчас пора отдыхать.

Потом посмотрела на Павлека и спросила:

— Кто это? Опять кто-нибудь из Баричевых?

— Нет, мама, нет! — запрыгал от радости Павлек. — Ты разве не знаешь?.. Солнце! Мы с ним уговариваемся на завтра.

Мама с удивлением заморгала, потом улыбнулась и посмотрела на запад. В это мгновение солнце еще раз послало свой теплый луч, весело подмигнуло мальчику и скрылось за горой...

Когда рано утром мама вошла в комнату, Павлек сладко спал. В открытое окно доносился грохот поезда, мчащегося по железнодорожному мосту через Саву, громыхали колеса трамваев, шум голосов на улице становился слышнее. Время от времени раздавался громкий, воинственный крик соседского гусака. А солнце заливало сиянием дома и дворы, заглядывало в окно.

— Эй, сынок, вставай. Твой друг уже пришел, ждет тебя! — воскликнула мама Павлека и потрясла его за плечо.

о д е р ж а н и е

АВСТРАЛИЯ

Джон Хезерингтон. Охота на лягушек. *Рисуни А. Васина* 7

АЛЖИР

Мухаммед Диб. Отечество. *Рисунок А. Васина* 15

АРГЕНТИНА

Альваро Юнке. Мартин ничего не украл! *Рисунок А. Конорина* 21

БИРМА

Зоджи [У Тейн Хан]. Аунг Бо и Лейлоун. *Рисунок Р. Вольского* 29

БОЛГАРИЯ

Ангел Каралийчев. Белый конь. *Рисунок Е. Бургуинера* 37

Ст. Ц. Даскалов. Колокольчик Рогоуши. *Рисунок А. Шаринова* 41

ВЕНГРИЯ

Миклош Видор. Центр нападения и капитан. *Рисунок А. Итнина* 47

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВЬЕТНАМ

То Хоай. Озорник Лиу становится мастером. *Рисунок А. Шаринова* . . . 53

ГАИТИ

Ленгстон Хьюз и Арна Бонтан. Тамтам в ночи. *Рисунок Е. Бургуинера* . . 61

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ

РЕСПУБЛИКА

Фред Родриан. Феликс и голубь Гук. *Рисунок Д. Хайкина* 67

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ

Эрих Кестнер. Мальчик путешествует. *Рисунки Е. Бургункера* 73

ГРЕЦИЯ

Лилика Наку. И это жизнь? *Рисунок А. Шмаринова* 81

ИНДИЯ

Умешчандра Шарма. Не в росте дело. *Рисунок А. Шмаринова* 87

ИТАЛИЯ

Марчелло Арджилли. Героический трамвай. *Рисунок Б. Марновича* 91

Альдо де Яко. Страх. *Рисунок А. Нонорина* 97

КИТАЙ

Хо Мяо. Живой будильник. *Рисунок Д. Хайкина* 105

КУБА

Ильда Перера Сото. Море. *Рисунки А. Ермолаева* 111

МОНГОЛИЯ

Л. Бадарчи. При свете восковой свечи. *Рисунок Е. Мошкова* 119

ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Юсуф Идрис. Взгляд. *Рисунок Б. Марновича* 127

ПОЛЬША

Стефания Завадская. Аннушка. *Рисунки А. Иткина* 131

РУМУНИЯ

Октав Панку-Яш. Если вы спросите Трули... *Рисунок Н. Ниорринг* 139

Джика Ютеш. Иди домой, дружок! *Рисунок В. Каневского* 143

СССР

Владимир Железников. Космонавт. *Рисунок Е. Мошкова* 149

Радий Погодин. Кто согрел море. *Рисунок А. Ливанова* 153

Олесь Донченко. Теленок. *Рисунки А. Ливанова* 155

Маквала Мревлишвили. Куцые чурчелы. <i>Рисун Е. Мешкова</i>	161
Яан Раннап. Хвастунишка Калле. <i>Рисун Е. Мешкова</i>	165
Хаким Назир. Затмение солнца. <i>Рисун Е. Мешкова</i>	167

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Альберт Мальц. Цирк приехал. <i>Рисунки В. Цигалы</i>	173
---	-----

ТУРЦИЯ

Саббахатин Али. Айран. <i>Рисун А. Нокорика</i>	189
---	-----

ФРАНЦИЯ

Луда. Полностью занятый день. <i>Рисунки А. Ермолаева</i>	197
А.-М. Канапа. Железное дерево.	203

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Эдуард Петишка. Бирлибан идет в школу. <i>Рисунки Н. Кнорринг</i>	207
Клара Ярункова. Когда я был маленьким. <i>Рисун Н. Кнорринг</i>	213

ЮГОСЛАВИЯ

Йосип Павичич. Двое друзей. <i>Рисун Н. Кнорринг</i>	217
--	-----

К читателям

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ОТЗЫВЫ
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, А-47, УЛИЦА ГОРЬКОГО, 43,
ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ.

Оформление
Евг. КОГАНА

Для среднего школьного возраста

Д Е Т И М И Р А

Сборник рассказов
писателей разных стран

Ответственный редактор

Л. Е. Касюга

Художественный редактор

Е. М. Гуркова

Технический редактор

С. К. Пушкова

Корректоры

Л. М. Короткина и

Т. П. Лейзерович

Сдано в набор 26/VI 1964 г. Подписано к печати 25/IV 1965 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 14,38. Усл. печ л. 23,58. Уч.изд. л. 15,43. Тираж 50 000.

ТП 1964 № 500. Цена 1 р. 31 к.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. г. Калинин, проспект Ленина, 5.
Заказ № 430.

